

БУДНИ ПОДВИГА

Блокадная жизнь ленинградцев
в дневниках, рисунках, документах

15го Января 1942 года в пятом часу у
Скончался брат Борис 16^{лет} вуч
их кормили плохо и мало давали пост
исполнил чер... требовали увеличить
постанов по... кроме
хлеба и хл... хотел его
организм... а их 04 у
огонь дави... достать ~~и~~
в столовой... (и как
музыкаль... хлеб

19го ... по 300 гр
здесь же ... на кондукту
и на ... 112,5
барин ... груной еще 9
на дет ... 75 гр ...
на работ ... 50 гр. За 2 гр

21го Хорошии ... сварить суп
на второе ... кашки из крупы по
выдали в ренесентом углише на

БУДНИ

8 сентября 1941 – 27 января 1944

ПОДВИГА

**Блокадная жизнь ленинградцев
в дневниках, рисунках, документах**

Санкт-Петербург
Информационно-издательское агентство «ЛИК»
2006

ББК 63.3(2)622

Б90

Федеральная целевая программа «Культура России»
Подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»

Автор концепции и редактор В.Е. Левтов

Составитель В.М. Давид

Художник М.А. Бычков

Будни Подвига: блокадная жизнь ленинградцев в дневниках, рисунках, документах. Сост. Давид В.М. — СПб.: Информационно-издательское агентство «ЛИК», 2006. — 304 с., илл.
ISBN 5-86038-135-2

Эта книга, выходящая в свет в год 65-летия начала блокады Ленинграда, — небольшая частица героического и трагического эпоса, создаваемого непосредственными участниками, свидетелями и вершителями того великого подвига, который выпал на долю жителей города в 1941–1944 годах.

Эти дневники — бесценные свидетельства повседневной жизни, точнее — выживания и борьбы с голодом, стужей, бомбежками, — хранятся в Государственном мемориальном музее обороны и блокады Ленинграда. Они не публиковались ранее. Авторы дневников — рабочие и инженеры, домохозяйка и партийный работник, учительница и командир огневого взвода, врач и политработник.

Страшные будни блокады представлены и в опубликованных на страницах книги рисунках художников, живших в осажденном городе. Дневниковые записи сопровождаются фрагментами документов того времени: сводок Совинформбюро, сообщений штаба МПВО и пр.

Книга предназначена для всех, кому дорога история своей страны и родного города.

ББК 63.3(2)622

© Составление, комментарии, справочный аппарат,
Информационно-издательское агентство «ЛИК», 2006

ISBN 5-86038-135-2

К читателю

Перед вами книга, первые строки которой написаны 65 лет назад, в самые трагические дни для Ленинграда и ленинградцев, когда вокруг города сомкнулось кольцо вражеской блокады.

К сожалению, авторов этих строк, этих дневниковых записей, составивших содержание книги, уже нет среди 190 тысяч блокадников, живущих сегодня в Петербурге.

Но сохранены эти пронзительные свидетельства повседневной жизни, быта, душевного и физического состояния очевидцев и участников страшных событий 1941–1944 годов.

День за днем, без прикрас и умолчаний вели записи обычные ленинградцы, разные по возрасту, по уровню образования, социальному положению — для себя, для самых близких людей. Чтобы сохранить память о периоде, донести ее до детей и внуков.

Какую мудрость и ясность сознания, какое мужество и силу духа надо было иметь, чтобы, теряя от голода последние силы, ведя каждодневную борьбу за самосохранение, описывать происходящее под грохот артиллерийской канонады за окнами или под вой воздушной тревоги, находясь в бомбоубежище или в ночные часы в промерзшей комнате при свете тусклой коптилки! Это само по себе равноценно Подвигу!

Среди авторов дневников — инженеры, рабочие, школьные учителя, медицинские работники, подростки, только что окончившие школу. Они не были допущены к военным и служебным тайнам, не были информированы о принимаемых военных и политических решениях. В их дневниках почти нет критического осмысления событий и действий властей, свидетелями и подчас жертвами которых они являлись. Но эта подробная, откровенная хроника увиденной и пережитой повседневной жизни осажденного Ленинграда — важнейшая часть героического блокадного эпоса величайшей трагедии XX века.

И эта книга нужна нам, чтобы понять — как сумел выстоять наш «гранитный город славы и беды», и чтобы помнить — кому мы обязаны своей жизнью!..

Дневники, которые положены в основу книги, были переданы на хранение в рукописно-документальный фонд Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда родственниками авторов записей. Сведения об их жизни и судьбах, к сожалению, весьма скудны:

они даны в справочной части книги, наряду со сведениями о художниках-блокадниках, чьи работы мы воспроизводим на страницах издания. В справочной части приведены также современные наименования упоминаемых в дневниках названий улиц и других городских объектов блокадного времени.

Текст дневников (он дан курсивом) публикуется с сохранением особенностей стилистики, внесены лишь незначительные изменения, связанные с соответствием нормам пунктуации и орфографии.

В том случае, когда были целесообразны уточнения и пояснения, они даны по тексту в квадратных скобках. Имя автора указывается в конце публикуемого фрагмента, также в квадратных скобках.

Книга состоит из трех тематических глав, в каждой из которых фрагменты дневников хронологически объединены так, что перед читателем предстают события одного времени, прожитые разными людьми. Текст дневниковых записей сопровождается фрагментами документов тех лет — сводок Совинформбюро, сообщений городского штаба МПВО, а также другими документальными сведениями, относящимися к истории блокады Ленинграда.

90 дней: Пролог трагедии

Война, начавшаяся ранним утром 22 июня 1941 года, властно втянула в свой водоворот все население нашей огромной страны. Первыми ее тяготы ощутили на себе бойцы и командиры вооруженных сил. Отечественная пропаганда еще до начала боевых действий объявила Красную Армию самой сильной в мире. И вот напал враг, и наши войска отступают с обескураживающей быстротой. Газеты пишут о подвигах, а в официальных сводках невнятно сообщают об оставлении городов и сел на западе страны.

События первых трех месяцев предопределили всю дальнейшую военную судьбу Ленинграда. На город наступали немецкие войска, объединенные в группу армий «Север» под командованием многоопытного фельдмаршала фон Лейба. Машина немецкого наступления работала если не идеально, то, по крайней мере, весьма эффективно. В авангарде противника действовали подвижные танковые подразделения. Они двигались преимущественно по дорогам, сравнительно легко разрезая наспех построенные оборонные порядки советских войск.

Высшее командование потеряло управление войсками и не владело информацией об истинном положении на фронте. Спешно организуемые контрудары наносились не там и не теми силами, как надо. Несмотря на отчаянное героическое сопротивление отдельных воинских частей, общее положение войск было катастрофическим. Первые сражения показали, что страна и ее Вооруженные Силы, начиная от Верховного главнокомандующего и кончая рядовыми бойцами, оказались не готовы к ведению современной войны.

5 июля враг вторгся в пределы Ленинградской области и овладел г. Островом.

9 июля противник занял Псков.

10 июля с рубежа р. Великой началось наступление немецко-фашистских войск непосредственно на Ленинград. Тяжелые бои завязались в предполье Лужской оборонительной линии, западнее

Чудского озера, в Эстонии и на Ладожско-Онежском перешейке. Войска противника продолжили продвижение в направлении Луги.

14 июля войска 4-й танковой группы немцев, совершив по проселочным и лесным дорогам переход, достигли р. Луга, форсировали ее в нижнем течении и захватили плацдарм в 20–25 км севернее Кингисеппа в районе деревни Ивановское. Попытки бойцов 2-й дивизии народного ополчения и курсантов Ленинградской бронетанковой школы сбросить противника с плацдарма не удалось.

15 июля после тяжелых двухдневных боев немцы захватили второй плацдарм в районе Большого Сабска.

14–18 июля войска 11-й армии Северо-Западного фронта в районе города Сольцы южнее озера Ильмень нанесли встречный контрудар по 56-му корпусу генерала фон Манштейна.

19 июля немецкий 41-й моторизованный корпус в составе двух танковых, одной моторизованной и одной пехотной дивизий начал наступление на Лугу, однако встретил организованное сопротивление и понес ощутимые потери. Все это вынудило германское верховное командование отдать приказ о приостановке наступления танковых авангардов до подхода основных сил 18-й армии. Советские войска, оборонявшиеся на Лужском рубеже, получили возможность немного передохнуть и провести реорганизацию.

Тем временем продолжились работы по возведению дополнительных рубежей обороны по линии Петергоф — Гатчина — Колпино и Автово — окружная дорога — Средняя Рогатка — село Рыбацкое.

31 июля финские войска предприняли наступление на Карельском перешейке против 23-й армии.

8 августа утром, перегруппировав силы и подтянув резервы, немцы возобновили наступление с плацдармов у Ивановского и Большого Сабска в Кингисеппском секторе. Врага встретили 2-я дивизия народного ополчения и 90-я стрелковая дивизия.

12 августа немцам удалось сломить сопротивление 48-й армии в районе Шимска. Советские части были потеснены на север, танки противника пошли вдоль берега озера Ильмень на Новгород.

16 августа противник занял Нарву, Кингисепп и западную часть Новгорода.

20 августа противник занял город и железнодорожную станцию Чудово. Таким образом, была перерезана железнодорожная линия Ленинград — Москва.

Далее, сосредоточив в районе севернее Чудова 39-й моторизованный и 28-й армейский корпуса, немцы продолжили продвижение вдоль Московского шоссе в направлении Любани. Именно это наступление оказало решающее влияние на военную судьбу Ленинграда вплоть до января 1944 года.

На подступах к Любани оборонялись ослабленные в предшествующих боях части 48-й армии. Вследствие малочисленности личного состава и слабости вооружения они не могли оказать достойного сопротивления.

24 августа командующий Ленинградским фронтом К.Е. Ворошилов просит Ставку Верховного Главнокомандования прислать на Ленинградский фронт подкрепление, однако в ответ получает отказ. Захватив Любань, противник продолжил продвижение вдоль Московского шоссе.

27 августа немецкие войска почти без сопротивления заняли Тосно, в 18 часов того же дня — Саблино, а к 20 часам достигли поселка Красный Бор, продвинувшись за сутки на 30 километров. Одновременно развернулось наступление вдоль западного берега Волхова.

29 августа командование фронта спешно перебросило на юго-восток от Ленинграда в район Ям-Ижоры 168-ю стрелковую дивизию, 4-ю дивизию народного ополчения развернули восточнее Колпино. Тем самым было прикрыто направление наступления на Ленинград вдоль Московского шоссе. Однако на следующий день выяснилось, что намерения противника иные.

30 августа авангард 122-й немецкой пехотной дивизии неожиданно свернул в Саблино с Московского шоссе, вышел к Неве и вечером захватил Ивановское (юго-западнее Отрадного). Последняя железная дорога, связывавшая Ленинград со страной, оказалась перерезанной. К счастью, попытка врага форсировать реку с ходу сорвалась.

1 сентября командование бросило в бой только что сформированную 1-ю дивизию НКВД, поставив перед ней задачу отбить у противника станцию Мга. К вечеру ее удалось освободить.

2 сентября немцы вновь сумели занять станцию Мга. Подразделения 1-й дивизии НКВД и 1-й горнострелковой бригады были отброшены.

4 сентября ночью в район Невской Дубровки была введена из резерва фронта 115-я дивизия, в задачу которой входила оборона правого берега Невы, так как в связи с выходом противника в ее

верховья возникла опасность с его стороны форсирования реки и обхода Ленинграда с востока и соединения с финскими войсками. **6 сентября** немцы продолжили наступление вдоль левого берега Невы в направлении Шлиссельбурга. Части 20-й моторизованной дивизии противника, поддержанные 12-й танковой дивизией, вновь атаковали части 1-й дивизии НКВД и 1-й горнострелковой бригады. Позиции обороняющихся подверглись в первой половине дня массированным воздушным налетам, в которых участвовало до 200 самолетов.

7 сентября в 19 часов передовой батальон 20-й моторизованной дивизии немцев занял Марьино. Почти одновременно другой ее батальон без боя овладел Синявиним. Поздно вечером остатки частей 1-й дивизии НКВД сосредоточились на южной окраине Шлиссельбурга. Около полуночи они на судах и баржах переправились на правый берег Невы.

8 сентября утром немцы заняли Шлиссельбург. Город Ленинград оказался в осаде.

9 сентября наступление врага на город с юго-западного направления возобновилось.

10 сентября противник прорвал оборону в районе Сквориц и продвинулся в сторону Дудергофа.

11 сентября днем противник занял Дудергоф и Воронью гору.

12 сентября продолжались упорные бои за Красное Село. В конце дня немцы силами 1-й танковой дивизии захватили Большое Витолово и вынудили наши войска покинуть Красное Село и Ропшу. Части 6-й танковой дивизии противника заняли Большое Верево, севернее Красногвардейска. Пехотные части обошли город с северо-востока и заняли Романовку. В окружение попали два полка 2-й гвардейской дивизии народного ополчения и два отдельных артиллерийско-пулеметных батальона.

13 сентября утром противник продолжил продвижение вдоль Таллинского шоссе в сторону Урицка и вклинился между позициями 8-й и 42-й армий, занял Горелово, Финское Койрово и Верхнее Койрово. Около полудня пал Красногвардейск. К вечеру подразделения 1-й и 6-й танковых дивизий немцев вышли к Александровской на подступы к городу Пушкину.

В первой половине дня в Ленинград прибыл генерал армии Г.К. Жуков, назначенный командующим фронтом вместо К.Е. Ворошило-

ва. Перед новым командующим встали две сложнейшие задачи: во что бы то ни стало остановить наступление на юго-западные пригороды Ленинграда и совместно с отдельной 54-й армией маршала Г.И. Кулика прорвать оборону немцев в южном Приладожье, освободить Шлиссельбург и тем самым снять блокаду.

14 сентября новый командующий Ленинградским фронтом Г.К. Жуков приказывает 10-й стрелковой дивизии занять позиции южнее поселка Володарский, 8-й армии — перегруппироваться и нанести левым флангом контрудар в направлении Красного Села.

15 сентября противник продолжил наступление по всему фронту 42-й армии. Наиболее интенсивный удар был нанесен в стык между 8-й и 42-й армиями. Оборона слабой 10-й дивизии не выдержала. Ее части были оттеснены в сторону Стрельны. Противник, проскочив Урицк, вышел на берег Финского залива.

16 сентября немцы ввели дополнительные силы и продолжили наступление в сторону Стрельны, закрепившись на берегу Финского залива, вблизи поселков Володарский и Сосновая Поляна.

17 сентября утром противник атаковал боевые порядки 21-й дивизии НКВД и 5-й дивизии народного ополчения в районе Урицка.

18 сентября утром противник нанес удар в стык между 42-й и 55-й армиями и захватил город Пушкин, пытаясь обойти Пулковские высоты слева, а Колпино справа и прорваться в Ленинград.

Враг был остановлен на рубеже: Лигово — Нижнее Койрово — Пулково — Большое Кузьмино — Путролово — Новая. За это пришлось заплатить высокую цену.

Впервые за более чем двухсотлетнюю историю враг подобрался так близко.

Наиболее образованные и способные к анализу событий люди видели причины трагедии в грубых ошибках и просчетах, допущенных руководством страны в предшествующие два десятилетия.

Русский офицер, участник Первой мировой войны, служивший в Красной Армии с 1918 года, петербуржец-ленинградец Л.Н. Пунин записал в своем блокадном дневнике осенью 1941 года:

Кто мог думать, я скажу резче — кто смел думать, что враг подойдет вплотную к городу и поставит ленинградцев под обстрел? За такие мысли полгода назад можно было оказаться в тюрьме или даже быть «в расходе», а теперь мы не слышим, чтобы кто-нибудь ответил народу — почему границы оказались не на замке, где наши

народные средства, которые мы давали на оборону, отказывая себе во многом. Ведь страна с 1917 года не жила полной жизнью, ведь процесс обнищания народа продолжался, и все это во имя обороны, для будущей войны с капиталистическим миром. А теперь при войне с Германией и при поддержке Англии и США мы дожили до позора, что враг топчет нашу землю, враг стоит у ворот Ленинграда и на пути к Москве. Мы не сумели сразу отбросить немцев от города и не пустить их в пригороды. Немцы в Лигово, Дудергофе, Петергофе, Пушкине, Гатчине, Павловске, Тосно, Шлиссельбурге. В городе упорно говорят, что с востока идет Кулик с сибиряками, и он освободит город, но Кулика нет, кольцо сжато, и город начинает голодать. <...>

Город с его многомиллионным населением, флотом и армией не мог быть сдан немцам — это ясно, но такой город должен был быть обеспечен жизненными ресурсами, и все силы государства должны были быть направлены на прорыв блокады. Но нет, очевидно, в такие дни гибель миллионов людей мало кого трогает! История вынесет свой суровый приговор, но мы, современники величайшего бедствия XX века, не доживем до этого приговора.

ВЫЖИТЬ! ВЫСТОЯТЬ! ПОБЕДИТЬ!

В начале сентября ленинградцы впервые непосредственно на себе испытали обжигающее дыхание войны. Обстрелы, бомбежки, все то, о чем они слышали или читали во фронтовых сводках, стало их повседневной реальностью. Перед каждым ленинградцем во всей трагической реальности стала перспектива возможной внезапной гибели от бомбы или снаряда, от голода или от стужи.

Несмотря на отчаянные меры по экономии продовольствия, его запасы таяли с каждым днем. Враг не скрывал своих намерений взять город измором. В ноябре нормы потребления продовольствия снизились до минимума, и начался массовый голод. Суровой зимой 1941–1942 годов из-за нехватки электроэнергии и топлива практически остановилась промышленность, остановился транспорт, вышли из строя инженерные сети и вся система жизнеобеспечения. Казалось, что город умер, и немцы близки к осуществлению своего коварного замысла — без уличных боев и связанных с ними потерь захватить опустевший город.

Между тем город жил. На промышленных предприятиях выполняли срочные заказы Ленинградского фронта. Не хватало электроэнергии — рабочие руками вращали валы машин. В котельных для получения технологического пара использовали дрова из разобранных деревянных домов. Для непосредственных участников обороны по решению Военного совета выдавались

дополнительные продовольственные пайки. По ладожской трассе в город ввозили продовольствие и топливо, из города эвакуировали население и ценное промышленное оборудование. Выжить, спасти тех, кого можно спасти, означало сорвать планы врага.

Ленинград, несмотря на громадные потери, пережил первую блокадную зиму и сумел весной и летом обустроить свое существование в условиях продолжающейся вражеской осады. По мере относительной нормализации жизни росла уверенность в грядущей победе.

После прорыва блокады в январе 1943 года и открытия железнодорожного сообщения объемы перевозки грузов и людей значительно выросли. Предприятия Ленинграда не только бесперебойно снабжали фронт боеприпасами, но и наладили ремонт сложной боевой техники, что явилась важным подспорьем для сражающихся армий Ленинградского фронта. Крупнейшие машиностроительные заводы получили заказы на изготовление мирной продукции для восстановления хозяйства в освобожденных районах страны.

Все чаще городское руководство стало задумываться о послевоенном восстановлении. В Ленинграде было организовано специализированное ремесленное училище для подготовки мастеров-реставраторов для воссоздания архитектурных шедевров, пострадавших во время войны. Однако враг, окопавшийся на ближних подступах к городу, не унимался.

Именно в 1943 году до предела интенсифицировались артиллерийские обстрелы. Летом в отдельные дни их продолжительность доходила до 18 часов в сутки. Но варварские действия врага были уже не в состоянии поколебать боевой дух ленинградцев их уверенность в скорой и окончательной победе.

В долгие месяцы вражеской осады эта вера жила в душах наших земляков. В дни и ночи студеной блокадной зимы она едва теплилась. Некоторых ленинградцев покидало мужество и терпение, но такое настроение никогда не было преобладающим. Постепенно надежда на победу над врагом начала возрождаться и расти с каждым днем. Это чудо духовного подъема совершили своими делами сами осажденные.

1941

13 сентября

Печальный день сегодня. Утром, как всегда, проснулся, послушал сводку — оставили Чернигов. Где же и когда будет положен предел наступлению немцев? Не слушаю я первых строк сводки — кажется, что громим мы немцев почем зря, а в итоге оставляем то Днепропетровск, то Чернигов. Чья очередь будет следующая? Воюют партизаны, бьют наши, а результат все тот же. Чего-то не хватает, думается, самолетов, танков и общей линии поведения.

<...>

Послал своим близким письма — «на Шипке все спокойно». Зачем расстраивать их — ведь ни помочь, ни облегчить что-либо они не в силах, ну, значит, нечего и писать. Вот, делюсь с тетрадкой. Доживем — будет хроника Ленинградских страданных дней. [Кулябко]

Командующий Ленинградским фронтом генерал армии Г.К. Жуков проводил перегруппировки. Воинские части снимались с второстепенных участков и перебрасывались на направления главного удара противника. Войска получили строгий приказ во что бы то ни стало удержать район Пушкина и Колпино.

ГКО направил в Ленинград уполномоченного по специальным делам зам. наркома НКВД В.Н. Меркулова для тщательной проверки подготовки взрыва для уничтожения предприятий на случай вынужденного отхода войск.

Сталин и нарком военно-морского флота адмирал Н. Кузнецов подписали приказ о подготовке к подрыву кораблей Балтийского флота.

16 сентября

Слухи о наступлении где-то в районе Новгорода, чтобы оттянуть немцев от Ленинграда, что-то затихли. А это и было бы тем чудом, которое спасло бы Ленинград со всеми его заводами, флотом и сокровищами науки и искусства. Все же сдача Ленинграда, с моей точки зрения, — преступление и позор для Родины.

Из сводок узнал — сдан Кременчуг. Значит, такой мощный естественный барьер — Днепр шириной в километр, глубокий, быстрый, — перейден. Неужели даже для уничтожения переправ у нас не хватило сил? Тогда где же дальше его задержать, когда рубежей больше нет, кроме Дона и Волги. А Донбасс, в чьих он руках

теперь? Если Днепр перейден у Кременчуга, то у Екатеринослава его так же легко перейти. Лучше не думать.

Выезда из города нет, да и не будет, наверное, по крайней мере, для нас, грешных. Возможно, что привилегированные и сумеют удрать в последний момент, хотя по дороге и для них, конечно, будут бомбежки. Ну, да не стоит задумываться об этом. [Кулябко]

Военный совет Ленинградского фронта утвердил план мероприятий по организации и проведению в жизнь специальных мер по выводу из строя важнейших промышленных и иных предприятий города Ленинграда на случай вынужденного отхода наших войск. Уничтожению подлежали свыше 140 важнейших предприятий и сооружений. Сигнал о начале операции должен был дать городской комитет ВКП(б) через секретарей райкомов директорам и секретарям парткомов предприятий. На 141 крупнейшем предприятии города созданы специальные «тройки».

«Ленинградская правда» вышла с передовой, одно название которой говорит об угрозе, нависшей над городом, — «Враг у ворот». Передовая отпечатана также листовкой. Она расклеена по городу и отправлена на фронт.

Из вечерней сводки Совинформбюро: В ночь на 16 сентября наши войска вели бои с противником на всем фронте. <...>

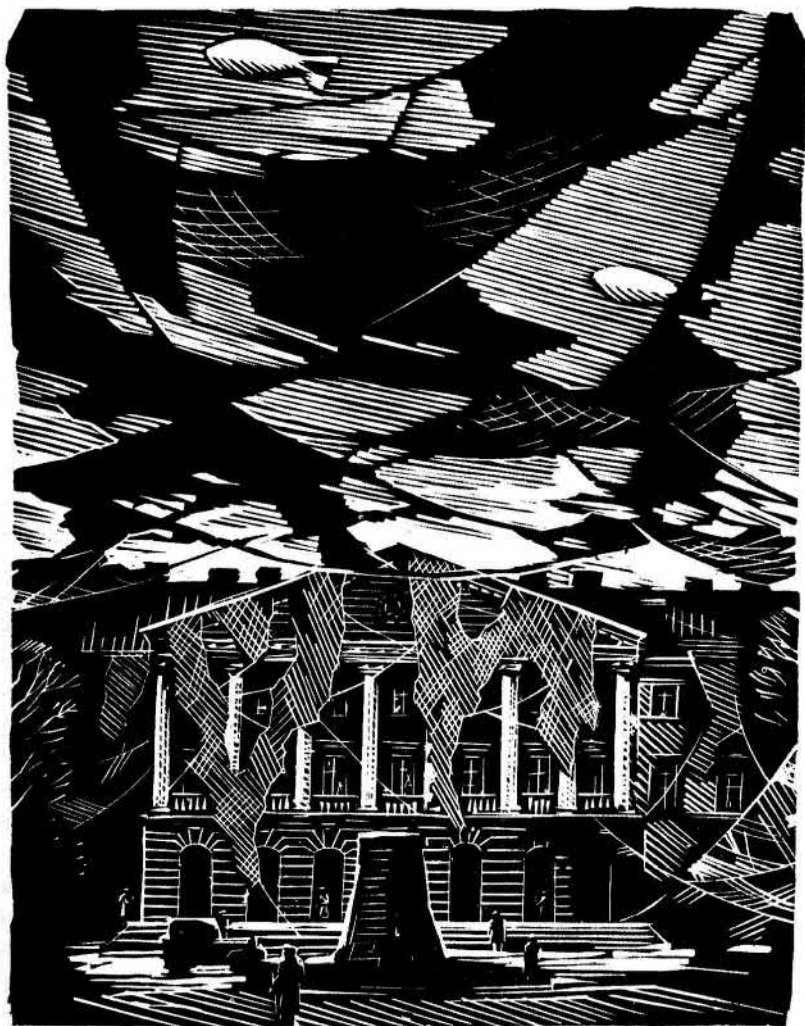
В воздушных боях на подступах к Ленинграду авиачасть полковника Данилова сбила за один день 16 фашистских самолетов. Летчики части Неуструев, Пидтыкан, Абрамов, Харитонов, Жуйков и Плавский сбили в этот день по два вражеских самолета. <...>

Одна из наших танковых бригад, действующая на Ленинградском участке фронта, в успешном бою уничтожила 48 вражеских танков и бронемашин, 27 орудий и 13 минометов. <...>

Германское информационное бюро распространило сообщение о том, будто во всех районах Ленинграда «по указанию политкомиссаров» производятся взрывы общественных зданий и якобы уже разрушены вокзалы, почтамт, правительственные здания, школы, жилые дома и другие здания. Германское информационное бюро ссылается при этом на показания каких-то советских пленных.

Это сообщение германского информационного бюро является гнусной ложью. Оно свидетельствует о том, что немцы,

Выжить! Выстоять! Победить!

подготавливая в широких масштабах бомбардировку невоенных объектов Ленинграда, стремятся заранее снять с себя ответственность за подобные варварские действия. Однако этот жульнический маневр не введет никого в заблуждение. Весь мир прекрасно знает, что гитлеровские мерзавцы способны лишь на самые подлые дела.

17 сентября

Кольцо вокруг Ленинграда сужается, обстреливается Кировский завод, он прекратил работу; это большая потеря для нас — ведь он делал танки, то, чего у нас сильно не хватает. Делаются баррикады на Лиговском пр., там, где он подходит к Международному, и далее по Международному. Всех жителей, семейных, кроме одиноких, выселяют из Кировского района до Нарвских ворот, и конец Международного до ул. Ленсовета. Переселяют на Васильевский остров и в другие более удаленные районы. Вот арена для дальнейших боев. Что из этого будет и что будет с жителями — никто не знает. Если это свершится — это будет страшнее бомбежки.

Кто бы мог думать, что через два с половиной — три месяца войны бои будут происходить на улицах Ленинграда, а теперь это становится фактом. Есть все же надежда, что до этого не дойдет. Говорят, что Стрельна опять наша, Гатчина — ничья, дворец, кажется, сгорел или разрушен, в Лигово стоят немцы, на севере финнов погнали и выгнали до бывшей линии Маннергейма, которую мы удерживаем, что двинутся к нам свежие войска, а последние добровольцы — это не войска, они и не обучены, и стары, и неопытны. Слухи о каком-то сильном наступлении в районе Новгорода, которое дало бы возможность окружения сил немцев и заставило бы их отойти от Ленинграда. И прочее, и прочее, и прочее. Где правда, где самообман — не разберешь. А в репродукторе одно жужжат — «клянемся», «не отдадим», «не допустим» и прочие фразы, но, к сожалению, слова не стреляют и не убивают. Шостакович сейчас болтает о симфонии, которую он пишет, считает, что тоже стоит на боевом посту, но она тоже, к сожалению, не стреляет. Если бы все слова и симфонии стреляли, то от немцев давно бы уже только мокрое место осталось. До решающего момента, видимо, остались считанные дни. [Купябко]

Я встретил за столиком случайно Михаила Яковлевича, мы оба обрадовались встрече. Он меня знал еще мальчиком. В армии он служил примерно лет десять, если не больше. Последние годы он был директором одного из торговых предприятий. Коммунист. Конечно, хочет нашей победы, но не верит. На мои возражения отеческим тоном, похлопав меня по плечу, сказал: «Володенька! Наше с тобой положение безнадежно. Нашим войскам под Ленинградом даже некуда будет отступать. Мы в мышеловке. Мы обречены». [В.Н.]

Шесть вражеских дивизий при поддержке авиации попытались прорваться в город с юга через Урицк и Пулковские высоты. Войска 42-й армии нанесли контрудар в направлении Урицка. После многочасового боя частям 5-й дивизии народного ополчения удалось занять центр и восточную окраину Урицка. Части 21-й дивизии НКВД отбили у противника Старо-Паново.

Утром около 200 немецких самолетов подвергли бомбардировке позиции советских войск. В 12 часов противник атаковал наши подразделения в Екатерининском и Александровском парках города Пушкина. К 18 часам немцы заняли оба парка и вклинились в центр города. В районе Слуцка немцы вынудили отойти части 168-й стрелковой дивизии.

16–17 сентября германский 41-й танковый корпус (1-я и 6-я танковые, 36-я моторизованная дивизии общей численностью 32 тысячи человек и 260 танков) был выведен из состава группы армий «Север» и по приказу Гитлера переброшен на московское направление.

Военный совет Ленинградского фронта постановил передать сорок тонн взрывчатых веществ из резерва Инженерного управления фронта «районным тройкам». Их возглавили первые секретари Кировского, Московского, Ленинского и Володарского райкомов партии, они получили специальное задание по минированию промышленных предприятий.

Из приказа командующего Ленинградским фронтом генерала армии Г.К. Жукова Военным советам 42-й и 55-й армий: Учитывая особо важное значение в обороне южной части Ленинграда рубежа: Лигово, Кискино, Верх. Койрово, Пулковских высот, района Московская Славянка, Шушары, Колпино, Военный совет Ленинградского фронта приказывает объявить всему командному, политическому и рядовому составу, обороняющему

указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа военного совета фронта и армии указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу.

Из дневника командующего 18-й армией немцев Г. фон Кюхлера: «Я ... хотел бы уберечь потрепанные дивизии от дальнейших потерь, которые они, без сомнения, имели бы во время наступления».

18 сентября

Сейчас так напряжены нервы, что от каждого резкого звука приходишь в раздраженное состояние. Это когда отдыхаешь. Идя в дозор, не обращаешь внимание на бомбы, настолько привык. Когда свистит летящая бомба, то ждешь, когда она упадет, где и скоро ли. С фронта приходят неутешительные вести — немцы все ближе к Москве и Ленинграду. В нас нет боязни врага. Мы свыклись с таким положением. Некоторые ребята хотят оказать большую помощь Родине и стремятся на фронт. Я подавал заявление в ополчение, но ребят 1924–1925 годов рождения не принимают. [Капранов]

Кольцо все уже и уже, хотя и говорят, что армия Кулика где-то около Тихвина–Чудова идет на помощь Ленинграду. Но самолетов мало, превосходство в воздухе, особенно в окрестностях, на стороне немцев. Танков нет. Я, конечно, не говорю, что их вообще нет, но если есть десятки, а нужны сотни, тысячи, то это значит — нет. Странная война — не пойму. Какой-то слоеный пирог, как говорят, из немцев и наших. Фронта как определенной линии нет. Чем все кончится? Ах, как хотелось бы, чтобы свершилось чудо и немцы были отброшены от Ленинграда! Ведь сдача его, потеря флота — тяжелый моральный удар для всех, от которого едва ли удастся оправиться. А дальше опять безрадостно — сводка сегодня сообщила о тяжелых боях за Брянск, а ведь это же опять — грандиозный промышленный район. Сдача брянского гиганта — металлургического и других заводов, которые я объезжал будучи студентом, какой же это громадный ущерб для обороноспособности нашей страны. Где же конец будет немецкому наступлению? А по радио все говорят, говорят, говорят. [Кулябко]

Командующий Ленинградским фронтом Г.К. Жуков приказал 115-й дивизии и 4-й бригаде морской пехоты высадить десант

на левый берег Невы и захватить плацдарм на рубеже Ивановское — Отрадное — совхоз «Торфяник» — Мустолово — Московская Дубровка и утром 20 сентября начать наступление на Мгу.

Высадка было осуществлена в ночь на 18 сентября. Один батальон 115-й дивизии почти без потерь захватил плацдарм в районе Невской Дубровки.

Из дневника начальника штаба сухопутных войск вермахта генерала Гальдера: «Учитывая потребность в войсках на ленинградском участке фронта, где у противника сосредоточены крупные людские и материальные силы и средства, положение здесь будет напряженным до тех пор, пока не даст себя знать наш союзник — голод».

Из сводки Совинформбюро: В ночь на 18 сентября наши войска вели бои с противником на всем фронте. <...>

Группа самолетов Краснознаменного Балтийского флота нанесла удар по вражеским мотомехвойскам на подступах к Ленинграду. Уничтожено 15 тяжелых танков, 20 автомашин и одна полевая батарея противника...

22 сентября

Прошел налет — и вновь все бегут по улицам, вскачь несутся к оставленным очередям, скачут старые и молодые, ведь голод тоже ужасен — перед ним меркнет все. Остался жив — значит надо бежать в очередь, получить голодные средства к существованию. Я очень жалею, что не видел Петербурга в феврале 17 года. Ведь тогда начало всему положили голодные очереди за хлебом. А разве 200 г в день — это не голодная норма? Плюс отсутствие картофеля, жиров, недостаток керосина, а наступит зима — дров.

Настроение у многих подавленное, многие говорят — газет не читаем, разговоров о войне избегаем, да и что говорить. Сплошной туман, видимости, как говорят летчики, никакой. [Кулябко]

Из директивы № 1-а 1601/41 от 22 сентября германского военно-морского штаба: Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населенного пункта... Прежние требования военно-морского флота о сохранении верфей, гавани и прочих важных военно-

морских сооружений известны ОКВ [верховное командование германских вооруженных сил], однако удовлетворение их не представляется возможным ввиду генеральной линии поведения в отношении Петербурга. Предложено тесно блокировать город и путем обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбежки с воздуха сравнять его с землей. Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты.

23 сентября

Слухи о положении на фронтах самые плохие. О нашем собственном — никто ничего не знает. Баррикады строят, народ переселяют, но ведь всего города не переселишь. Если будут уличные бои — это будет ужасно и населению обойдется дорого. Но об этом лучше не думать. [Кулябко]

Утром после двухчасовой артиллерийско-минометной и авиационной подготовки фашистские войска перешли в наступление на всем протяжении фронта от Пулковских высот до Финского залива. Главный удар наносился на участке Кискино–Галлерово, который оборонял 3-й полк 5-й дивизии народного ополчения. Враг стремился любой ценой пробиться в тыл советских частей, стоявших на Пулковских высотах. Наступавших встретил плотный огонь наземной и корабельной артиллерии. Каждая атака гитлеровцев наталкивалась на стойкое сопротивление ополченцев. Бойцы 5-й дивизии народного ополчения сдержали натиск врага.

24 сентября

На основе отрывочных сведений из сводок Совинформбюро у меня родилась идея прорыва немецкого фронта по линиям — Смоленск, верховья Западной Двины и направления к западу от Брянска. Если бы удался такой широкий прорыв, Ленинградская область была бы очищена. Ну, а дальше уже начинает работать фантазия. Но сразу же возникает вопрос — есть ли танки, самолеты и т. д., кроме гранат и бутылок с бензином. Ну, что Бог даст, а пока писем нет и нет, так что от мира мы отрезаны — железнодорожной связи нет. Правда, что-то смутно говорят, что с Вологдой скоро будет железнодорожное сообщение. Пока что настойчиво твердят, что

у Шлиссельбурга на левом берегу — русские, а немцы с финнами — на правом, а побережье до Териоки будто бы наше. Ничего не поймешь — сплошной туман. [Кулябко]

В 4 часа утра штаб 54-й армии, подчиненной непосредственно Ставке, получил шифротелеграмму: «В третий раз Ставка Верховного Главнокомандования приказывает вам принять все меры к незамедлительному занятию Синявина и соединения с ленинградскими войсками. Личная ответственность за выполнение этого приказа возлагается на маршала Кулика. Сталин». В первой половине дня возобновились атаки в направлении Синявина и Мги. 310-й дивизии удалось вытеснить противника из Гайтолова и выйти к реке Черной. 128-я стрелковая дивизия незначительно продвинулась в направлении деревни Липка.

Из сводки Совинформбюро: В течение ночи на 24 сентября наши войска вели бои с противником на всем фронте. <...>

Летчики морской авиации за 22 сентября сбили 13 самолетов противника и при налете на вражеский аэродром уничтожили 10 самолетов. На подступах к Ленинграду группа бомбардировщиков морской авиации Краснознаменного Балтийского флота уничтожила две немецкие зенитные батареи, 11 зенитных пулеметных точек, 14 бронемашин и 8 орудий.

25 сентября

Растревожило то, что я видел и слышал. Перед Обуховским мостом на Международном пр. строят укрепления, а возвращаясь с работы, увидел, что и на Сенной пл. у Демидова пер. тоже что-то сооружается для орудий или для пулеметов — не видно, что-то роют за деревянным забором. Так что же мне-то делать — оставаться или уходить, но куда? Мы, невоюющие, т. е. без винтовок и прочего, — как мыши в мышеловке, и если это будет так, как говорят, то многие из жителей, непосредственно не участвующие в бою (население), будут перебиты и во время боев, и после, если немцы победят. Но все равно деваться-то некуда — отрезаны по всем дорогам. Поэтому и писем нет и нет, и будут ли — не знаю. Доходят ли мои письма или тоже лежат где-либо в общей свалке? А ведь мои родные тоже обо мне беспокоятся, даже больше, чем я о них, потому что они все-таки живут нормальной жизнью, вдали от фронта, а я — под непосредственной угрозой занятия города немцами.

Говорят, что когда наши уходили из Киева, то взорвали гидро- станцию, водопровод и склады продовольствия. Не думаю, чтобы это было так, потому что от этого в первую очередь будут страдать жители города. Я понял бы взрыв промышленных предприятий, чтобы их не эксплуатировали немцы, ну а свет и вода — это больше бьет по жителям.

Черпая сведения из сводок о том, что западнее Брянска наши отодвинули немцев и даже отбросили их за Западную Двину, хочу уверить себя, что в этом направлении мы усилили нажим, погоним их дальше и это снимет блокаду Ленинграда и вообще резко улучшит наши дела. Как хотелось бы этого! Но у всех, кого ни спросишь, настроение слишком пессимистичное, а в очередях — озлобленное. Что-то сулит нам будущее? [Кулябко]

Командующий группой армий «Север» фельдмаршал фон Лееб докладывал своему Верховному командованию: «...имеющимися силами продолжать наступление не можем».

На этом активные действия противника на фронте южнее Ленинграда завершились. Стороны надолго, до январского наступления Советской армии 1944 года, перешли к позиционной войне. Противник сменил тактику и перешел к долговременной осаде. Немцы рассчитывали артиллерийскими обстрелами, бомбежками и голодом сломить сопротивление обороняющихся и спустя несколько месяцев без потерь занять город.

Предпринятые по приказу командования Ленинградского фронта 23 и 25 сентября высадки десантов моряков восточнее Шлиссельбурга закончились неудачей. Вскоре десантные отряды оказались блокированы и почти полностью уничтожены противником.

26 сентября

В Пушкине и в Старом Петергофе — немцы, как это близко от нас. Пройдут ли они оставшиеся километры или это расстояние увеличится — вот вопрос, который всегда стоит у меня перед глазами. Вопрос страшный, неразрешимый и отогнать его нельзя. Можно только временами забывать о нем, а чуть нет какого-либо отвлечения, он снова становится во весь свой рост. [Кулябко]

25–26 сентября продолжались безуспешные попытки частей 54-й армии продвинуться в направлении Синявино и Мги. За две

недели с начала боев 13 сентября советские войска потеряли свыше 3700 человек убитыми и без вести пропавшими.

Рано утром батальон 1-й дивизии НКВД форсировал Неву и завязал бой на северной окраине Шлиссельбурга. Около полудня другой батальон с большими потерями преодолел реку и закрепился на южной окраине города.

Противник перебросил в район южнее Ладожского озера 8-ю танковую и 96-ю пехотную дивизии.

Из сводки Совинформбюро: В течение 26 сентября наши войска вели бои с противником на всем фронте. За 24 сентября уничтожено 118 немецких самолетов. Наши потери — 29 самолетов. <...>

Финский народ устал от войны, в которую он ввергнут гитлеровской Германией. В тылу и на фронте царит всеобщее недовольство. За последнее время участились случаи дезертирства из финской армии. Аанре Саммалсаари, пленный солдат 7-й роты 51-го пехотного полка, говорит: «Из нашей роты дезертировали Пааво Лехтинен, Ялава, Каэрто, Кари Мюллюниютю». Капрал 3-й роты саперного батальона Талвинтиэ сообщает, что при раздаче оружия некоторые солдаты отказываются брать винтовки. Кухти Корхонен, солдат 6-й роты 31-го финского пехотного полка, рассказывает: «Командир роты Хейкинен отдал приказ идти в наступление. Но несколько солдат не вышло из окопов, несмотря на то, что командир бешено вопил и яростно размахивал оружием».

27 сентября

Сегодня меня уверяли со слов приехавших больших военных, что немцы у Ленинграда с юга почти окружены, и через 5–6 дней положение наше резко улучшится. А пока Ораниенбаум обстреливается. Смутные и тяжелые слухи о Кронштадте. Говорят, Москва уже успокоилась и войны там и не чувствуется; картофеля и овощей сколько угодно, как нет и горького дрянного хлеба, и животы, на-верное, не болят. [Кулябко]

22–27 сентября на Невском пятачке продолжались упорные бои. За это время на нем высадились три батальона 4-й бригады морской пехоты.

Из сводки Совинформбюро: По неполным данным, на подступах к Ленинграду за несколько последних дней уничтожено

свыше 4 тысяч немецких солдат и офицеров, 66 вражеских самолетов, 34 танка, свыше 30 орудий, 30 пулеметов, 20 минометов, до 100 автомашин, много винтовок, автоматов и боеприпасов. На одном из участков Ленинградского фронта противник пытался 25 сентября перейти в наступление, но был отброшен с большими для него потерями. На поле боя осталось более 200 трупов немецких солдат и офицеров.

29 сентября

Говорят, положение под Ленинградом улучшается, постепенно немцев отжимают от города. Кроме того, слышал вчера по радио о крупных боях и разгроме немцев в районе Старой Руссы, где чувствуется, что широким фронтом их теснят к западу, зажимая в кольцо армию, находящуюся у ворот Ленинграда. Если бы только это удалось, тогда можно было бы сказать о переломе в ходе военных действий, независимо от его продвижения на юге. Только бы прорезать его до моря и создать угрозу вторжения в Восточную Пруссию, а еще лучше — вторгнуться, и тогда с юга он покатился бы сам. Но конца войны не видно. <...>

Говорят, что северная дорога уже открыта, а как будто и на Москву вскоре откроется. Не знаю, так это или нет. Ведь мы ничего не знаем, все только выводим выводы со слов. У нас говорят, что есть только три источника информации: ОЖС (одна женщина сказала), ОМС (один мужчина сказал) и ОВС (один военный сказал). Вот наши газеты. А ведь кругом, вне Ленинграда, никто ничего о действительном нашем положении не знает.

Ну, пока точка. Буду ли спать спокойно? [Кулябко]

Из сводки Совинформбюро: В течение 29 сентября наши войска вели упорные бои с противником на всем фронте.

Действующий в одном из районов Псковщины партизанский отряд под командованием тов. Я. совершил в сентябре 12 налетов на фашистские автоколонны и обозы. В результате налетов уничтожено свыше 20 грузовиков с боеприпасами, 10 цистерн с горючим и 2 передвижные авторемонтные мастерские. Партизаны отбили у немцев около 200 ящиков с консервами и медикаментами, а также обоз с зимней одеждой и обувью для солдат. Во время этих операций партизаны истребили более 70 фашистских солдат и офицеров. <...>

В вечернем сообщении Советского Информбюро 28 сентября говорилось о том, что береговые батареи и корабли Краснознаменного Балтийского флота потопили один крейсер и один миноносец и повредили два миноносца противника. По полученным дополнительным сведениям теперь известно, что потоплен не один миноносец, а два миноносца противника. <...> Экипажи кораблей имели по 123 человека. <...>

Чтобы хоть в какой-то мере восполнить острую нехватку продовольствия, Гитлер беззастенчиво грабит своих «союзников». Во многих сельскохозяйственных районах Италии немцы забрали почти все продовольствие. Итальянский народ голодает. На днях Гитлер вновь потребовал от Муссолини доставить крупную партию зерна. В связи с этим итальянский совет министров, по настоянию Муссолини, сократил выдачу хлеба населению по карточкам до 200 граммов в день на человека. Итальянский народ с тревогой ожидает наступления голодной зимы.

1 октября

Сто дней войны. Какая огромная территория занята немцами. Взята Полтава, значит, очередь Харькова, тогда отрезан в значительной мере, а может быть и вообще, Донбасс, резко ухудшится продовольственный вопрос, так как не думаю, чтобы успели вывезти массы хлеба с Украины. Что ждет впереди? Когда наступит перелом? Как-то невольно закрадывается сомнение — а будет ли, и где он начнется? Никто о войне не говорит, как будто ее и нет, а говорят только о выбитых стеклах, бомбежках, обстрелах, да и то вскользь. В общем, ничего не говорят — все молчат. <...>

А писем нет и нет, и ничего не сделаешь — отрезаны. Другие говорят, что дороги под обстрелом и бомбежкой, так что ни чинить нельзя, ни проехать нельзя. [Кулябко]

2 октября

На нашем фронте ничего не разберешь — то говорят, что отжидаем их медленно, то нас обстреливают, очевидно, из Лигово и Стрельны. Говорят, половина Пушкина в наших руках. За городом на расстоянии 13 км роют окопы, причем то ли их обстреливают, то ли через них снаряды перелетают — не поймешь. Все же среди окопщиков жертвы есть.

Писем по-прежнему нет. Дороги, ни Северная, ни Московская, не функционируют — то ли бомбят их все время, то ли обстреливают. Говорят, что при первой возможности начнут вывозить раненых. Ряд госпиталей немцы разбомбили. [Кулябко]

В Ленинграде начались занятия по всеобщему военному обучению без отрыва от производства по 116-часовой программе. Военно-учебные группы были укомплектованы инструкторами Института физической культуры им. П. Лесгафта. Первой очередью обучения были охвачены 26 600 человек. (Из них более 6 тысяч человек не смогли окончить обучение по болезни, около 800 умерло, около 10 тысяч досрочно отправлено на службу в действующую армию. Закончили программу обучения 7 тысяч человек.)

7 октября

Настроение в связи с событиями на войне и, в частности в непосредственной близости от нас, то поднимается, то падает. Но чем дальше идут события, то все же, несмотря на то, что по всему городу строятся огневые точки, как-то держится и укрепляется вера, что немцам не удастся взять Ленинград.

Не знаю, правда ли, но говорят, что когда немцы на короткое время заняли Белоостров, то финны поголовно перерезали всех жителей, которые не успели уйти. Если это так, то имени нет этому преступлению, не могу сказать — зверству, потому что нет зверя более жестокого, причем бессмысленно жестокого, чем человек. [Кулябко]

Из сводки Совинформбюро: В течение ночи на 7 октября наши войска вели бои с противником на всем фронте. <...>

На подступах к Ленинграду артиллеристы одного нашего соединения огнем налетом разрушили 19 вражеских ДЗОТов, подавили две артиллерийские и восемь минометных батарей, подбили танкетку и 10 пулеметов. В районе пункта П. рассеяно большое скопление немецкой пехоты.

9 октября

Снова плохо со сводками. Орел занят немцами, о Брянске даже и не сообщают, а я-то ведь знаю, что значит Брянск. Теперь почти отрезан Донбасс, возможно, и Ростов, так как дорогу Ростов —

Выжить! Выстоять! Победить!

Воронеж — Москва он, конечно, разбомбил. Где же предел его победному шествию? Когда, какими силами и средствами его удастся погнать назад? Хоть бы зима скорее, может быть, она поможет. Теперь он возобновит и накопит себе продовольствие на долгий срок, так как вряд ли все удастся вывезти. А богатства недр — руда, уголь и пр. — тоже теперь у него под боком. Неладно все вышло, так неладно, как не было еще за все тысячелетнее существование России. Вспоминаю слова генерала Куропаткина: «Терпение, терпение...», но у него-то дальше ничего не последовало. А что последует у нас? [Кулябко]

10 октября Верховный главнокомандующий вызвал генерала армии Г.К. Жукова в Москву. Командующим Ленинградским фронтом назначен генерал-майор И.И. Федюнинский.

Из сводки Совинформбюро: 6 и 7 октября наша авиация, защищающая подступы к Ленинграду, совершала интенсивные налеты на войска противника. В результате действий отдельных групп наших самолетов уничтожено 6 немецких танков, 3 бронемашины, 72 автомашины, 18 зенитных орудий и 2 артиллерийские батареи, взорвано несколько цистерн с горючим. В другом секторе Ленинградского фронта в итоге внезапного нападения группы наших бомбардировщиков на немецкие войска уничтожено 10 танков, 30 автомашин, 3 орудия, 30 зенитных автоматов, пулеметная батарея и до роты фашистской пехоты.

11 октября

Уже ни о чем этом не говорят, кроме того, что с 11 числа сбавили сахар, еще что-то, ждут, что хлеб сбавят, и еще некоторые разговоры на эту тему, а то больше безмолвствуют, как будто есть только служба и служебные разговоры, а до всего остального, так остро всех затрагивающего, нет ни у кого никакого интереса. Оригинальное явление, интересно было бы разгадать природу его.

Сегодня без разрешения начальства велел сделать две «буржуйки»: бойцы мерзнут в окопах, и один красноармеец из нашего института просил срочно для них сделать. Разве я могу отказывать и оформлять что-то через начальство? Сам распорядился.

Рабочие у меня всё стали делать медленнее, чем раньше, а на мой вопрос в упор, почему копаетесь, замялись, а потом один ска-

зал — жрать нечего, откуда же силы брать, чтобы делать быстрее. Может быть, наступление на нашем фронте освободит Московскую и Северную дороги и даст возможность хоть какого-нибудь подвоза. Голодовка уже на носу. Что-то будет? Сто двенадцать дней войны. [Кулябко]

12 октября

Три месяца и 22 дня войны. Мы держимся, хотя и отступаем, еще столько же продержимся, еще столько же угробим немцев и тогда можно будет с уверенностью сказать, что немцы будут биты. Вот как будет проходить война в зимних условиях. Это, конечно, все мои собственные размышления. Никто ничего не говорит, в газетах — трафаретные бои по всем фронтам. Надо же хоть самому что-то измышлять. Все же думаю, что начать их гнать надо от нас, т. е. с севера на юг, а не с запада на восток, все же надо создавать угрозу вторжения в Пруссию, тогда пятки у них засверкают по всему фронту.

Упорно говорят, что в районе Новгорода все же немцев сильно жмут, с запада тоже, как будто Кингисепп вновь у нас. Кто знает, может, в город и не пустят, хотя по всему городу — постройка сильно укрепленных огневых точек. Дай Бог, чтобы их не пришлось использовать. Слухи, что большой караван судов пришел в Ленинград водой. Может, немного легче с продовольствием станет. Ждут, что Северная дорога вот-вот откроется. Сильно ее разорили немцы и самолетами не дают восстанавливать, но упорно говорят, что эшелоны все же вскоре начнут ходить. Тогда и то вооружение, которое здесь не делают, подойдет, и бензин, и продовольствие, и прочее. Самолеты новые прибыли, и их облетывают, и привыкают к ним наши летчики. Может, легче бомбежки будут проходить и легче будет отжимать немцев от Ленинграда назад.

Послал сыну «молнию», что здоров, волнуется мой мальчик, письмо от 20 сентября получил 3 октября, ну, и то хорошо. Его «молния» ползла ко мне 4 дня. Он ее послал 7-го, а 5-го я получил его телеграмму, на которую, тоже телеграммой, ответил 6-го. Пишет, что слышал, будто 19-го был у нас ужасный день, это правда, но ведь их много было уже, таких дней. Это он в открытке пишет, что я получил сегодня. Шла 9 дней, это совсем недолго. Собирается на машине ехать сюда, с этим надо быть осторожным, чтоб не попасть

немцам в лапы. Напишу, но когда он это получит — кто знает, что вообще тогда будет.

У меня возник вновь вопрос — ехать или нет. Здесь как-то уже притерлось все одно к одному, все стало обычным, чуть ли не нормальным, и вдруг все ломать, пускаться в неизвестное плавание и неизвестно куда. А если сына переведут, что же я, как обуза, поплетусь с ним? А будет ли возможность, и как меня там встретит милиция? На что я буду жить? Хотя на 6–7 месяцев мне хватит, а дальше? Прямо сказать, если бы не возможность попасть немцам в лапы, я никогда не уехал бы, а быть в плену в случае занятия города, как ни невероятно эта мысль, это было бы уже свыше моих сил. [Кулябко]

15 октября

Как тяжело быть беженцем в старости, хотя многим тысячам, живущим в землянках, впроголодь, без денег во сто крат хуже, но это ведь только самоутешение, и от него не легче. Все тяжело — нет керосина, нет света, грязь (нет мыла), нет сахара и всего, считавшегося самым необходимым. Есть картофель, и это все, но и это хорошо. Картофеля у нас, к сожалению, практически нет, керосина — тоже, но есть культурные условия жизни — пока есть свет, книги, есть дело, и потому нет времени на тяжелые думы. О наступающем голоде не хочу думать, что еще ждет впереди. Один-два месяца я как-то смогу прожить, так думаю, а что же еще загадывать, когда и за один-то день, по существу, нельзя поручиться. Один день прожит — хорошо. Наступит завтра — будет видно.

Как хотелось бы мне хоть на миг перелететь к своим, подбодрить, вдохнуть свежую или, во всяком случае, новую струю в жизнь моих дорогих изгнанников, как хотелось бы, чтобы скорее прошел весь этот кошмар и мы обрели бы покой, так нужный нам, старым людям. Буду же хоть мечтать, что когда-то наступит день, когда я на вокзале буду встречать всех тех, с которыми прожито много общего, делиться всем пережитым и пережитым за дни разлуки. И все же я рад, что я один, что жена уехала от этого кошмара, который переживает теперь Ленинград. И я спокойнее и бодрее себя чувствую, зная, что думать мне нужно только о себе, и события моей жизни только косвенно затрагивают моих близких. Я помню, как я совершенно терял спокойствие, пока мой родной

внучок Ванюша не уехал и не оказался вне опасности, угрожающей Ленинграду. Тогда я сразу успокоился, как гора с плеч свалилась. То же ощущение и в отношении жены. Нервы у нее совсем плохи стали, сил мало, и переживать здесь ужасы хотя бы бомбежки ей, конечно, было бы не по силам. Все свершилось к лучшему, и живу надеждой на лучшее.

Тихо. Метроном ровно отстукивает секунды. 9 часов 45 минут. Когда он замирает, настороженно замираю и я в ожидании sireны. Вот как он сейчас замер. Случайно или придется одеваться и идти на пост? [Кулябко]

Из сводки Совинформбюро: На одном из участков Ленинградского фронта части командиров Родина и Петрова вклинились в оборонительную полосу немцев и овладели высотой «А». За три дня боев в этом районе немцы потеряли 1 500 человек убитыми и ранеными. Огнем нашей артиллерии подавлено 7 вражеских батарей, уничтожено 26 орудий, 28 пулеметных гнезд, 8 ДЗОТов и 15 автомашин с пехотой и вооружением. <...>
В Ленинграде всеобуч проходит в боевых условиях. Созданы отряды пулеметчиков, снайперов и истребителей танков.

16 октября

Утром слушаешь радио и тоска сжимает сердце. Мы сдаем города один за другим. Москва уже в опасности. Не выдержать нам. Гибнут люди и всё бесполезно — напора приостановить, видимо, мы не в силах. Где же наша мощь, которой мы хвалились? Где наши орудия, боеприпасы? У нас ничего нет, мы просим помощи у Англии, у Америки. Плохие это помощники, больше словами, чем делом. Да, горькая участь ждет нас. Ленинград не устоит, и мы, как муравьи, погибнем под пятой победителя. [Ивлева]

Громовая сводка, как обычно, — неутешительная. Немцы, взяв Вязьму, прорвали линию наших укреплений и вплотную подошли к Москве. Так сухо передает сводка, впервые сообщив действительное положение, хотя и умалчивает о масштабе прорыва. Слишком быстро все сделано, молниеносно, хотя и готовились полтора-два месяца. А были ли мы готовы, сделали что-либо по укреплению подступов к Москве или прозевали? Вопрос, который сильно тревожит меня. Нас держат в осаде чуть ли не два месяца, если не больше, но пока что держимся, хотя и сильно помяты и налетами,

и ежедневными обстрелами. Дети, играющие на улицах в районе Нарвских ворот, слыша свист пролетающего снаряда, бросаются на землю, а после взрыва вновь продолжают свою игру. Что ж, дети — жизнерадостность берет свое, а малая сознательность пренебрегает ощущением опасности. <...>

Стараюсь держать себя твердо в руках и потому закурю (много курить только стал) и буду читать в надежде, что остальная часть ночи будет спокойной. 11 часов вечера. [Кулябко]

Противник перешел в наступление, нанося главный удар на Грузино, Будогощь, Тихвин, а вспомогательный — через Селищевский Поселок на Малую Вишеру. Главная цель немецко-фашистского командования ударом через Тихвин на Лодейное Поле соединиться с финскими войсками на реке Свирь и полностью замкнуть кольцо блокады Ленинграда.

Из сводки Совинформбюро: В течение ночи на 16 октября наши войска продолжали вести бои на всем фронте. Особенно напряженные бои шли на Западном направлении.

Немецко-фашистские войска продолжали вводить в бой новые части.

Наши части, защищающие подступы к Ленинграду, захватили в плен большую группу немецких солдат 58-й германской дивизии. Пленные говорят об упадке боевого духа у солдат в связи с наступившими холодами и усилившимися контратаками советских войск. Пленный Айзель рассказывает: «Уже несколько недель на фронте непрерывно стреляют дальнбойные орудия. Такого грохота еще никто из нас никогда не слышал, в полку есть старые солдаты, выдавшие виды. Мы словно в пекле. Нельзя голову высунуть из окопа. Снаряды рвутся справа и слева, спереди и сзади. Снаряды рвутся все чаще и в самих окопах. Спрячешь голову, прижмешься к сырой земле и ждешь, считаешь минуты — сколько еще осталось жить. За целый месяц мы ни разу не помылись. Нас съедают вши. Мое тело покрылось язвами».

Пленные солдаты сообщили, что в 220-м полку 58-й германской дивизии произошли волнения. Полк отказался пойти в наступление. Чтобы заставить солдат выполнить приказ, командование дивизии пустило в ход оружие. Пленный пулеметчик Ганс Харвст говорит: «В последней атаке наш батальон был целиком

уничтожен. Под Ленинградом убито очень много офицеров. Потери в офицерском составе достигают 70 процентов».

18 октября

Внешние события плохи — Одесса оставлена, да и бесцельно было бы оборонять этот остров, лучше оставшиеся силы перебросить на защиту Ростова. Тверь, говорят, занята немцами, под Москвой неизвестно что происходит. Ужас, которого не знала еще Россия, и ни одного просвета нет. Около нас положение стабильно, только ежедневный обстрел, до Варшавского вокзала. К этому тоже привыкли.

Скоро 4 месяца войны и 42-й день непрерывной бомбежки Ленинграда. Много, а сколько еще впереди! Вспоминается война 1914 года. Как слабо мы ее ощущали. Жена ходила в лазарет, сын учился, дочка еще совсем маленькая крошка была. Я был все время в разъездах. Война и через три года территориально была бесконечно далека от нас. Были наступления, отступления, но не было такого безостановочного шествия неприятеля вперед на сотни километров от границы.

Где же поворотный рубеж, когда? Задаю эти вопросы и нет на них ответа. Вспоминаю наш транспорт, наш продуктовый рынок в 1916 году, почти через 3 года с начала войны и сравниваю с тем, что испытываю теперь, через 4 месяца с начала войны нынешней. Нарушено все. Люди лишены не только самых элементарных удобств, но и возможности хотя бы относительно быстро узнать, что делается с близкими, и дать знать о себе. Как много нравственных и физических сил отнимает у человека пребывание в неизвестности. Да еще и не иметь отвлечений в виде хотя бы книг и из-за отсутствия их, и из-за отсутствия света. Где же все это, куда исчезло и почему? [Кулябко]

21 октября

Просветов военных нет, сперва надеялись на подход каких-то наших главных сил, потом на стабилизацию фронта на меридиане примерно Пскова, потом головокружительный по быстроте марш немцев в глубь страны — Псков, Новгород, пригороды Ленинграда, Одесса, Днепропетровск, Смоленск, Брянск, Орел, Кременчуг, Полтава, подступы к Москве, Таганрог. Страшно сказать и обнять

всю огромную область, занятую немцами со всеми ее индустриальными центрами. Как могли допустить до такого кошмара, что же будет дальше?

Утешаю себя тем, что наступление на Москву, судя по сводке, на подступах ее, у ворот приостановлено — атаки отбиты. Надолго ли? А что делается со стороны Твери и Калуги — неизвестно. Известно только, что немцы берут Москву в полукольцо, как держат они в таком полукольце Ленинград. А ждать ведь долго нельзя, надо задержать их на 4–5 месяцев, за это время собраться с силой, собрать и доставить к фронту техническую часть.

Считаю, что судьба Ленинграда в прямой зависимости от Москвы. Удастся отбросить их от нее, удастся освободить железнодорожную магистраль, и Ленинград сможет, быть может, удержаться, а нет — мы обречены на голодную смерть. Будем ждать.

Сегодня опять какие-то слухи от какого-то военного через десятые руки, что под Ленинградом немцев медленно, но отжимают. Где, когда, насколько — неизвестно. И все же, хотя Ленинград ежедневно обстреливают дальнобойными орудиями, как-то хочется верить этому слуху и настроение несколько повышается. [Кулябко]

7 ноября

Чувствуется праздничное настроение. Еще утро, но тишину прорезают голоса репродукторов, передающих речь Сталина. Около них толпятся кучки народа. На каждом доме развеваются флаги с гербом СССР. На трамваях тоже по два флажка, а на некоторых приделаны портреты вождей и сами обвешаны красной материей. У всех приподнятое настроение. [Капранов]

Из речи И.В. Сталина на торжественном заседании 7 ноября 1941 года, посвященном 24-й годовщине Октябрьской революции: За четыре месяца войны мы потеряли убитыми 350 тысяч и пропавшими без вести 378 тысяч человек, а раненых имеем 1 миллион 20 тысяч человек. За это время враг потерял убитыми, ранеными, пленными более 4,5 миллионов человек. Нет сомнения, что в результате четырех месяцев войны Германия, людские резервы которой уже иссякают, оказалась значительно более ослабленной, чем Советский Союз, резервы которого только теперь разворачиваются в полном объеме... Если судить по действительному положению Германии, нетрудно

Выжить! Выстоять! Победить!

будет понять, что немецко-фашистские захватчики стоят перед катастрофой.

Из сводки Совинформбюро: Вся советская страна с огромным вниманием слушала вчера транслировавшийся по радио доклад Председателя Государственного Комитета Обороны товарища И.В. Сталина о XXIV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, произнесенный на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся совместно с партийными и общественными организациями гор. Москвы.

Коллективное слушание доклада товарища Сталина было организовано на московском автозаводе имени Сталина, на заводе «Серп и молот», на Кировском заводе в Ленинграде, у станкостроителей Новосибирска и на многих других заводах, на кораблях Краснознаменного Балтийского флота, в частях Красной Армии, на торжественных заседаниях в Куйбышеве, Воронеже, Свердловске и в ряде других городов. В городах и селах, совхозах и колхозах — всюду народ слушал слова великого Сталина. <...>

«Гитлеровская Германия будет разбита и уничтожена! — сказал вальцовщик Кировского завода тов. Петров. — Неизбежность этого ярко вскрыл в своей речи товарищ Сталин!» <...>

10 ноября

Сегодня был чудный морозный день. Воздух чист и свеж. С утра мороз слегка пощипывал уши. Под ногами хрустел снег. И я с тоской вспомнил о деревне. Ее поля, леса, луга, речку. Как часто я, только встав и наскоро позавтракав, выбегал на улицу. И сердце тогда радовалось, когда я видел на солнце искрящийся снег, из труб вьющийся дымок. Все там дышало радостью и весельем. Наденешь лыжи и не чувствуешь, как бежит время. Незаметно летели дни за днями. Или весна. Ярko светит солнце, весело бегут ручьи от тающего снега. На дороге ребятишки делают запруды и потом, сразу же их отпустив, радуются, когда вода с шумом несется и несет пущенные на ней дощечки или, как они их называют, «пароходики». Весело поют скворцы на ветках около своих скворечниц, по полям ходят грачи. Чирикают и дерутся на дороге воробьи. Суетятся радостные колхозницы, готовятся к весеннему севу. И так становит-

ся радостно на душе от этого весеннего дня. Или лето. Зазеленели леса. Под окнами зеленеют деревья, поспевают черемуха и яблоки. На полях пестро от цветов. Колосятся золотистая рожь, ячмень, овес. С песнями идут колхозники на сенокос.

Мы проводили целый день на речке. Ходили за грибами и ягодами. И когда вспоминаешь об этом, то сразу становится невесело от суеты шумного города. В особенности сейчас. Ничего нет. Все по карточкам. Хочешь выпить кружку квасу, и надо стоять часа два, но и то редко, где найдешь квас или газированную воду. И сейчас как никогда тянет меня в деревню. [Капранов]

Положение в Ленинграде стремительно ухудшалось. Запасы продовольствия, топлива, сырья, оружия и боеприпасов стремительно сокращались.

Обострилась до крайности ситуация на востоке Ленинградской области. После того как 8 ноября моторизованные части противника заняли город Тихвин, немцы оказались на полпути к цели — реке Свирь и соединению с финскими войсками.

Из сводки Совинформбюро: С 7 по 10 ноября на Невский пятачок были переброшены с правого берега артиллерийские и минометные подразделения. В ночь с 9 на 10 ноября на плацдарме была предпринята перегруппировка. 169-й и 330-й полки были сосредоточены на левом фланге плацдарма.

Два наших танка под командованием лейтенанта Данилова на одном из участков Ленинградского фронта прорвались в глубь расположения противника и уничтожили роту немецких солдат.

<...>

В городе Дно Ленинградской области немцы устроили на базарной площади виселицу на 15 петель. Недавно фашистские бандиты повесили 10 рабочих. Ежедневно гитлеровские палачи вешают на площади 8–10 жителей города и его окрестностей.

19 ноября

В трамвае я услышал слова случайного попутчика в военной форме:

— Смотрю я на мальчиков лет 15: молчат или жалуются, а в 18-м году ведь только по 100 г одного хлеба было.

В 18-м было плохо, но и теперь не хорошо. Голодно, холодно и бомбят. Чем ты был, Ленинград? На улицах веселье и радость.

Мало кто шел с печальным лицом. Всё, что хочешь, можно было достать. Вывески «горячие котлеты», «пирожки», «квас», «фрукты», «кондитерские изделия» — заходи и бери, только и дело было в деньгах. Прямо не житье, а малина. И чем ты стал, Ленинград.

По улицам ходят люди печальные, раздраженные. Едва волочат ноги. Худые. Посмотришь на разрушенные дома, на выбитые стекла и сердце разрывается. Прочтешь вывеску и думаешь: «Это было, а увидим ли опять такую жизнь?» Ленинград был городом веселья и радости, а стал городом печали и горя. Раньше каждый хотел в Ленинград — не прописывали. Теперь каждый хочет из города — не пускают. Разве будет хорошо, когда иждивенец получает только 125 г хлеба и каждый день ждет уменьшения нормы. К этому еще прибавь ночные бомбежки и артиллерийский обстрел. Но моральное состояние имеет большое значение, а оно подавленное. Дети часто мрут. [Капранов]

Войска 4-й армии, подтянув резервы, перешли в решительное наступление в районе Тихвина.

7 декабря

Соседка Ог-ва передала, что получила повестку от райвоенкомата с предложением об эвакуации из Ленинграда. Сейчас у всех разговоры об эвакуации через Ладожское озеро. Вечером читал газеты — ужасно плохо без света. Такие новости, и так много, но жаль, что не успеваешь за всем следить. В вечерних сообщениях по радио — о вступлении Америки в войну с Германией, Венгрией и Румынией. Ах, как счастливым будет тот, кто переживет этот кошмарный период! [Самарин]

10 декабря

По радио сообщили приятные вести — Тихвин взят нашими, войска врага гонят. Соседка Александра Степановна, даже лежа в кровати, услышав это сообщение, закричала «ура». Да, это большая радость, это начало перелома.

Днем на работе проходили беседы о вещевой лотерее. Подписался на 75 рублей. В городе упорные слухи о прибавке нормы хлеба. Сегодня норма прежняя — 125 г служащим, 250 г рабочим. Хлеб не получал, так как забрал на день вперед. А есть хочется — просто ужас. Неужели не переживу эту проклятую войну?!

Япония по-бандитски громит США, а последние всё деликатничают. Неужели будут так же долго обсуждать вопрос о вступлении в войну, как обсуждали вопрос о помощи СССР?!

Сегодня газета «Ленинградская правда» вышла в уменьшенном размере, на одном листе, и так будет выходить и в дальнейшем. Видимо, не достает бумаги. Вырезки не придется делать, буду просто подбирать целыми номерами. [Самарин]

Из сводки Совинформбюро: Бойцы тов. Астанина в двухдневных боях на одном из участков Ленинградского фронта выбили немцев из населенного пункта, разрушили 14 деревоземляных огневых точек и 6 блиндажей противника, уничтожили 5 тяжелых орудий, захватили 2 пушки, 3 миномета, много пулеметов, автоматов, винтовок, боеприпасов и истребили свыше 400 немецких солдат и офицеров. <...>

Артиллеристы подразделения тов. Бызеева, действующего на Ленинградском фронте, огнем налетом уничтожили вражескую минометную батарею и истребили свыше 100 вражеских солдат и офицеров. <...>

9 декабря ночным штурмом советские войска освободили город Тихвин <...>. По предварительным и неполным данным, под Тихвином нашими войсками захвачено: орудий — 42, минометов — 66, пулеметов — 190, танков — 27, бронемашин — 10, автомашин — 102, автоматов — 110, винтовок — 2 700, снарядов — 28 000, мин — 17 500, гранат — 30 000, патронов винтовочных — 210 000 и много другого военного имущества.

13 декабря

С мамой и братом живу в общежитии эвакуопункта. Сегодня проснулся в шестом часу и больше уже не мог заснуть. Почти все не спали. Начали рассказывать свои сны. И оказалось, что все были схожие, так как все видели во сне хлеб или другую пищу. Вале приснилось, что будто бы 19-го числа ему написали на пропуске, что завтра эвакуируемся.

Так в разговорах долежали до семи часов. Но света не было и вставать холодно. И мы, ворочаясь с боку на бок, лежали, хотя лежать было трудно из-за того, что мы лежали почти круглые сутки и отлежали все бока. У меня еще болит нога и переворачиваться сущее мучение.

Мама с Костей собираются пойти в райсовет, чтобы хоть немного похлопотать об эвакуации.

Без двадцати восемь зажгли свет и стали вставать. Хотели согреть кипятку, но вода не идет, а титан вот уже несколько дней не работает. У нас вода была запасена с вечера, и мама поставила чайник. Сейчас попьем чаю, а в обед выкупим хоть какой-нибудь суп.

В магазинах ничего нет, народу полно, и мы ничего не выкупили. Теперь мы едва переставляем ноги. Поднимаясь на второй этаж, я чувствую, что уже устал. Все мы ходим, как приведения. Будет ли, не будет прибавка хлеба, а при первой возможности постараемся покинуть Ленинград. [Капранов]

Из специального сообщения УНКВД Ленинградской области: В Ленинграде, Всеволожском и Парголовском районах Ленинградской области размещено 64 552 человек — граждан, эвакуированных из других районов Советского Союза, в том числе 23 246 детей.

Жилищно-бытовые условия эвакуированного населения крайне неудовлетворительны. Большинство общежитий не отапливается, не обеспечено постельными принадлежностями, в общежитии грязь, воды нет, больные не изолируются.

В общежитии эвакуированных по ул. Салтыкова-Щедрина, 10, холодно. На 362 человека имеется только 42 [комплекта] постельных принадлежностей, остальные спят на полу.

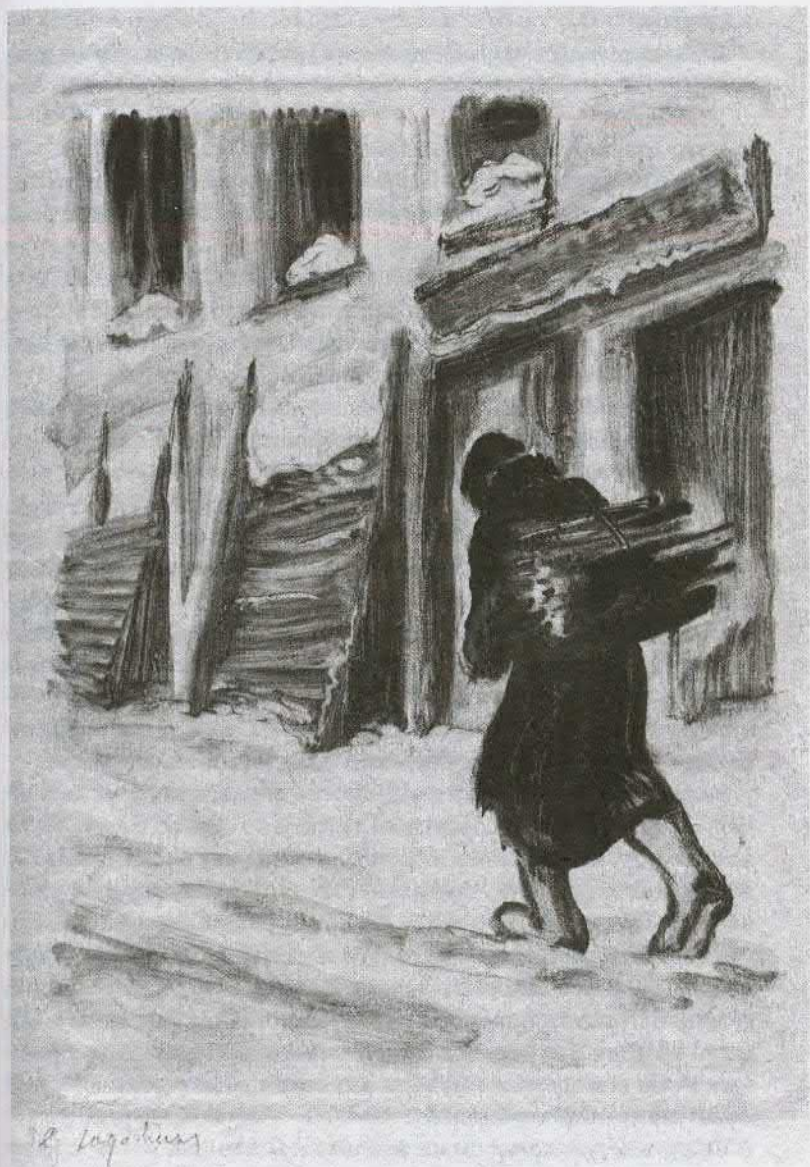
Общежитие по Лазаретному переулку, дом 4, отапливается плохо, из-за отсутствия транспорта уголь не завезен. На 474 человека имеется 100 постелей. Детские ясли, рассчитанные на 120 детей, из-за отсутствия отопления и освещения обслуживают только 13 человек. <...>

Никакой политико-воспитательной работы среди эвакуированного населения не проводится. Со стороны враждебных элементов отмечаются антисоветские проявления, которые в большей степени связываются с продовольственными затруднениями.

За контрреволюционную деятельность по эвакуационным пунктам арестовано в ноябре 11 человек.

Районные организации состоянием эвакуационных пунктов не интересуются и от руководства обслуживанием эвакуированного населения самоустранились.

Выжить! Выстоять! Победить!

15 декабря

От меня остались одни кости. Много умирают. Здесь в доме уже померло несколько человек, а покойницкие все забиты умершими от истощения и они долго лежат в комнатах. На кладбище навалены груды трупов, гробов не хватает.

Один раз, придя на работу, мужчина и девушка сели отдохнуть. От утомления они заснули, и так померли, потому что организм совсем ослаб от голода.

Другой случай произошел в магазине. Молодая девушка пришла в магазин и, схватив кусок хлеба, стала в углу жадно есть. Продавщица ее стала ругать и бить. Но она только и отвечала: «Я голодна, хочу есть».

Также мужчина выхватил в магазине хлеб и побежал. Когда его остановил милиционер, то хлеб уже был съеден. Было много случаев, когда ловили кошек и собак, дома варили и ели. О голоде еще говорит тот факт, что за килограмм хлеба рады дать 200 рублей. Люди пухнут и умирают.

Голодают не все. У продавцов хлеба всегда остается кило 2–3 в день и они здорово наживаются. Накупили всего и денег накопили тысячи. Объедаются и военные чины и милиция, работники военкоматов и другие, которые могут взять в специальных магазинах все, что надо, едят они так, как мы ели до войны. Хорошо живут повара, зав. столовыми, официанты. Все мало-мальски занимающие важный пост достают и едят досыта.

Везде в столовые и магазины налезли евреи, а куда пролез еврей, он туда устроит их десять, но русский не сунься. Евреи почти во всех столовых, булочных и против них уже говорят открыто. И так факты доказывают, что половина в Ленинграде голодует, а половина объедается.

В закрытых магазинах много, а в наших пусто. На совещании, где должны решаться вопросы о прибавке нормы и об улучшении, присутствуют не голодные а все сытые и потому нет улучшений. Где же та свобода и то равноправие, о котором говорится в конституции. У нас все попугаи. Неужели это в советской стране. Я прямо с ума схожу, как подумаю обо всем.

Сегодня утром попили кофе без хлеба. В 11 часов поели капустных щей. Туда примешали немного дуранды, но все равно одна вода. В капусте и дуранде нет питательности. Щи разделили и на ужин.

Ни масла, ни жиров нет. Я едва переставляю ноги. Голова кружится. Долго ли еще так будет? Но если долго, то не переживем. [Капранов]

17 декабря

С фронта приятные вести. Участок Северной дороги от Тихвина до Волхова уже свободен. Войска генерала Мерецкова преследуют противника.

Жаль нет центральных газет с 6 декабря, а в нашей «Ленправде» — очень сжато. Интересно выступил с заявлением Литвинов на пресс-конференции в Вашингтоне.

Война на Тихом океане начинает разгораться. По сообщениям США остров Гуам, видимо, занят японцами, так как связь отсутствует. На Гавайских островах введено военное положение, возможна эвакуация 60 тысяч человек гражданского населения из Гонолулу.

По английским сообщениям видно, что в Кидахе идут упорные бои. В северной части Малайи японцы начали атаку Гонконга. Колуге в руках японцев. Войска Голландской Индии потопили два судна противника, ведутся операции против японцев на восточном побережье Британского Борнео. Войска японцев теснят там английские и китайские части. [Самарин]

17 декабря Ставка Верховного Главнокомандования создает Волховский фронт. В него вошли уже существующие 4-я и 52-я армии, только что сформированная в Вологде 59-я и резервная 26-я (позднее переименованная во 2-ю ударную).

19 декабря

На работу пришел в 6 часов 45 минут утра. Радио работало из Москвы плохо. В 6 часов ничего не понять. Передача была только в 8 часов. Читал «Войну и мир». Радио передает приятные известия. Врага бьют — уничтожают. Освободили местечко Подгорье — это за Мгой. Скорей бы прорвать кольцо блокады. Обыватели стонут от голода, говорят только об умерших на этой почве. Вечером был на инструктивной лекции в политотделе по теме: «Война на Тихом океане». Лектор — работник политотдела. Хорошо сконспектирован материал, правда, лектор не горазд грамотно выразиться, но все-таки я остался доволен прослушанным. Сидя на лекции, здорово замерз, так как в помещении не топят.

Сегодня только выдали зарплату за ноябрь, в то время как завтра должны были уже платить аванс за первую половину декабря.

В газетах опубликованы сообщения о трофеях наших войск при взятии г. Калинина, поздравительная телеграмма М.И. Калинина королю Великобритании Георгу VI по случаю дня рождения и его ответная телеграмма. Интересное сообщение о войне на Тихом океане и выступлении по радио генерала де Голля. [Самарин]

Части 4-й гвардейской и 92-й стрелковых дивизий Волховского фронта выбили противника из Будогощи.

Войска Волховского фронта, выйдя к реке Лышка (в девяти километрах восточнее Волхова), соединились с 310-й стрелковой дивизией 54-й армии Ленинградского фронта, образовав общий фронт наступления.

Началась еще одна попытка деблокировать Ленинград. Перед войсками 55-й армии, перешедшими в этот день в наступление, поставлена нелегкая задача — отбить у врага Красный Бор и Ульяновку, а затем продолжать двигаться навстречу войскам, наступающим с востока.

Нашим частям удалось добиться некоторого успеха и продвинуться до северной окраины Красного Бора. Чтобы спасти положение, враг перебросил сюда новые силы, и войска 55-й армии, ослабленные в предыдущих боях, вынуждены были перейти к обороне.

20 декабря

В комнате эвакуопункта площадью в 30 кв. м живет пять семей, всего 16 человек. У каждой семьи по топчану и по маленькому столику. Проходы между койками узкие, а под койками сложены вещи. В комнате полумрак. Одно окно не открываем, так как если открыть штору, то очень дует, а другое не может осветить. Воздух спертый. Вот только дней пять, как поставили печку, но дров дают по полену на день. Печка — буржуйка и как только ее затопят, сразу сверху ставят греть воду, так как кипятка совсем нет. Но и печка стоит у двери из-за недостатка патрубков и очень дымит. Теперь дыму почти нет, так как почистили и немного изменили. Но воздух в комнате очень тяжелый. Свету теперь совсем не дают. И с шести вечера до десяти утра находимся в полной темноте. Все здание без света и ходим с лучиной. Вечером часа на два зажигаем лампу.

Керосин наливала мама, но теперь у нас он вышел весь, а в магазинах нигде нет.

В комнате все время подавленное настроение. Все раздраженные, голодные, едва передвигают ноги. Голова кружится. Пройдешь две лестницы и уже головокружение и слабость. Совсем исхудали и завшивели. Бани не работают.

В столовой супу нет уже три дня. Если и бывает, то всем не хватает, а суп одна вода, только чуть подмешено муки. Вечером брали биточки из дуранды. Вырезали [талоны] по 25 г крупы и 10 г масла, но была одна дуранда. Пища совсем не питательная, конфеты из кофейной гущи, масла не было, и мы выкупили сыру и брынзы, а вместо конфет — повидло.

Мы подали заявление Попкову, что дальше так жить не можем, пусть эвакуируют или хоть что-нибудь предпримут, а то ведь уже не можем двигаться, но пока помощи нет. Если эта жизнь затянется еще, то придется помирать, больше нет сил. Вот сейчас сделал запись в дневнике и уже головокружение. [Капранов]

Из сводки Совинформбюро: В течение 20 декабря наши войска вели бои с противником на всех фронтах. На ряде участков Западного, Калининского, Юго-Западного и Ленинградского фронтов наши войска, ведя ожесточенные бои с противником, продолжали продвигаться вперед, заняли ряд населенных пунктов и в числе их города Волоколамск, Плавск и станцию Войбокало (южнее Ладожского озера).

Наша часть, действующая на одном из участков Ленинградского фронта, в результате трехдневных боев с противником продвинулась вперед и заняла железнодорожную станцию П.

За эти дни немцы потеряли убитыми до 2 000 солдат и офицеров. Только одно из наших подразделений за день боев захватило 3 орудия, много пулеметов, автоматов, 14 автомашин, склад с боеприпасами, две цистерны с горючим, железнодорожный состав, большие запасы продовольствия и фуража.

21 декабря

Девять часов вечера. Улицы завалены снегом. Снег сгребают с тротуаров и для проезда транспорта, но не вывозят. Спотыкаясь в темноте о кучи снега, иду по безлюдной улице. Вокруг по горизонту яркие вспышки орудийных выстрелов. Темно. Холодно.

Безлюдно. Город в окружении. Вдруг репродуктор на углу запел в это безлюдье, холод, в эти кучи снега, вспышки огня, веселую песню.

Трамваи то ходят, то не ходят. Бань мало. Вымылись за пять часов. Женщина говорит: «Хоть бы ему также досталось. Гитлера не убивать, мучить надо, как мы мучаемся».

Могильщик просит за рытье могилы полкилограмма хлеба. Не дают.

Сапожник говорит: «Слева — мертвец, справа — мертвец, на втором этаже надо мной тоже мертвец, видно, и мне пора пришла. Одного повезли — гроба нет, завернули в простыню, ноги в черных носках торчат».

Женщина говорит: «Вчера у Петропавловской [крепости] четыре часа мертвяк лежал, через него ходят, никто не убирает». [Ходорков]

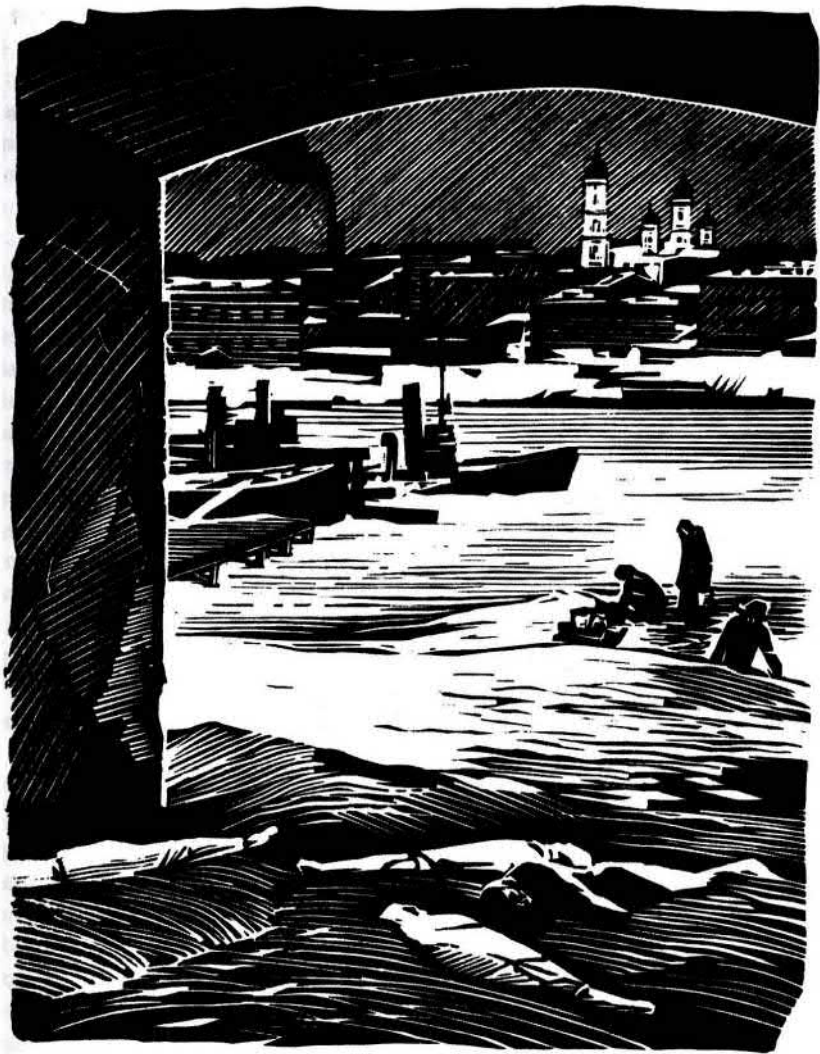
Из сводки Совинформбюро: В течение 21 декабря наши войска вели бои с противником на всех фронтах. На ряде участков Западного, Калининского, Юго-Западного и Ленинградского фронтов наши войска, ведя ожесточенные бои с противником, продолжали продвигаться вперед, заняли ряд населенных пунктов и в числе их Будогощь (юго-западнее Тихвина), Грузино (восточнее Чудова), Крапивна (юго-западнее Тулы).

В результате ожесточенных боев на одном из участков Ленинградского фронта наши бойцы заняли совхоз К., истребили 300 немцев и захватили танк, 4 орудия, 14 пулеметов, 2 миномета и много других трофеев. <...>

В течение ночи на 27 декабря наши войска вели бои с противником на всех фронтах. <...>

Части тов. Федюнинского [54-я армия], действующие на одном из участков Ленинградского фронта, за два дня боев заняли железнодорожную станцию, несколько населенных пунктов, уничтожили 4 немецких танка, 4 орудия, 2 бронемшины, захватили 11 пулеметов, много мин, снарядов и истребили 600 вражеских солдат и офицеров. <...>

В городах Финляндии с каждым днем растет число жителей, умерших от голода. Толпы голодных людей осаждают магазины и продовольственные базы. 20 декабря группа работниц бумажной фабрики в Куопио избила четверых немецких солдат,

несших буханки хлеба. В городе Оулу разгромлен немецкий продовольственный склад, в котором находилось несколько десятков тонн масла, захваченного немцами в Финляндии и упакованного для отправки в Германию. <...>

Наши бойцы, действующие на одном из участков Ленинградского фронта, освободили от немцев населенный пункт Т. и захватили 2 вражеских танка, 8 орудий, 3 000 мин, 5 500 снарядов, 3 400 гранат, 200 000 патронов и другое военное имущество.

31 декабря

Эти дни и дневник вести лень, потому что настроение безразличное и делать ничего не хочется. Прибавка принесла мало радости, так как ничего нет в магазинах. Конфет нет никаких. Если бы к этому хлебу давали все, что полагается, во-время, то голод бы легче переносить было, а то жиров никаких нет и даже норм на третью декаду на рабочих еще нет. Поэтому-то мы так голодны. Если бы летом, то не так ощущался бы голод. Сейчас дров нет, в комнате мороз, кипятку согреть негде. Неудивительно, что на улице падают люди от истощения. В Ленинграде в день умирает, говорят, от шести до девяти тысяч человек.

Сегодня последний день старого года, а новый встречать нечем. Только и слышно, лишь бы нас увезли из Ленинграда, хоть бы раз поесть вдоволь хлеба и картошки или чего-нибудь.

Вырваться бы из Ленинграда и уже больше сюда мы не поехали бы. [Капранов]

Из сводки Совинформбюро: В течение ночи на 31 декабря наши войска вели бои с противником на всех фронтах.

На одном из участков Ленинградского фронта противник предпринял ожесточенные атаки против наших позиций. Отбив атаки, наши бойцы отбросили противника, нанося ему тяжелые потери. На поле боя осталось около 200 трупов немецких солдат и офицеров. Уничтожено 4 вражеских орудия и 12 станковых пулеметов.

1942**1 января**

Сегодня наступил новый год. Что он несет — тайна, покрытая мраком. Впервые мы так встречали новый год — даже не было крошки черного хлеба, и вместо того чтобы веселиться вокруг елки, мы спали, так как нечего было есть. Когда вчера вечером я сказал, что уходит старый год, то мне ответили: «К черту с этим годом, провалиться бы ему сквозь землю!»

И действительно, я того же мнения, и 1941 год никогда не забуду. А новый год принес еще меньше радости. Хлеба не добавили, продуктов в магазинах нет, сахару, конфет и жиров. Еще за третью декаду не давали. Опять я едва таскаю ноги, дыхание спирает и жизнь уже не мила. Не видать бы мне тебя, Ленинград, никогда. На улице все так же падают люди от голода. У нас в доме померло несколько человек и сегодня из нашей комнаты просили мужчин помочь вынести покойника. В столовой ничего, кроме жидкого плохого супа из дуранды, нет. А этот суп хуже воды, но голод не тетка, и мы тратим талоны на такую бурду. В комнате только и слышно, что о еде. Люди все жалуются и плачут. Что-то с нами будет? Выживу ли я в этом году? [Капранов]

Открылось сквозное движение поездов на линии Тихвин—Волхов—Войбокало. Это позволило организовать подвоз грузов для Ленинграда на минимальное расстояние от берега Ладожского озера.

[Не позднее 10] января

На заводе нет тока и очень холодно. Мы то гуляем, то нас посылают за углем, пилить и возить дрова или на кладбище зарывать покойников. [Владимиров]

3 февраля

Весьма печальные новости передало сегодня радио. Феодосию опять оставили немцам. В чем дело? Неужели такая же перспектива в отношении нашего Ленинграда? Блокада не прерывается. Народ болтает, что немцев окружат, перережут сообщение и тогда уже прорвут блокаду. Народ по-прежнему умирает от голода. Газет нет. Зарплаты нет. Света нет. Дворы лестницы и улицы запущены. В столовых и кооперативах ничего нет. [Самарин]

25 февраля

Радио передает хорошие новости. Настроение поднимается. Хоть бы скорее! Вселяет уверенность приказ Сталина. Его слова всегда пророческие. Он говорит, «что близок час освобождения Ленинграда!» Этот час будет самым прекрасным праздником для нас. Ждем, ждем, а потому лучше, во много раз лучше и интенсивнее работаем. [Назимов]

В январе 1942 года Волховский фронт начинает одну из самых трагических боевых операций войны — Любанскую. Под давлением Ставки командование фронтом задумало провести масштабную операцию по разгрому волховской группировки противника и деблокированию Ленинграда. Согласно замыслу, 54-я армия Ленинградского фронта во взаимодействии с 4-й армией из района Погостья и Киришей должна была нанести удар в направлении Тосно, 2-я ударная из района Мясного Бора и Спасской Полисти в среднем течении Волхова — Волосова и Луги.

Плохо подготовленные и оснащенные войска только что сформированного фронта приступили к проведению операции 7 января. С самого начала их преследовали неудачи. Основные силы «волховчан» и части 54-й армии Ленинградского фронта не смогли прорвать немецкую оборону и были вынуждены прекратить наступление.

Только войскам 2-й ударной армии удалось 24 января прорвать фронт у Мясного Бора. В образовавшуюся брешь был введен 13-й кавалерийский корпус генерала Н.И. Гусева. Приказ командующего фронтом генерала К.А. Мерецкова гласил: «Не позднее 27 января перехватить шоссе и железную дорогу Чудово—Ленинград и овладеть Любанью. С организацией обороны не связываться».

Расчет фронтового командования, по-видимому, строился на том, что противник, увидев действующее у него в тылу подвижное соединение, дрогнет и начнет отвод войск от Шлиссельбурга. Однако немцы проявили хладнокровие. Они стойко обороняли укрепленные пункты в глубине собственной обороны и особенно в горловине прорыва у Мясного Бора и Спасской Полисти. Наши части раз за разом вели бесплодные атаки, неся большие потери. Для успешного развития операции необходимо было превосходство в огневой мощи и военная хитрость, но ни того,

ни другого не было. Потери всего Волховского фронта в январе составили 73 028 человек.

Во второй половине февраля, окончательно убедившись в том, что намеченных целей не достичь, Ставка приказала Волховскому фронту встречным совместным ударом 2-й ударной и 54-й армий уничтожить любанско-чудовскую группировку врага и овладеть Любанью. И вновь войска безуспешно атаковали хорошо укрепленные позиции врага, неся тяжелые потери.

4 марта

Вчера рассказали, что Любань окружена. В городе — 2,3 млн жителей. Продолжается сильный артиллерийский обстрел города. [Ходорков]

Из сводки Совинформбюро: Наши бойцы, действующие на одном из участков Ленинградского фронта, продолжая теснить противника, разрушили до 50 вражеских укрепленных огневых точек, блиндажей, землянок и уничтожили 2 немецких танка и 12 автомашин. Среди захваченных трофеев — 3 станковых и 10 ручных пулеметов. На поле боя гитлеровцы оставили 650trupов солдат и офицеров.

5 марта

На днях была лекция. Лектор — профессор, в зимнем пальто и шапочке академика, — занял удобную позу в кресле и повел беседу, которая, как он сказал, должна была отвлечь от обычных дум и дать отдохновение. Тема: «История календаря». Он говорил о лунном и солнечном календарях, о юлианском и григорианском, об иррациональности размерностей дней недели, о календарных реформах. Лекцию профессор заключил пожеланием скорейшего выздоровления и выражением уверенности в нашей скорой победе. [Лившиц]

Из сводки Совинформбюро: На одном из участков Ленинградского фронта группа советских разведчиков во главе сержантом Беляевым забросала гранатами землянки, в которых укрывались гитлеровцы. Разведчики уничтожили 25 немецких солдат и офицеров. Захватив пленного, пулемет и несколько винтовок, группа разведчиков без потерь вернулась в свою часть.

8 марта

Сегодня женский праздник. Нерадостное время. Зато девушек вчера отменно покормили: выдали по тарелке вареной картошки (230–250 г, очевидно, сушеной), по котлетке, кусочку кеты и по чашке кофе. Право, роскошный ужин. И у меня огромная радость: после длительной охоты спустился вниз, застал горячую воду и сотворил себе мытье в ванне. Была настоящая горячая и мокрая вода и стильная ванная. Я сегодня на высоте блаженства. Ведь долгие месяцы я не испытывал ничего подобного. [Лившиц]

20 марта

Сегодня первый сейдер (торжественный обрядовый вечерний ужин) еврейской пасхи. Невольно вспоминается момент отливания вина из рюмок, сопровождаемый упоминанием невзгод в Древнем Египте. [Лившиц]

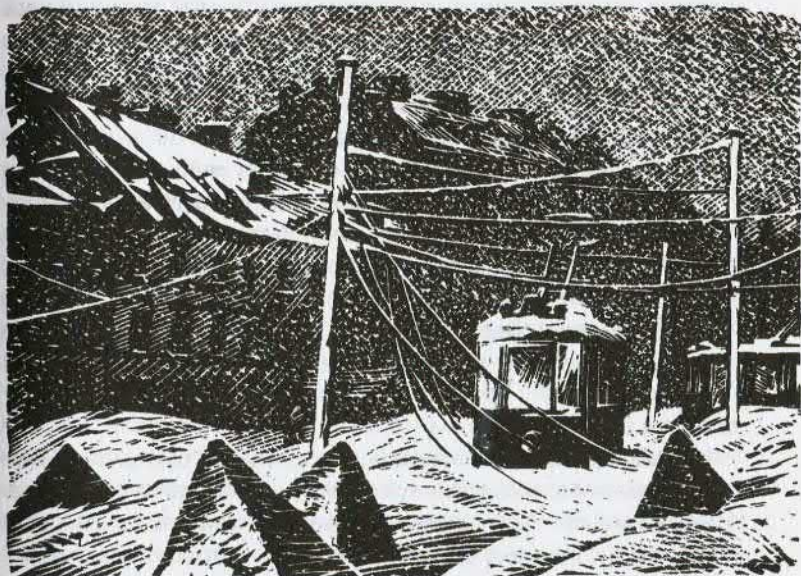
Из сводки Совинформбюро: Партизаны из отрядов т.т. В. и О., действующих в одном из районов Ленинградской области, оккупированных гитлеровцами, заметили низко летящий немецкий бомбардировщик. Бойцы открыли по нему групповой огонь. После нескольких залпов самолет был подбит и совершил вынужденную посадку. Во время перестрелки с экипажем самолета партизаны уничтожили оказавших сопротивление пятерых летчиков. Шестой немецкий летчик успел скрыться в лесу. Об этом было оповещено все население сел и деревень. Когда закоченевший немецкий летчик зашел в одну из деревень, он был сразу же схвачен колхозниками и доставлен в штаб партизанского отряда.

Успешно действует в тылу противника, на оккупированной территории Ленинградской области, партизанский отряд под командованием тов. И. За время боевой деятельности партизаны истребили 627 немецких солдат, 22 офицера, в том числе одного полковника. Кроме того, отряд партизан взорвал три склада с боеприпасами, уничтожил 70 автомашин с разными грузами и ружейно-пулеметным огнем сбил один немецкий самолет.

21 марта

Погода ужасная. Ветер, вьюга да ржавый мороз. Несмотря на солнце, невозможно идти не укутавшись и не подняв воротник.

Выжить! Выстоять! Победить!

Такую погоду впору иметь суровому январю. Вот это март — черт бы его побрал.

Получил от жены письмо, она его написала 18 февраля. Ей стало известно, что жизнь в Ленинграде связана с большими лишениями, я ей об этом не писал. Да, Граня, если бы ты могла (и была способна) почувствовать, как я борюсь за жизнь, ты бы никогда не захотела отравить мне хотя бы одну минуту этой жизни. А ведь в самые суровые, в самые тяжелые минуты я и во сне и наяву был только с вами, только, Граня, с тобой. Только теперь, Граня, понял, как я тебя люблю. Как привязан к тебе. [Евдокимов]

Из сводки Совинформбюро: Партизаны отряда под командованием тов. Д., действующего в одном из районов Ленинградской области, оккупированном немцами, нанесли большой урон немецко-фашистским захватчикам. За время боевой деятельности партизаны уничтожили 7 немецких самолетов, 22 танка, 106 грузовых и легковых автомашин, 40 мотоциклов и 12 цистерн с горючим. Партизаны истребили около 900 солдат и офицеров противника, в том числе троих полковников.

22 марта

Чудовищные размеры приняли воровство и мародерство некоторых элементов, пользующихся неразберихой и занятостью карательных органов. Свои или чужие соседи взламывают сараи, крадут дрова, взламывают двери квартир, нагло грабят все ценное, присваивают себе и попросту продают и спекулируют. Редкая квартира уцелела от этой участи. Все это проходит на глазах у управдомов, у которых рыльце солидно в пушку. За это многих посадили, а некоторых пустили «налево» и поделом. Рынки полны людей и барахла, своего и чужого, ворованного. Эвакуируемые распродают за продукты за бесценок ценные вещи. Достаточно сказать, что хороший концертный рояль или пианино можно купить за 1000–1500 рублей (то есть 3–4,5 кг хлеба). Идет колоссальная первоценка ценностей. [Лившиц]

Из сводки Совинформбюро: Наши части, действующие на отдельных участках Ленинградского фронта, за два дня боев с гитлеровцами разрушили 8 вражеских ДЗОТов и блиндажей, уничтожили 10 станковых пулеметов и 2 минометные батареи. Захвачены трофеи: 14 орудий, 49 пулеметов, 23 миномета,

26 автоматов, 297 винтовок, 2 радиостанции, 27 000 винтовочных патронов, 3 500 мин и 5 ящиков с минами, 500 снарядов, склад с боеприпасами и обмундированием, 8 километров телефонного кабеля, противотанковые ружья, пистолеты и другое вооружение. На поле боя осталось 1 600 вражеских трупов.

5 апреля

Весна неуклонно вступает в свои права. Яркое теплое солнце, лазурное небо. Снег стал темным и пористым. На улицах и во дворах журчат ручьи. Этой весной они гораздо больше и полноводнее. Много снега выпало за зиму и он остался лежать до наступления теплых дней.

Прекрасное время года, чудные месяцы весны! Как ждет их каждый и как с наступлением этих дней все возрождается. Сколько бодрости, веселья, жизни приносит весна! Вы помните вальс Штрауса «Весенние голоса»? Он в нем воспроизвел все нюансы, все тонкости и всю ту несравненную прелесть, которая сопутствует только дням весны.

Пишу эти строки, а сам думаю: для чего это. Что заставило меня именно с этого начать свою сегодняшнюю запись? Какие тому причины? Несколько дней тому назад передавали чудесную бодрящую музыку Штрауса. Среди исполненных произведений был и этот вальс. Я был в своей маленькой комнатке, отдыхал после напряженного рабочего дня и силился эти звуки вальса соединить с настоящей обстановкой в городе. Но никак этого не удавалось. Слишком велик диссонанс. Весенние голоса страусовского произведения воспринимаются в условиях мира, а не в грохоте и канонаде жестокой войны. Весенние голоса нашей действительности совсем иного свойства, иного содержания и по-иному доходчивы. [Назимов]

Из директивы № 41 гитлеровского командования от 5 апреля: Задача состоит в том, чтобы при сдерживающих действиях центральной группы армий на севере добиться падения Ленинграда и установления наземной связи с финнами, а на южном фланге фронта добиться прорыва в район Кавказа.

11 апреля

На занятиях в Военно-учебном пункте мы изучили станковый пулемет, будем изучать мотоцикл и миномет, когда закончим, не знаю.

У меня есть желание поступить в Военно-морскую школу, так как там хорошо кормят, хлеба дают 800 г, у нас уже некоторые ушли, написал туда заявление. Не знаю, как будет дальше, может быть, я устроюсь туда, сейчас нет времени сходить в школу, так как с занятий не отпускают, а в воскресенье, завтра, там выходной. У нас до обеда субботник по уборке города, потом свободны. [Владимиров]

12 апреля

Солнечно. Погода возбуждает весеннее настроение. Народ потянулся к солнцу, сидит на завалинках и греется. Малыши возятся с сухим песочком, ребята гоняются на самокатах, значит, силенки еще есть. На Невском народу жиденько. В такие дни, бывало, яблоку было негде упасть, широкие панели оказывались узки. Население заметно поредело.

Решил сегодня пригласить М. на второй филармонический концерт. Он давался составом филармонии в Пушкинском театре. В обычные дни там с четырех часов дает спектакли театр Музкомедии.

Люстры из зала убраны, горела одна всамделишная электролампа. Это для нас редкое зрелище. В зале пахло дымом и слегка слезились глаза. Публика сидела в пальто и в головных уборах в продолжение всего концерта. В центре зала стояли ящик с песком, бочка с водой, ломы, лопаты и коппаки для тушения зажигалок. Это были хорошо знакомые предметы.

Дирижировал К.И. Элиасберг, по-прежнему франтоватый, во фраке, хотя в зале и на сцене было довольно холодно. На сцене знакомые музыканты с исхудавшими и усталыми лицами, передвигающиеся с помощью палочек. Но оркестр по-прежнему стройно, слаженно и величественно звучит. Старые опытные музыканты не делают скидки на обстоятельства. В концерте приняли участие народная артистка С.П. Преображенская и заслуженный артист, лирический тенор В. Нечаев, тепло встреченные публикой.

Среди публики много военных. Гражданские имеют нормальный вид, некоторые с претензией на привлекательный. Опухших и дистрофиков, конечно, там не найти, им не до жиру. Нет сомнения, что среди слушателей есть и такие «любители музыки», которые умудрились устроить себе хорошую жизнь на общих трудностях. В большинстве это торговый, кооперативный и булочный народ,

которые на усушке-утруске, обвесе, а порой и просто воровстве нажили себе капиталы и стали людьми с большим достатком. [Лившиц]

Из сводки Совинформбюро: Продолжая активные боевые действия, наши части на отдельных участках Ленинградского фронта уничтожили за два дня свыше 2 000 вражеских солдат и офицеров. Огнем артиллерии и разведывательными группами разрушено 22 ДЗОТа и блиндажа противника и уничтожено 6 танков, 10 орудий, 44 пулемета, свыше 30 минометов. Захвачены трофеи, в том числе 4 орудия, 10 пулеметов, минометы, автоматы, винтовки и другое вооружение.

16 апреля

Занимался в ВУПе до обеда, после отпустили домой. Я поступаю в Военно-морскую школу. У меня приняли заявление и велели явиться 20-го с документами на медкомиссию. Прошли пулемет, завтра пойдем стрелять, обещали скоро выдать шинели. Нас перевели на казарменное положение. Погода сейчас хорошая, тепло, солнце, все тает, уже весна. [Владимиров]

19 апреля

Теплый, сверкающий день. Солнце щедро посылает свои животворящие лучи на землю. Небо лазурно-чистое, без единого облачка. Тихо. Не слышно выстрелов и на какое-то время забываешь, что мир объят пламенем войны, что Ленинград окружен врагами, что каждую минуту, каждое мгновение любой из нас может оставить этот мир и уйти в иной. Никто не знает когда начнется обстрел, где разорвется снаряд и где в этот момент будем мы — ты, я, он, они. В этом тяжесть обстановки, в этом трагедия блокированного города и его жителей.

Но пока обстрела нет, сижу в скверике у Нарвских ворот и любуюсь солнцем и покоем. Народу мало. Движения транспорта, за исключением одного маршрута трамвая, — нет. В сквере занято несколько скамеек. Вышли мамы с детьми. Двое ребят катаются на велосипедах, один копошится в песке, трое девочек лет по семь-восемь около меня разговаривают.

«У тебя кто-нибудь умер?» — спрашивает одна, обращаясь к своей сверстнице. Та удивленно смотрит на спрашивающую

12ое Марта работал с заводскими на
сколки и в два кончим работать в 12 часов
сегодня получил повестку на мед комиссию

13ое Марта С сегодняшнего дня кажутся
писань по повелению занимаюсь на В.У.К. &

14ое Занятия у нас с 7 час утра до 8 час вечера
Тасеть в 8 час проверка до пол 9²⁰ завтрак
с 9 до 1³⁰ занятия с 1³⁰ до 2⁰⁰ обед с 2⁰⁰ до 6⁰⁰
Трудовые работы с пол 8²⁰ до = ужин

15ое С сегодняшнего дня переехали на
казарменное помещение общежития на
Малой посадской д 26 в Институте.
помещение хорошее больше но холодно
и на улице очень даже холодно коридр
пока плохо утром суп в обед суп
и на второе или студень или вермишель
с маленьким кус мяса вечером суп и чай
сахарного песка на день 30 гр
40

Справить 1ое Мая и свое день рождения
а потом уйти в школу так как
в школу Военно-морского мне надо
явиться 5го Мая кезною куда
подогу но хотел бы в школу

29ое Апрель пришел
на пункт и меня направил
в военкомат на медкажисно
прошел комиссию и дали предписание
явиться 30го Апрель для
отправки в часть медари и
справить первое мая 1ое Мая
мое день рождения

30го в 7 часов быть
в военкомате с
лоткой кружкой и т.д.
Довиданис / довиданис /

и отвечает: «А у кого сейчас кто-нибудь не умер? У меня умерли мама и бабушка». В разговор вмешалась третья: «Мой отец в госпитале — раненый, а мама умерла». У первой, начавшей разговор, в семье умерло трое.

Насколько старше своих лет стали дети! Сколько страданий они перенесли! В каком морально-подавленном состоянии проходит их детство. И никогда этой травмы никто не сможет вытравить из их сознания, с ней они проживут всю свою жизнь. Она разрушила радость и беспечность детства, она значительно раньше делает детей взрослыми.

И если у наблюдаемых мною детей и появлялась на лице улыбка, она была не той, не настоящей, была болезненной...

Я внимательно прослушал митинг в защиту детей, транслируемый по радио из Москвы. Какие преступления творит гитлеровская армия над детьми оккупированных населенных пунктов! Сколько осталось сирот! Сколько исковерканных детских жизней! [Назимов]

19 марта немцы перекрыли горловину у Мясного Бора. Связь с войсками 2-й ударной армии прервалась. Войска армии оказались в тяжелом положении — без продовольствия, боеприпасов. Ценой тысяч солдатских жизней 27 марта немецкий фронт был прорван. Сквозь узкий, насквозь простреливаемый коридор началась доставка сражающимся войскам продовольствия и вооружения и эвакуация раненых.

23 апреля Волховский фронт был ликвидирован, а его войска передали Ленинградскому фронту. Пост командующего фронтом сохранил Хозин. Он перенес свой командный пункт в Малую Вишеру. После ознакомления с обстановкой Хозин был вынужден отдать приказ о переходе к обороне. 30 апреля Любанская операция была прекращена.

28 апреля

У нас опять в семье несчастье. 27 апреля умер еще один брат, Гриня, тринадцати лет.

На днях закончатся занятия в ВУПе, я получаю специальность «станковый пулеметчик». К маю, наверное, меня возьмут в армию. Я хотел бы справить 1 мая и свой день рождения, а потом 5 мая уйти в военно-морскую школу. [Владимиров]

29 апреля

На пункте меня направили в военкомат, оттуда отправили на медкомиссию. После комиссии вручили предписание явиться завтра в 7 часов утра с кружкой, ложкой для направления в воинскую часть. [Владимиров]

15 мая

Накануне информбюро сообщало: «на фронте никаких существенных изменений не произошло». Сегодня из утренней сводки стало известно о крупных боях на Керченском полуострове. Радует, что наконец-то идут крупные бои, пожалуй, последние, которые в какие-нибудь два-три месяца решат судьбу войны и нас, ленинградцев. [Евдокимов]

22 июня

Минут год войны, а конца ей не видно. Тов. Сталин приказал разгромить врага в 1942 году. Охотно верю, приказ будет выполнен. [Евдокимов]

9 июня 1942 года Ставка Верховного Главнокомандования вновь разделила Ленинградский и Волховский фронты. Командующим Ленинградским фронтом был назначен генерал-лейтенант артиллерии Л.А. Говоров. Волховский фронт возглавил генерал армии К.А. Мерецков.

Несмотря на безнадежное положение войск, Ставка медлила с выводом полуокруженных частей 2-й ударной армии. Соответствующий приказ появился только 13 мая, а реальный отвод начался 24 мая. 30 мая немцы вновь перекрыли проход у Мясного Бора. Тяжелые бои по прорыву успеха не принесли.

7 июня части 2-й ударной армии предприняли попытку прорваться на восток. Однако из-за нехватки боеприпасов и отсутствия координации эта попытка закончилась неудачей. Противник теснил окруженные части, отражая все попытки прорыва.

24 июня Военный совет армии сформировал ударную группу. В ее боевых порядках находился и штаб армии. Техника и штабные документы были уничтожены. Целью предпринятого наступления был прорыв фронта и удержание горловины прорыва для выхода частей прикрытия. Однако уже 25 июня противник окончательно восстановил свой фронт. По немецким данным,

в плену оказались 32 759 человек. Погибло в операции 149 838 человек.

О трагических событиях на Волхове в ежедневных сводках не сообщалось. Любанская операция — не первая и не последняя неудачная попытка деблокады Ленинграда. Были и другие неизвестные операции, о которых и ныне не легко отыскать упоминания в книгах, и только ветераны былых сражений не могут их забыть.

27 июня

Сегодня у меня большой рабочий день. Дел очень много. Распорядок заранее спланирован. Сперва на 12-м номере трамвая еду на Петроградскую сторону за штампами. Туда же за мной должна прибыть к двенадцати часам машина для поездки за сварочным агрегатом.

Еду в трамвае. Остановка у Главного штаба. В это время начинается обстрел. Часть пассажиров выбежала из вагона и поспешила в укрытие. Вагоновожатая с согласия оставшихся решила продолжить поездку. Вот мы уже на Васильевском острове. Обстрел продолжается. На Первой линии снаряд угодил в стену дома всего в 200–300 метрах от вагона. Дальше ехать рискованно. Иду пешком. Пыль от разрыва еще не осела. Всюду битые кирпичи и обломки штукатурки. Раненные бойцы из госпиталя напротив сметают с подоконников осколки битого стекла. Дружинницы с носилками спешат на помощь раненым. Мальчишки собирают здоровенные еще неостывшие осколки. Прохожие оглядываются на привычную картину, продолжают свой путь. Группа курильщиков собралась вокруг изобретательного коллеги, сумевшего поджечь самокрутку с помощью линзы своих роговых очков. Все прикурили и разошлись (со спичками — скандал).

Мимо меня медленно проехала грузовая машина полуторка. Шофер-военный подвезти отказался. Через пару секунд привычным рывком забираюсь в кузов. Так, без разрешения водителя, проехал два с половиной километра и сэкономил время и силы.

Руководителя нужного мне учреждения на месте не оказалось. Его ранило на улице, и он угодил в госпиталь. Быстро договорился обо всем с его заместителем и, дождавшись машины, отправился за сварочным агрегатом. Остаток рабочего дня прошел без

приключений. Весь перечень дел, намеченный на день, удалось выполнить.

Когда спустя три часа я проезжал на трамвае по Первой линии, ничто не напоминало о дневном происшествии. Улица был прибранна, трамваи шли исправно, пострадавшие от фашистского снаряжения здания ничем не отличались от многих других изуродованных мест. [Лившиц]

3 июля

Наши войска оставили Севастополь. Немцы жмут на всех фронтах. Идут ожесточенные бои. Только за один день наши потеряли на Курском направлении около 250 танков и более 15 000 убитыми и ранеными. Ждем штурм Ленинграда. Готовимся к встрече «гостей». Настроение ленинградцев все же бодрое. Продолжается эвакуация из города больных, детей и всех, не работающих на оборону. Даже на Невском становится совсем пусто, и в любой день и час можно находу читать газету. Столкнуться уже не с кем. [Евдокимов]

14 июля

Сегодня с утра облачно. Сквозь просветы проглядывает солнце. Неожиданно — пальба из зениток: очевидно, где-то поблизости путается в облаках гитлеровский молодчик. Слышен гул его моторов. Когда все стихает — на землю, кувыряясь, падает рой листовок. На земле начинается погоня за ними. Люди подбирают, бегло читают и тут же рвут их.

Подбираю несколько листовок. Содержание текста хорошо знакомо. Все те же лицемерные призывы: «Довольно крови», «Сдавайтесь», «Уговаривайте своих мужей и братьев переходить на нашу сторону» и т. д.

Кто же залил Европу и нашу Родину реками крови? Кто почти ежедневно обстреливает наш город, его жилые дома, улицы и площади? Нет, немцы! Никто и не думает сдаваться. Нет у вас здесь сторонников и не будет. Все вас ненавидят и глубоко презирают. Как жестока и сурова будет расплата. Внуки ваши будут помнить и испытают на себе все то огромное и непоправимое зло, которое вы причинили людям. Я глубоко верю в эту грядущую справедливость истории. [Лившиц]

22 июля

Год и месяц кровавой бойне, и до конца еще далеко. На юге у Воронежа и на Дону идут жестокие сражения. Немцы рвутся к Ростову, Кубани и Сталинграду и в конечном счете — к нефтяному Баку.

Где же второй фронт? Правда, играть в него нельзя: поражение второго фронта означало бы катастрофу. Но наше положение настоятельно требует скорейшего открытия второго фронта. [Лившиц]

Из сводки Совинформбюро: На Ленинградском фронте происходили бои местного значения и артиллерийская перестрелка. На одном из участков рота наших бойцов стремительным броском захватила одну высоту. <...> На других участках бомбежкой с воздуха и огнем артиллерии разрушено 10 немецких ДЗОТов, уничтожено несколько батарей и отдельных орудий и взорван склад боеприпасов противника. В воздушных боях и огнем зенитной артиллерии сбито 13 и подбито 8 немецких самолетов.

26 июля

Сегодня уезжают мама и доктор Л-т. В два часа дня выехал на Финляндский вокзал. Машину достал в Горздравотделе. Народу на вокзале масса. С трудом сделали посадку. В вагонах сидеть негде. Все забито мешками, узлами, корзинами. У мамы восемь мест. Дождался Л-та, помог ему сделать посадку в тот же вагон. Простился с мамой и около семи часов уехал домой.

Как они доедут! Все ли будет в пути благополучно? Как будут кормить? Рассчитываю на помощь Л-та и двух женщин из нашего домохозяйства, которые едут в Красноярский край, смущают мысли: разрешат ли маме остановиться в Омске? Бедная мама! Ты будешь далеко от разрывов снарядов, но переживать все же будешь много. Буду ждать телеграмм и писем с дороги. Не суди нас строго за то, что мы настояли на твоём отъезде. Тебе было трудно здесь. С Л-том послал своим маленькую посылку и 600 рублей.

21 июля отравился К. Он оставил записку следующего содержания: «Жить страшно, уехать не могу, не хватает сил. Простите». Жаль его. Смелодушничал. [Назимов]

Уже больше недели днем и ночью идет дождь. Моя продукция «плачет» и окончательно раскисла. Каких только мер не принял, но от повышенной влажности избавиться не могу. Все, что изготовлено за месяц, фактически брак. Не знаю, что можно придумать и что

можно еще предпринять, хорошо, что меня нельзя обвинить в нарушении технологического процесса. Увлажнение происходит уже после того, как все анализы и испытания покажут положительный результат. Положение угрожающее. С такой погодой того и гляди сядешь в лужу, а то и в тюрьму. [Евдокимов]

30 июля

Как предполагал, так и случилось. Когда начальнику цеха С-ву «загнали ерша», да, видимо, «двухперого», он поспешил отыскать себе оправдание. Свалить всю вину ему, конечно же, легче всего и удобнее на меня. Он это и сделал. Узнав об этом, я поспешил его опередить и «ввиду отсутствия технического образования» попросил директора освободить меня от обязанностей начальника мастерской. Просьба моя удовлетворена. Меня назначили мастером. Что я потерял от этого? Мне, кажется, только выиграл. Я потерял один обеденный талон, зато буду получать на 300 рублей больше. Кроме того, работа намного легче, менее ответственная и через каждые два дня буду иметь выходной. Конечно, морально мне это неприятно, но это много лучше, чем быть козлом отпущения всех своих и даже чужих грехов. [Евдокимов]

4 августа

Сильный дождь. Он уже льет около трех недель. Светлые промежутки непродолжительны. Удачный день выпал в воскресенье 2 августа, когда я был в Юкках. Выезжал посмотреть, как работают вывезенные ясли, и немного отдохнуть. С большим удовольствием пару часов погрелся на солнце.

С 31 июля я уже в горздравотделе. Работаю с большой неохотой, но что могу сделать. Таково решение горкома. Может быть, привыкну?

Ленинград опустел. На самых людных в прошлом улицах — редкие пешеходы. Трамваи редки. Грустно!

В городе осталось всего 700–800 тысяч жителей. Кировский район совершенно опустел. Осталось только 10 тысяч человек.

Почему ничего нет от мамы? Прошло уже полторы недели со дня ее отъезда. В чем причина? Беспокоюсь.

Передают последние известия. Скоро ложусь спать. Тоска! [Назимов]

Из сводки Совинформбюро: Группа ленинградских партизан, которой руководит тов. И., пустила под откос эшелон противника в составе 37 вагонов. Группа партизан под командованием тов. А. организовала крушение эшелона оккупантов с живой силой и техникой. Разбиты паровоз и 20 вагонов. <...>

На Ленинградском фронте происходили бои местного значения. На одном из участков наши части с боями заняли населенный пункт. Противник потерял в этом бою только убитыми несколько сот солдат и офицеров. Захвачено 6 орудий, 6 минометов, 11 пулеметов, 3 800 мин и снарядов, 23 500 патронов. Советские бойцы проявляют мужество и бесстрашие в борьбе с врагом.

17 августа

Обстрелы реже, а положение грозное. В Ленинграде стало совсем мало надежды. Васильевский остров почти пуст. Население продолжает эвакуироваться. Снабжение продуктами неплохое. Карточки отовариваются. Готовимся к тяжелой зиме. [Назимов]

29 августа

Город продолжает пустеть. Чтоб получить 200–300 рабочих, надо предпринять героические меры, так как остался только народ, обслуживающий минимальные нужды города.

Решением правительства демонтируются и вывозятся два котла и одна турбина 2-й ГЭС.

Готовлю станцию к зиме. На это все внимание. Топлива хватит лишь до 1 марта 1943 года, если своевременно не включится Волхов. Дал команду консервировать четыре малых котла. Надежды на большой подъем энергетики Ленинграда в 1942 году, по-видимому, нет. Тем более, что из города ежедневно вывозится уйма станков и промышленность уменьшается ежедневно. Стоит изумительная погода. Прекрасные лунные ночи. Тепло. Хочется жить и жить. [Ходорков]

Из сводки Совинформбюро: На одном из участков Ленинградского фронта наши подразделения в течение пяти последних дней отражали атаки противника, пытавшегося вернуть потерянные им рубежи. В ходе этих боев подбито 2 немецких танка, уничтожено 3 орудия, 17 станковых пулеметов и до батальона пехоты противника. Захвачены трофеи и пленные.

Выжить! Выстоять! Победить!

30 августа

Все силы города брошены на подготовку к зиме. Ломаются по всему городу деревянные дома и бараки. Рубят окружающие Ленинград леса. Чинятся водопровод, канализация, отопление, устанавливаются буржуйки, заделываются разбитые окна и двери. С заводов вывозится не только станочное оборудование, но и готовая продукция, могущая найти применение на «большой земле». Окруженный Ленинград, перенесший так много, находит в себе силы помогать Союзу.

В Ленинграде богатейший станочный парк. Ленинградские станки, котлы, турбины оживут на другом месте. Ленинград, о Ленинград! Моя жизнь и судьба связана с судьбой этого города, славного своими традициями. Счастлив, что живу в нем. Я еду по улице города, моего города. Когда есть свободное время, прошу шофера медленно проехать по Миллионной мимо Эрмитажа, обстрелянного немцами, мимо Зимнего, Адмиралтейства, по набережной мимо Медного всадника, Синода, вокруг Исаакия, по притихшему Невскому. Невыразимое чувство охватывает меня. По пустынным улицам, мимо застывших заводов еду к себе на окраину. Патрули проверяют пропуска — 5-я ГЭС. Езжайте!

При райкомах руководящий персонал предприятий начал занятия по тактике уличных боев. Обучаются в первую очередь директора, парторги, предзавкома, секретари комитета комсомола. С сентября началось поголовное обучение всех способных носить оружие. [Ходорков]

6 сентября

Давно не писал. Нет желания. Последнее время какое-то нервное состояние. От своих давно ничего не имею. Это молчание беспокоит. От мамы тоже ничего нет.

Приближаются зимние месяцы. Страшновато. Не знаю, где буду жить. Возможно, перейду в горздравотдел. Не уверен в нормальном трамвайном движении. [Назимов]

27 сентября

День отдыха. Пасмурное, сырое, осеннее утро. Моросит. Собираемся сегодня с Абрашей послушать «Сильву». Такая тяжелая тоска, хочется хоть немного отвлечься от действительности. Пошли

на утренний спектакль. Получили полное удовольствие. На обратном пути зашли домой. И вновь тоска.

Пусто, мрачно, беспорядок, отдельные предметы родят воспоминания. И так хочется быть среди своих. Чувствовать их близость и заботится о них. [Назимов]

28 сентября

Ночью еду по кварталам разрушенных домов. Лунная ночь. Жутко выглядят целые кварталы разрушенных домов, причудливые тени. Впечатление брошенного жителями города, кроме меня и шофера никого живого вокруг.

По всей линии Невы по правому берегу военные строят огневые точки, роют ходы сообщения. Через каждые 100–150 метров ДОТ или ДЗОТ. [Ходорков]

В августе–сентябре 1942 года в южном Приладожье развернулась Синявинская наступательная операция. Командование поставило перед войсками всю ту же цель — пробить сухопутную блокаду. Операция была подготовлена гораздо более тщательно, удалось добиться численного превосходства над противником в живой силе и вооружении. Однако достичь поставленных целей наши войска не смогли. Повторилась, правда в меньшем масштабе, трагедия 2-й ударной армии. Наступающие дивизии Волховского фронта попали в окружение и были разгромлены. И все же эти жертвы оказались не напрасными. Немцы были вынуждены ввести в сражение силы, предназначенные для штурма Ленинграда. Таким образом, приказ Гитлера не был выполнен. Собственные потери в личном составе штаб группы армий «Север» оценивал как тяжелые. С 28 августа по 30 сентября 1942 года они составили: 671 офицер и 25 265 унтер-офицеров и рядовых, из них 172 офицера и 4 721 солдат были убиты.

По данным штаба Волховского фронта, безвозвратные потери его войск составили 40 085, а санитарные потери — 73 589 красноармейцев и командиров, всего — 113 674 человека. И это без учета весьма чувствительного урона, понесенного Ленинградским фронтом в ходе форсирования Невы и захвата плацдармов в районе Дубровки и Анненского.

Из сводки Совинформбюро: На Ленинградском фронте огнем нашей артиллерии за два дня разрушено 22 вражеских ДЗОТа,

уничтожено 4 станковых пулемета, 3 миномета и 12 грузовых автомашин. Активными действиями наших снайперов и разведывательных групп истреблено до 300 гитлеровцев. На подступах к Ленинграду огнем зенитной артиллерии сбито 4 немецких самолета. <...>

23 октября

Укрепление правого берега ведется в крупных масштабах. Строится многочисленные огневые точки. Пулеметные и орудийные. Качество строительства хорошее. Совсем не похоже на прошлый год. Работают воинские части и женщины. Ежедневно прибывают новые части, много зенитных установок: защищают нас и Володарский мост.

По указанию командования формируется рабочий батальон из персонала станции. Выделены освобожденный начальник штаба и командир. [Ходорков]

5 ноября

Город опустел. К этому привыкли. Хотя, если вдуматься, становится не по себе. Число ДОТов и ДЗОТов ежедневно растёт. Весь правый берег Невы в укреплениях. Укрепления надежнее прошлогодних.

Немцы попытались перерезать связь Ленинграда с «большой землей». Два дня шли бои на Ладозе, два дня в Ленинград не поступали грузы и почта. Нападение на остров Сухо было отбито силами Ладозской флотилии и летчиками Ленинградского фронта. Подвоз в город продовольствия и боеприпасов был возобновлен. [Ходорков]

14 ноября

Праздник [Октябрьской революции 7 ноября] прошел гладко. Ленинград после годичного перерыва опять был освещен. [Ходорков]

29 ноября

Выпал глубокий снег. Холодно. Налеты и обстрелы продолжают. Каждый день по несколько жертв и поврежденных зданий. Но все это меньше тревожит ленинградцев, чем в прошлом году. Последние сводки Совинформбюро вселили уверенность в силу на шей армии, в сплоченность тыла, а стало быть — в победу. [Назимов]

1943

3 января

Начался сбор средств на эскадрилью самолетов «Красногвардеец». Хотя с деньгами я и бедствую, как нищий (нет ни копейки за душой), я все же пожертвовал на это 900 рублей.

По бригаде средняя подписка составила 320 рублей. Придется что-нибудь продать, чтобы выплатить эту довольно чувствительную сумму. [Евдокимов]

5 января

Завод встал. Нет селитры. Это тяжело пережить. Это кошмар. Ходить на завод, днями мерзнуть в неотапливаемых мастерских и ничего не выпускать. Ведь это почти то же, что и в прошлом году. Трудно предполагать, чем для меня кончится эта зима. [Евдокимов]

6 января

Всегда удивлялся и не верил, когда говорили, что деньги и денежные знаки можно подделывать нелегально. Оказывается, это вполне правдоподобная вещь. Петров и его жена, проживавшие этажом выше, над нашей квартирой, печатали банкноты (больше всего тридцатки) и карточки в нужном для себя количестве. Жил и не знал нужды. При обыске у него нашли 6 тысяч рублей. [Евдокимов]

18 января

Прорвана блокада Ленинграда! Части Ленинградского и Волховского фронтов соединились. На митингах многие плакали. Свершилось то, о чем мы мечтали многие месяцы. Смотрю на слова — «прорвана блокада», на глазах выступают слезы. Как напряженно мы жили всю блокаду. Сейчас прорвало. Составляем списки на медаль «За оборону Ленинграда». [Ходорков]

Операция по прорыву блокады Ленинграда на этот раз была тщательно подготовлена. Советское командование учло уроки предшествующих неудач и постаралось обеспечить существенное численное превосходство наших войск над противником в численности личного состава и боевой техники.

Операция началась утром 12 января. После продолжительной артиллерийской подготовки войска 136-й дивизии Ленинградского фронта по льду форсировали Неву и захватили плацдарм

на ее левом берегу. Одновременно пошли в наступление и «волховчане». Противник оборонялся яростно и умело.

18 января в 9 часов 30 минут на восточной окраине Рабочего поселка № 1 встретились бойцы 1-го батальона 123-й стрелковой бригады Ленинградского фронта и бойцы 1-го батальона 1240-го полка 372-й стрелковой дивизии Волховского фронта.

В 14 часов в Шлиссельбурге над полуразрушенной колокольней взвился красный флаг. Его укрепил солдат 330-го полка 86-й стрелковой дивизии Ленинградского фронта М.Г. Губанов.

«Вражеская блокада прорвана!» — для каждого ленинградца важнее и радостней этой вести могла быть только еще более весомая: «Ненавидистый враг полностью разгромлен и изгнан с родной земли!». Однако к этому пришлось идти еще целый год. Сражение в южном Приладожье продолжалось. До конца января части 2-й ударной и 67-й армий, создав общий фронт, безуспешно пытались продвинуться в южном направлении. К концу января директива Ставки о выходе на рубеж реки Мойки и захвате поселка Михайловский оставалась невыполненной. Как и прежде, в наших руках оставалась лишь узкая полоса земли вдоль южного берега Ладожского озера, шириною не более 8–11 километров.

За три недели непрерывных боев войска Ленинградского фронта с 12 по 30 января потеряли 41 тысячу человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Войска Волховского фронта — свыше 73 тысяч человек.

Из сводки Совинформбюро: На днях наши войска, расположенные южнее Ладожского озера, перешли в наступление против немецко-фашистских войск, блокировавших гор. Ленинград. Прорвав долговременную укрепленную полосу противника глубиной до 14 километров и форсировав реку Нева, наши войска в течение семи дней напряженных боев, преодолевая исключительно упорное сопротивление противника, заняли г. Шлиссельбург, крупные укрепленные пункты — Марьино, Московская Дубровка, Липка, рабочие поселки №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, станцию Синявино и станцию Подгорная.

Таким образом, после семидневных боев войска Волховского и Ленинградского фронтов 18 января соединились и тем самым прорвали блокаду Ленинграда.

19 января

Настал и на нашей улице праздник. Я ничего не знал, ничего не слышал, но ночью спал очень дурно, снились жуткие сны и восемь раз вставал с постели. Наконец в шестом часу утра встал, оделся и пошел на завод.

Проходя по Ржевке в шесть часов утра, я услышал о том, что наши войска прорвали блокаду Ленинграда и мы теперь уже на «большой земле». В магазине я убедился, что это так и есть. Люди ликуют, плачут, обнимаются. Дело доходит чуть ли не до поцелуев. Точь-в-точь, как раньше было на пасху.

Такого дня я в жизни еще не переживал. В столовой, цехе, всюду только и был об этом разговор. Никто не работал. К рассвету город украсился флагами, всюду играла музыка и до позднего вечера не могли излить полностью всего ликования и торжества. Настал и для нас праздник. Настал этот долгожданный день! Мы уже не в кольце. Мы уже на «большой земле»! Операцией руководили: Ворошилов, Жуков, Говоров, Мерецков. Слава великим воинам! Слава боевым орлам! Ленинградцы их заслуги не забудут! Спасенный народ их отблагодарит сердечной теплотой. Слава героям! Слава седым орлам! [Евдокимов]

22 января

Ездил в Шлиссельбург. Часовая остановка на лесной просеке. Немцы бомбят, видели переправу. Артиллеристы — москвичи. Поваленные мачты перехода. Линия передачи Шлиссельбург — поселок им. Морозова. Регулировщик на льду. Нева. Высокий берег в спиральях Бруно. Подъем, поворот, вот Шлиссельбург. Остатки Шлиссельбурга. Линия кирпичных печных стояков обозначает то место, где раньше была линия домов. Все еще носит следы боя: и рассыпанные у каждого дома патроны, гранаты, мины, и успевший окоченеть автоматчик — рыжий немец, и разбитые прямо на улице машины.

Трофейные команды по-хозяйски все сносят в кучи. В кучах роются бойцы и командиры, отбирая на память трофеи. Вот на санках повезли тела павших в бою красноармейцев. Осматриваю немецкие укрепления и командный пункт батальона. Огонь нашей артиллерии смёл все. В городе осталось 300 жителей — женщин, живших на содержании солдат и офицеров. [Ходорков]

23 января

18 января ленинградцы узнали о прорыве блокады. Это был настоящий праздник. Слезы, крики восторга, рукопожатия, радиопередачи продолжались всю ночь. После 17 месяцев Ленинград вновь стал «большой землей». Очередь за Мгой. Занятие Мги освободит магистраль. Ждем с нетерпением этого известия. А пока нужно готовиться к новым большим испытаниям.

Но мы готовы! И эти вражеские налеты не поколеблют нашей уверенности в окончательной победе. Бесконечно жаль наших людей и особенно сейчас, гибнущих накануне большого торжества нашей Родины. [Назимов]

24 января

Завод продолжает стоять. Нет топлива. Рабочие слоняются по цеху, мерзнут и ничего не делают. Мне работы хватает. Я назначен политруком роты 29-го рабочего батальона. Приходится усиленно заниматься самому и готовить бойцов. Сегодня полный день ходили на рекогносцировку участка обороны. Перемерзли все. Морозы лютые, до 25 градусов. [Евдокимов]

1 февраля

Наконец-то завод начинает дышать. Завезли селитру, в некоторые заводские здания дали пар. В 8 вечера иду на работу. Говорят, что теперь все пойдет нормально. [Евдокимов]

6 февраля

Сегодня в город прибыл первый поезд. Он стоял на станции Ржев-ка примерно полчаса, весь украшенный елками, флагами и портретами. Корреспонденты бегали вокруг, как сумасшедшие, занимали разные позиции, чтобы удачнее запечатлеть его на фотопленке. Публика со слезами на глазах рассматривала поезд, как теща долгожданного зятя. [Евдокимов]

1 марта

В Ленинград в полном составе вернулся Большой драматический театр. Работают многие театры, ансамбли и клубы. На спектакли попасть нелегко — много желающих. В город с концертами приезжают многие видные московские артисты и музыканты. [Лившиц]

20 марта

Побывал в филармонии на концерте пианиста Я. Зака и скрипача Д. Ойстраха. Белый колонный зал по-прежнему строен и красив. На балконе ни души, партер заполнен на три четверти. Холодно. Публика сидит в верхней одежде. Много военных. Моряки щеголяют осанкой и золотом погон. Все с любопытством осматривают друг друга. Зак играл превосходно.

Во втором отделении выступил Ойстрах. Зал устроил ему бурную овацию по случаю присуждения ему Сталинской премии. Два раза музыкант сыграл на бис. Во время исполнения третьей пьесы послышалась нарастающая пальба орудий. Грохот нарастал, и в зале возникло минутное замешательство. Публика стала отвлекаться, но музыкант, как ни в чем не бывало, продолжал играть. И только чуть улыбаясь следил за публикой. Стрельба шла вовсю. Стекла окон дрожали. Ойстрах, видя, что слушатели не покидают своих мест, продолжал исполнение. Лицо музыканта вновь приняло сосредоточенное выражение. Не обращая внимание на обстрел, скрипач закончил свое выступление.

Публика горячо приветствовала мужественного скрипача. Только когда смолкли аплодисменты, ведущий концерт смог уведомить собравшихся о том, что в городе объявлена воздушная тревога, и предложил отправиться в бомбоубежище. Но никто туда не пошел, а под сильным обстрелом все разбрелось по домам. Трамваи остановились, пришлось добираться до дома пешком. По дороге часто прятался в подворотни — кругом сыпались осколки. Небо было испещрено лучами прожекторов. Все грохотало и рвалось. Так закончился мой культпоход в филармонию. [Лившиц]

2 апреля

План марта выполнен на 107 %, план I кв. — на 100,3 %. Буду добиваться и впредь безусловного выполнения программы.

Почти все сотрудники оправились от потерь первой блокадной зимы, но многие еще чувствуют слабость и стремятся работать в полсилы.

Часть рабочих болеют, это в основном старухи, работающие на подсобных работах, которые вынуждены работать в силу ограничения выдачи по иждивенческим карточкам. Из мужчин — рабочих у меня трое. Слесарь — полуинвалид с цинготными ногами,

рабочий — старик, который из 2,5 месяцев два лежит обычно в больнице. Третий, которому едва исполнилось тринадцать лет, — озорной и хулиганистый парнишка с детскими капризами и морем слез по поводу и без повода.

Вновь набранные работницы из домохозяек туго воспринимают строгую производственную дисциплину. Многим объясняли, вразумляли, но увещевания и предупреждения не действовали. Пришлось некоторых передать в суд. Там разбирались недолго — через 15 минут приговор был готов: назначены вычеты из заработка в 20–25 % в продолжение 2–6 месяцев. Хлебная норма у осужденных снижалась на 100 г. Такое воздействие и рублем и пайком многих кое-чему научило. [Лившиц]

3 июня

Сегодня началась подписка на заем. Я подписался на двухмесячный оклад, т. е. на 1500 рублей. В бригаде подписка прошла не блестяще, но я считаю, что неплохо. Меньше чем на трехнедельный заработок никто не подписался. [Евдокимов]

25 июня

Наконец-то вырвал первенство у Богуславского. Что называется, положил его на обе лопатки. Вот уже пятый день занимаю на доске показателей первое место среди всех мастеров цеха. Прыгнул далеко вперед, тягаться со мною сейчас уже соперников находится мало. В графе «выполнение суточного задания» стоит цифра 158 %. Попробуй, Богуславский (у него только 124 %), дотянись. [Евдокимов]

22 июля

Сегодня исполнилось 25 месяцев со дня начала великих испытаний и борьбы нашего народа. <...> Только сейчас наш народ понял со всей глубиной, чему угрожает враг и за что надо биться любой ценой. <...>

Я не знаю ни одного случая открыто выражаемого политического недовольства, возведения на советскую власть вины за обрушившиеся несчастья. А ведь в их положении им терять было нечего. И даже редкие налеты на машины или тележки с хлебом были вызваны исключительно чувством голода и не носили на себе

признаков протеста. Конечно, были среди населения антисоветски настроенные люди, но они не имели массовой поддержки, несмотря на то, казалось бы, благоприятные условия. Люди ненавидели врага и в нем видели причину своих бед. Они трудились из последних сил, заботились о близких. [В.Н.]

27 июля

В конце рабочего дня начальник мастерской В-ов, как прищемленный волк, вбежал в раздевалку и бешеным львом налетел на меня, обвиняя в приписках. Мы, якобы, приписали себе ровно тысячу штук при выработке в 2 300 изделий. Это, конечно, ложь, но доказать это я был совершенно бессилён. Никакие сравнения с выработкой последующих фаз не давали мне оправдания. Я оказался в последних дураках.

Вечером меня вызывали в партком. Секретарь сказал, что они намерены назначить меня ответственным редактором заводской газеты. Он сказал, что ему известны мои литературные способности и поэтому он наметил мою кандидатуру как очень подходящую для такой работы.

Вечером в последних известиях сообщили о том, что на Ленинградском фронте севернее и восточнее станции Мга наши войска улучшили свои позиции. [Евдокимов]

Очередная попытка освободить Мгу была предпринята войсками Ленинградского и Волховского фронтов в ходе операции, проведенной 22 июля–22 августа 1943 года.

Замысел новой операции сводился к прорыву обороны противника войсками Ленинградского фронта в районе Синявина, а Волховского — в районе Воронова. Местом встречи двух фронтов намечалась Мга. Солдатам Ленинградского фронта нужно было преодолеть с жестокими боями около 9 км укреплений «бутылочного горла», Волховского — 14 км.

Войска 67-й и 8-й армий к началу Мгинской операции насчитывали более 250 000 солдат и офицеров. Войска двух фронтов превосходили на Мгинском направлении войска противника в пехоте в 2,3 раза, в минометах — в 5,1 раза, в орудиях — в 1,5 раза, в танках — в 3,4 раза. Войскам Волховского фронта было разрешено израсходовать на эту операцию 850 тысяч снарядов и мин — более тысячи вагонов.

Однако, несмотря на значительное превосходство, преодолеть немецкую оборону не удалось и операция закончилась ничем. Тем не менее Сталин остался доволен. Официальная версия историков гласила: «Основная цель Ленинградского и Волховского фронтов состояла в том, чтобы окончательно сорвать попытку врага организовать наступление на Ленинград, сковать его войска и не позволить ему перебрасывать силы на центральный участок, перемолоть в боях части и соединения 18-й немецкой армии и создать условия для последующего ее разгрома». Как будто долгожданное взятие Мги и освобождение Северной железной дороги могло помешать «сковать войска и перемолоть части и соединения».

Ленинград все еще оставался в осаде и подвергался методичным обстрелам вражеской артиллерией. Обстреливались поезда, проходящие по железнодорожной линии Шлиссельбург–Поляны.

Только 15–18 сентября в ходе трехдневных тяжелых боев удалось овладеть Синявинскими высотами.

В октябре 1943 года началась подготовка масштабной и, как надеялись все, победоносной операции по полному разгрому немецких войск под Ленинградом. Операция задумывалась с большим размахом и самыми решительными целями. Это диктовалось как выросшими боевыми возможностями вооруженных сил, так и ситуацией на всем советско-германском фронте. План предусматривал переброску на Приморский (Ораниенбаумский) плацдарм 2-й ударной армии. Передислокацию проводили с максимальной скрытностью. Одно из мест погрузки в Ленинграде находилось в тихом районе города — на Петровском острове, на территории фабрики «Канат».

7 ноября

Холодным и темным вечером колонна из трех автомашин тронулась в путь. Три миномета в разобранном виде везли в кузовах автомашин, три — на колесных ходах были прицеплены к автомашинам. Ехали через Колтуши, Пороховые, Большую Охту и Охтинский мост, Суворовский проспект. Ночной город казался безлюдным и погруженным во мрак. В полной темноте лишь угадываются очертания домов. Без происшествий проехали по Невскому

проспекту, Дворцовой площади, Дворцовому мосту и мосту Строителей на Петроградскую сторону. На территории фабрики «Канат» разгрузили автомашины.

Утром к фабричному пирсу подошел самоходный паром довольно значительных размеров. Идем к командиру парома, получаем разрешение на погрузку и место для размещения минометов. Материальную часть мы погрузили и укрепили довольно быстро. Но вышла заминка с погрузкой боеприпасов — для их перевозки выделена специальная баржа. И нам их грузить не разрешают. Но мы — боевое подразделение и взяли с собой боеприпасы. Бросить их мы не можем. Пришлось обращаться к командиру полка. И разрешение на погрузку боеприпасов было получено.

С наступлением темноты в ночь на 7 ноября паром вышел в путь. Под огромной палубой имелся салон: все солдаты удобно устроились в креслах и преспокойно дремали. Первый раз мне довелось плыть морем. С выходом парома в залив я вышел на палубу и наблюдал за движением. Я знал, что слева по борту мы будем плыть вдоль берега, захваченного врагом. Почти все мое внимание было направлено именно туда. Но там была полная темень.

Без помех и происшествий часов в десять вечера паром причалил к пирсу в Ораниенбауме. Началась выгрузка.

В полной темноте на берегу прозвучали команды на построение солдат. Гулко застучали по каменной мостовой солдатские ботинки, пробарабанили, прыгая по булыжникам, колеса пулеметов. И все стихло, растворилось в темноте. Под утро солдаты были уже в густом лесу. Часов в двенадцать ночи мы закончили выгрузку. Часть благополучно прибыла на плацдарм. [Коровкин]

27 ноября

Подошла и наша очередь ехать на передовую. При подъезде дорога пошла по низким местам и была вымощена лежащими поперек дороги бревнами. Местность здесь низкая, весной и осенью она заливается водой. Вкопаться в землю здесь нет возможности. Все оборонительные сооружения находятся на поверхности земли. На переднем крае среди леса была сделана широкая просека. На опушке, обращенной в нашу сторону, был построен вал с двумя бревенчатými стенками, между которыми была засыпана земля. Вал имел форму окопа. На его углах, обращенных в сторону противника, были

Выжить! Выстоять! Победить!

построены деревоземляные точки с амбразурами для стрелков. Просека за валом была заминирована. А впереди отдельными опорными пунктами стояло боевое охранение.

Подходы к тропам, ведущим к пунктам боевого охранения, также были заминированы. В глубине нашей обороны мы увидели отдельные опорные пункты. Теперь ДЗОТы на бывшей передовой опустели и один из них будет служить нам временным домом. Командир батареи показал нам уже почти готовые окопы для минометов на огневой позиции и приказал не позднее следующего дня приступить к систематическому изучению переднего края обороны противника. [Коровкин]

3 декабря

С опушки леса долго наблюдаю в бинокль передний край обороны. <...> На стороне противника слышались стук топора, шум от движения подвод, гудки автомобилей и похожие на собачий лай выкрики фашистов. Слышно, но не видно. И это заставило нас в следующий раз попытаться наблюдать с дерева. Отошли на километр, выбрали густую и ветвистую ель и вдвоем с разведчиком-наблюдателем Зотовым по очереди влезали на дерево и наблюдали в бинокль за передним краем врага. Фрицы, спасаясь от огня наших снайперов, спрятались за высокий вал, и даже с дерева непосредственно передний край обороны врага не просматривался. <...>

Необходимо отметить, что немцы в первые дни наблюдений вели себе довольно пассивно. На переднем крае наши солдаты строили ДЗОТы, носили бревна, стучали, группами ходили офицеры и солдаты. А немцы молчали. Лишь изредка раздавались автоматные очереди. За прошлый день со стороны врага было несколько артиллерийских выстрелов. А в этот день совсем было тихо.

На следующий день вели наблюдения из района противотанкового рва, отрытого нашими женщинами и школьниками в 1941 году, а теперь вставшего перпендикулярно линии фронта и как бы соединившего наши передние края.

Здесь местность повыше и имеется старый окоп. Из него хорошо просматривается вражеский забор и амбразуры ДЗОТов в нем. ДЗОТы берем на учет. На стороне врага слышен ненавистный лающий говор, кашель, во многих местах слышен стук топора. Во второй выход на передовую попали под артобстрел. [Коровкин]

1944**14 января**

На этот день было назначено начало нашего наступления. В 9 часов 35 минут, с начала залпа «Катюш» и другой артиллерии, дали и мы первый залп. Слушай, город Ленина! Слушайте, дорогие ленинградцы, слушаете грозную музыку! Это играет наш мощный артиллерийский оркестр. Он исполняет симфонию мести, симфонию расплаты. Мы долго ждали этого часа, словно великого праздника. И вот он пришел! Трепещи, лютый враг! Пришло время расчитаться с тобой за муки голода, смерть, кровавый разбой, бомбежки и обстрелы!

Стоял неимоверный грохот. Буквально ничего не было слышно. Команды приходилось принимать, подбегая к старшему на батарее и слушая его крик прямо в ухо.

Немцы редко, но огрызались. Они обстреляли артиллерийским огнем наш прежний передний край. Но один снаряд задел вершину дерева над нашей огневой позицией, разорвался там и осколком был разбит прицел 5-го миномета. [Коровкин]

15 января

Штаб нашего стрелкового корпуса расположился в землянках среди пустынных, песчаных мест неподалеку от населенного пункта со скучным названием 2-й Рабочий поселок. Пески, собранные ветром в дюны, кое-где растущие редкие, точно обгрызанные, сосенки. Унылые места. Немцы стоят близко от нас.

Корпус был недавно сформирован, и мы еще только развертывали свою работу. Наши функции — помогать армии в обеспечении войск продовольствием, обмундированием, горючим и смазочными материалами, автотранспортом, инженерным имуществом и т. д. и т. п.

Переписка по всем этим вопросам начинала принимать грандиозный размах, и снова я тонула в великом бумажном море.

Особо секретными делами были своевременно сообщаемые нами дивизиям границы местонахождения наших владений, места расположения снабжающих баз, предстоящей передислокации и т. д. Боевые вопросы решал оперативный отдел корпуса, рядом с которым шагали и мы, тыловики, как презрительно называли нас оперативники. [Миронова]

17 января

Веселая для нас пора настала. Что ни день, то новые приятные вести с фронтов. Настроение у всех только праздничное. <...>

Утром 14 января заколебалась под нами земля, воздух заполнился сплошным ревом тысяч артиллерийских орудий, сотни самолетов заслонили небо. И ленинградцы поняли — началось. Это заговорили наши орудия, пошли в бой наши самолеты и наши танки. Мы, ленинградцы, как никто другой можем это оценить. Вся эта мощь несет нам долгожданную, выстраданную за два с половиной года свободу. [Евдокимов]

22 января

Пока мы организовывали штаб и отделы корпуса, мало-мальски налаживали свое житье и быт, хотя все это было очень непривычно и упрощенно, — на всех фронтах шли успешные действия. Но наш участок фронта точно застыл в январской стуже, так он был мало подвижен.

Но, наконец, зашевелился и наш фронт. Немцы побежали сами, без боя, нам осталось только преследовать их. Мы молниеносно побросали свои землянки и часть имущества.

Рывок вперед в первые дни был очень велик и полон доселе неизвестными впечатлениями: мы неслись по земле, которой владели немцы. Убегая, они подрывали и уничтожали все, что только можно было уничтожить, и убийственно минировали за собой все близлежащие дороги и жилье.

Сойти с дороги, съехать чуть в сторону — означало верную смерть, полную возможность взлететь на воздух! Часто у самых дорог предостерегающе валялись клочья разорванных лошадей, упряжи, машин и даже людей.

Часто такое нагромождение являлось причиной наших остановок. Мне делалось страшно, особенно после того, как, выйдя из машины в одну из таких остановок, увидела разорванную рыжую лошадь с оскаленной в предсмертной муке мордой с остановившимися безумными глазами и лежащим рядом с ней безголовым трупом солдата. Странно и дико выглядел человеческий труп без головы.

Убийственный вид имела 8-я ГЭС, мимо которой пронеслись мы в первые дни нашего отчаянного марша. Огромное серое здание

буквально лежало опрокинутое кверху ногами. То была работа немцев перед уходом.

Промерзшие и уставшие в первый день, мы искали какую-нибудь крышу, под которой смогли бы согреться и провести ночь, и залезли в немцами оставленную землянку, наспех осмотрев ее. Землянка была очень хороша: просторная, обставленная мебелью, сделанной из березы, и украшенная отделкой из белоствольной части берез в виде панелей и полочек. Положительно, немцы молодцы, так искусно использовавшие поверхностную часть дерева с естественным прихотливым рисунком коры. Получилось просто художественно.

Кажется, не успел остыть очаг, оставленный врагом, как мы воспользовались оставленными благами. Провели ночь в приютившей нас землянке, а утром старший лейтенант Холопцев у входа в землянку обнаружил мины.

Только чистая случайность спасла нас от гибели. Кто-то смеялся, что среди нас есть счастливые.

Теперь уже часто встречались группы пленных немцев, ведомые нашими конвоирами. Я с интересом смотрела на понурые лица немецких молодцов, их теперешнее шествие не напоминало победного марша, а лица наших солдат светились торжеством и удовлетворением. По дорогам лежало много трупов немецких солдат, их некогда и некому было убирать.

В деревне Захожье находилась большая часть немецких пленных. Их выстроили и собирались направить в пункт сбора пленных. Я прошла мимо угрюмой и чрезвычайно мрачной толпы. Они не смотрели на нас, не поднимали опущенных глаз от земли и были жалки и подавлены. Некоторые из них держали носилки, на которых лежали их раненые или больные товарищи.

В сердце своем я старалась вызвать ярость, припоминая, что совершили эти злодеи на нашей земле, но в горле стоял ком и слезы щекотали глаза. Очень не похожи на победителей эти жалкие и понурые люди, и казалось, что они не способны совершить какое-либо злодеяние.

Лица у них были тонкие, заостренные, волосы светлые или светло-рыжие, одеты они были удивительно легко. Странно было видеть их в такие морозные зимние дни. Неудивительно, что русская зима так напугала их, а морозы способствовали бегству.

Как показывала обстановка, ближайшее будущее — это сплошное преследование немцев с попутными боями. Был издан приказ освободиться от всего лишнего и тяжеловесного, быть налегке, не загромождать машин и оставить только самое необходимое и быть готовым сняться в любой момент. [Миронова]

27 января

Свершилось! Настал и на нашей улице праздник. То, на что мы надеялись, о чем мечтали, ради чего мы терпели голод и холод, теряли родных и близких, работали и сражались, наконец стало явью.

18 января вечером по радио объявили о прорыве вражеской обороны под Ленинградом и Новгородом.

19 января опубликован приказ товарища Сталина об освобождении нашими войсками Красного Села и Ропши. У врага отбиты города и поселки с такими родными названиями Петергоф и Стрельна. Сколько счастливых мирных воспоминаний связано с ними.

21 января занята Мга. Надо пережить блокаду, чтобы понять, что значит для ленинградца это коротенькое слово. Мга — это железнодорожная станция, через которую проходят пути, связывающие город со страной. И ее освобождение означает, что мы больше не осажденные. Сколько сил и жизней потрачено за эти тяжкие и трагические годы, чтобы выбить врага из этого места. И вот свершилось. Но борьба продолжается. Наши доблестные войска идут вперед.

24 января освобождены Пушкин и Павловск. Все дальше от стен города гонят захватчиков наши воины. Мы уже не слышим артиллерийской канонады, в городе не рвутся вражеские бомбы и снаряды. В городе наступила тишина. Мы от нее отвыкли. Странно и непривычно. От радости хочется плакать и плясать. Вчера наши заняли Гатчину.

19 часов 45 минут. Что за радость! Какой день! Город ликует. Вновь над городом гром орудий. 324 орудия 24 раза салютуют в честь нашей общей Победы. Город весь в разноцветных огнях: фейерверки, сигнальные ракеты, разрывы пиротехнических зарядов озарили небо. Блокада снята! Какое нужно сердце, чтобы не заплакать! Какой день, какой праздник! Его мы никогда не забудем. [Евдокимов]

В ТИСКАХ ГОЛОДА И СТУЖИ

Проблемы с продовольствием в Ленинграде возникли уже в первые дни войны. На 1 июля в городе имелось запасов муки на две недели, крупы на два месяца, овса на три недели. В июле и августе запасы удалось немного пополнить. Вернулись в родной порт пароходы с продовольственными грузами, ушедшие в море до начала войны. Часть зерна вывезли из республик Прибалтики. От поставщиков в Ярославской и Калининской областях до установления блокады город получил 45 тысяч тонн зерна, 14 тысяч тонн муки.

С 18 июля 1941 года на всей территории страны было введено нормированное распределение продуктов питания. Население было разбито на четыре категории: рабочие, служащие, иждивенцы и дети до 12 лет. Нормы продажи хлеба, который был и оставался основным продуктом питания для населения, составили соответственно 800 г, 600 г и — для двух последних категорий — по 400 г.

По свидетельству А.И. Микояна, отвечавшего по заданию Государственного комитета обороны (ГКО) за распределение товарных потоков, Секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А.А. Жданов лично звонил Сталину и просил не направлять в Ленинград составы с зерном со складов госрезерва из западных районов страны под тем предлогом, что в городе их негде разместить. Нужно ли говорить, что блокадной зимой это зерно оказалось бы совсем не лишним.

30 августа 1941 года ГКО принимает постановление «О транспортировке грузов для Ленинграда». От наркоматов военно-морского и речного флотов потребовали срочно сосредоточить необходимые плавсредства для перевозки грузов от Лодейного Поля на реке Свирь до Ленинграда и подготовить фронт разгрузки в районе железнодорожной станции Ладожское озеро на западном берегу. Общее руководство организацией доставки грузов было возложено на заместителя наркома Военно-Морского Флота адмирала И.С. Исакова.

Осенью 1941 года на Ладоге не оказалось необходимого количества судов, многие находились в аварийном состоянии. Из 29 озерных барж на плаву держались только семь. Речных барж насчитывалось около сотни. Однако большинство из них можно было использовать при минимальной загрузке и только в тихую погоду. Флот располагал всего пятью озерными и несколькими речными буксирами. Для перевозки использовались все имеющиеся в наличии суда Северо-Западного речного пароходства и корабли Ладожской военной флотилии.

Первое снижение норм распределения в Ленинграде произошло еще до полной блокады города. С 2 сентября рабочим выдавали по 600 г хлеба, служащим — 400 г, иждивенцам и детям — по 300 г. Сокращение продажи хлеба было сравнительно безболезненным — продолжали работу учреждения общественного питания и коммерческие магазины. Работники крупных предприятий и учреждений имели возможность пользоваться услугами ведомственных столовых.

После проведения 6 и 7 сентября 1941 года детального учета продуктов питания и сырья для производства в гражданских и военных организациях выяснилось: хлеба, зерна, муки и сахара в городе по действующим нормам хватит на 35 суток, крупы и макарон, включая муку, выделенную на производство макарон, — на 30, мяса и мясопродуктов (включая живой скот в переводе на мясо) — на 33, жиров — на 45, сахара и кондитерских изделий — на 60 суток. Для мирного времени резерв вполне достаточный, но в условиях, когда традиционные пути подвоза находились в руках противника, а водный путь по Ладожскому озеру еще только осваивался, запасов было катастрофически мало.

1941

10 сентября

Соседка по квартире Шурочка принесла мне черный хлеб. И так, белый кончился — нельзя было продавать по коммерческим ценам, раз нет подвоза. Окраска этой коммерции дрянная. Кто имеет деньги — кушайте белый, а кто с ограниченными возможностями — можете лопать черный. То же деление на имущих и неимущих. Это можно было допустить как средство выкачивания денег лишь тогда, когда имеется полная обеспеченность снабжения белым хлебом и тех, и других. [Кулябко]

11 сентября

Экономно расходую продукты, особенно питательные средства, т. е. яйца, топленое масло. Картофель варю и ем с подсолнечным; да и с картошкой остро — ее просто нет, как нет никакой зелени вообще. Масса окрестных огородов уничтожена окопами, эвакуацией населения и прочим. Вот и приходится думать о будущем, рассчитывать каждую крупинку, так как в дальнейшем стоит призрак, некто в сером — голод. Но если немцев отбросят, будет лучше. А все же, говорят, много сахара и постного масла погибло — результат бомбежки. Хлеб еще дают — 400 г в день, что будет дальше — неизвестно. Расходую прежние небольшие запасы сахара, а вот если круп не будет, это уже много хуже. Ну, да это еще неизвестно. Авось, проживем, и это меня сейчас уж не так сильно тревожит.

Буду пить кофе — с черным хлебом, но отношусь к этому философски. Был бы только круглый, а если будут только «кирпичи», то это значительно хуже.

Заходила соседка. Сообщила неприятную вещь — хлеб с завтрашнего дня уменьшен до 300 г в день. Это уже нехорошо, не исключена возможность дальнейшего уменьшения. А как же считали, планировали, если с 1 по 11 сентября уменьшили вдвое норму? Все остается, как было, — земля велика и обильна. [Кулябко]

12 сентября

Зашел за хлебом — увы, сегодня уже 200 г, это уже плохо, думаю прибегнуть к иным источникам увеличения пайка. Купил сосисок 300 г, стоял за картофелем — не получил. Хотел купить

сельдей по карточкам, но их нет, это очень нехорошо, так как сельдь питательна. Пообедал — 9 картофелин, волошский орех с постным маслом и 4 сосиски с черным хлебом. Сейчас буду готовить кофе. Если так будет, то еще жить можно. Пришел домой, спина болит, лег и заснул на полтора часа. [Кулябко]

Блокадную навигацию на Ладоге открыл пароход «Орел», доставивший в Осиновец две баржи с 800 тоннами зерна. Суровое и своенравное озеро не скупилось на сюрпризы. С 23 по 27 октября из-за сильнейшего шторма ни одно судно не смогло выйти из порта. В течение последующих 28 дней сообщение оставалось нерегулярным.

Перевозки осуществлялись по так называемой большой трассе Гостинополье — река Волхов — Новая Ладога — бухта Морье (на западном берегу) или Осиновец. В Гостинополье грузы с железной дороги переносились на мелкосидящие суда и подвозились в устье реки в Новую Ладогу. Там их перегружали на суда, имеющие право выходить в озеро, и транспортировались на западный берег. Таким трудоемким способом пришлось доставлять все необходимое в блокированный Ленинград.

13 сентября

Вышло обязательное постановление — строжайшая экономия электричества, запрещение пользования электроприборами. Это для меня очень плохо, ведь норма керосина — 2,5 л в месяц, этого и на чайник не хватит, не говоря уже о том, что сегодняшние 2,5 л завтра могут превратиться в пол-литра и даже в нуль. Вообще, впереди мало хороших или даже сносных перспектив. Но надо пережить и дожить до иной, лучшей жизни, хотя это «дожитие» в руках случая. [Кулябко]

14 сентября

Предлагают мне перейти на жительство в институт, подумаю, спать будет удобно, довольно хорошее бомбоубежище, мною же и укрепленное, не будет забот с электричеством (электроприборы запрещены, и самая строгая экономия) и с керосином. Правда, я успел запастись десятью литрами, но все же этого ненадолго хватит, хотя, что гадать о долгом сроке. Звонил Д.К., но не работает телефон. Решил его навестить — теперь всего можно ждать. [Кулябко]

16 сентября

Эта чертова кукла Анна Сергеевна сама навязалась постирать мне белье, да так заверила, что велела, чтоб я его обязательно замочил, что я и сделал с добавкой нашатырного спирта. На другой день — ее нет, вчера — нет. Что же мне оставалось делать? В половине одиннадцатого сам затеял стирку, расположившись так, чтобы это по возможности не ухудшило моего состояния. Три с половиной часа я его стирал, или лучше — оно меня стирало, два раза с мылом. Потом сготовил обед (меню все то же), лежал полтора часа и начал полоскать. Но не развешивал — уже устал и боялся сорваться.

Сегодня утром развесил. Вышло гораздо чище, чем у А.С., и нет этого запаха мыла. Спирт нашатырный очень помогает. Учту на будущее, хотя оно и рисуется в мрачных тонах.

Одно «если» — голод, признаки его уже теперь есть, чувствую даже в отношении себя, уже неделю не чувствую себя сытым, так как основного — картофеля и хлеба — практически нет. Ведь 200 г в день это не хлеб, а картофеля и вообще нет, да и откуда его возьмут, когда все окрестности заняты немцами. Масса людей в очередях у столовых — это тоже показатель. А что будет дальше, когда и в столовых ничего не будет, а если, не дай Бог, немцы займут город — нас-то они ведь не будут кормить. Призрак голода стоит на близком расстоянии, только чудо нас может спасти. [Куплябко]

Из докладной записки уполномоченного наркомата заготовок 16 сентября: Значительная часть убранных на полях Ленинградской области овощей и картофеля оставлена без надзора на полях и либо разворовывается, либо местными райсоветами передается воинским частям. Например, во Всеволожском районе 14.IX до 500 т картофеля лежит на полях и не вывозится из-за отсутствия транспорта, в день ходят из Володарского района 1–2 машины. В колхозе «Пахарь» Слуцкого района в течение 3 дней картофель — 10 т был оставлен в поле, из которых 6 т было разворовано, а 4 т Слуцкий райсовет вынужден был отдать воинским частям на месте. В колхозе «Вирки» Колтушевского сельсовета Всеволожского района лежит накопанный картофель в количестве 60 т и 15 т капусты; таких фактов привести можно много.

18 сентября

Зашел в булочную, чтобы взять свои 400 г на сегодня и на завтра. Хлеб дают только черный, белый полагается на детские карточки. Попросил соседку купить мне килограмм сухого компота. Притащила полтора. Тоже пригодится, спасибо ей. Это пока без карточек. [Кулябко]

20 сентября

Обедаю в столовой и по протекции официанток беру пироги с чевицей, а сегодня — с картофелем, по 4 штуки в дополнение к хлебу, в буфете, если есть, беру селедку с картошкой и морковкой и после «сытного» обеда в час дня, в четыре съедаю эту селедку с кусочком черного хлеба. Вот и дотяну до вечернего кофе. А на завтра есть на утро тоже два пирога и, хотя и воскресенье, но пойду в столовую обедать, а свои крупы, бобы, горох и прочие аналогичные продукты приберегу на дальнейшее, так как не знаю, что будет впереди. [Кулябко]

21 сентября

Съездил к Е.Н. забрать свой картофель, сахар, оставшийся от того, что сын привез из Выборга. Повез ей пирог с картофелем и кусок хлеба. Просидел у нее около часа, договорился, что она мне накопает картофеля где-то около Парголова, спросила по 4 руб килограмм, я добавил, что и дорогу до Парголова автобусом оплачу. Хорошо, если выйдет, а то без картофеля совсем плохо. [Кулябко]

22 сентября

Кажется, удастся получить консервированное и сухое молоко, какао есть, и еще предпринимаю шаги, чтобы увеличить его количество. Тогда на некоторое время будет чем жить; а пока «фуксом» снова достал сегодня 4 пирога с картофелем. Два на вечер с кофе, два на утро. А когда этот источник кончится? Не стоит задумываться. [Кулябко]

23 сентября

Говорил со старыми ленинградцами, как было в Петрограде с удовольствием в 17-м году, непосредственно перед революцией. Все утверждают, что настоящее положение намного хуже. Был хлеб,

другие продукты, не было таких безумных очередей, как сейчас. Народ тогда еще не привык к очередям, и небольшие, в сравнении с теперешними, очереди казались чем-то ужасным. А теперь из-за двух кило картофеля или двухсот граммов кокосового масла, или четырех яиц люди часами стоят в очередях, да еще ухитряются бежать из одной в другую. Хлеб резко ухудшился, какую-то неприятную примесь дают к черному хлебу.

Спасает наша столовая, все же обед, и, главное, через официанток получаю пока ежедневно 4 пирога — сегодня с пшенной кашей. А на обед — пшенная каша, свинина с картофелем (по карточкам) и стакан чаю с кусочком черного хлеба. Чай беру ради сахара.

В буфете взял салаки с картошкой и морковкой. Завернул в бумагу и, придя со службы, подлил постного масла и съел. Пироги, как обычно — два с кофе вечером, два — на утро. Картофель берегу. Достали мне вместо конфет 250 г какао.

Завтра, если не будет таких тревог, пойду хлопотать о сгущенном и сухом молоке. Если не ограбят, то пока что буду жить. Достал 12 коробок спичек, это большое достижение. А вот зубного порошка нет. Перейду на соду. [Кулябко]

По постановлению Военного совета Ленинградского фронта с 23 сентября прекращено производство пива. Солод, ячмень и другие хлебные продукты передавались тресту «Заготзерно» для размола на муку.

Весь собранный картофель предложено использовать для общественного питания, госпиталей и больниц.

24 сентября

Был на работе, где достал сухого молока, норму на 10 л и питание. Вкусно, пробовал сегодня кофе с молоком — неплохо. Хлопочу достать витамин С, думаю, что это и от возможной цинги поможет. Все приходится думать. Хлопочу достать зубного порошка — обещали. Вот, какая настала жизнь. Жутко мне было быть там. Все время стрельба, где-то рвутся снаряды. Еще не выработалась привычка спокойно реагировать на такую музыку. [Кулябко]

25 сентября

Столовая пока что кормит, дорого это обходится, 10–12 р. в день, но делать нечего, так как надо что-то взять оттуда для завтрака

и в добавку к хлебу. Сегодня за обедом кроме горохового супа съел две маленькие порции трески, а котлету взял на завтрак и выпросил две порции оладий из рисовой муки, что завтра заменит хлеб. Хлеб комбинированный — 40 % ржаной муки, 30 % овсяной и 30 % отрубей. [Кулябко]

26 сентября

Лежал час, читал. Эти «лежки» мне необходимы — надо дать отдых моей спине. А теперь, накинув пальто, поскольку холодно, и поставив на керосинку свой неизменный кофе, пишу о сегодняшнем дне. Пасмурно и потому тихо, что будет дальше — не знаю. На службе, как и у остальных, почти нет дела, нормальная жизнь замерла. Основной импульс у всех — пообедать в столовой, да так, чтобы ничего не прозевать и принести домой что возможно. То же делаю и я, и вот из столовой дома у меня: три маленькие селедки (почти кильки) плюс два стакана кофе с сухим молоком — это ужин; завтра на завтрак — котлета с чечевичной кашей и два куса пирога с пшеникой. Вот и шикарно получилось. Купил в запас еще две пачки ячменного кофе, а то в лавках везде пусто, и даже кофе исчезает, а деньги, возможно, тоже исчезнут или превратятся в бумажки. Гарантировать ничего нельзя. Что-то даст нам октябрь в продовольственном и в международном отношении?

Передавали эпизод: в Пушкин пробралась женщина за картошкой, не зная, что он уже занят немцами. Возвращается обратно — навстречу два немца — кто, куда, откуда? Объяснила (понимала немецкий язык). Попросили хлеба, ответила — хлеба нет, а есть картошка. Любезно попросили поделиться картошкой, что она и сделала. Ей объяснили, куда безопасно идти и отпустили. Навстречу попался немецкий офицер, не обратил на нее внимания и прошел мимо.

Второй случай — с гражданином, поехавшим накопать картошку, свою же. Ему заявили — копать копайте, но половину отдайте нам, что он и сделал. Хочет еще раз проехать туда же за картошкой. Что делать — голод гонит.

Говорила одна интеллигентная женщина — преподавательница, что она ушла оттуда, в чем была, и при ней еще, когда наши ушли, а немцы еще не пришли, начался грабеж оставленных квартир, и кем же? — оставшимися русскими жителями. Без сожаления рас-

стреливал бы этих бандитов, которые делают свое черное дело, когда люди и без того так сильно страдают. [Кулябко]

27 сентября

Вчера и сегодня болит живот. Думаю, что это хлеб с примесью отрубей и прогорклой овсяной муки, а также чечевичная каша на обед с примесью к ней всякой дряни вроде вытащенных мной обломков спичек, кусочка мочалки и поряточной дозы овса. Говорят, что с 1 октября будет не только мясное по карточкам, но и все остальное — крупа и пр. Будет плохо, уже и сегодня я ничего не мог принести домой, а обедал — горох, вермишель и гуляш с гарниром из вермишели. Что-то будет дальше — нехорошие перспективы.

Сегодня вечером пил кофе с сухарями из прежнего черного хлеба, лежал около двух с половиной часов, живот немного успокоился — угрелся. Неужели положение улучшится? Я уже слышал такие слухи, правда, не в такой категорической форме. Добавляют, что Новгород и Старая Русса в наших руках — хотелось бы верить. Поживем — увидим. [Кулябко]

29 сентября

С питанием будет хуже, так как в столовой будут брать талоны с карточек не только за мясные блюда, но и за кашу и макароны. Придется ту же затягивать пояс. Живот побаливает, с одной стороны, есть меньше хочется, а с другой — просто болит, думаю, что это от плохого хлеба. Но это все пустяки, только бы повернуть их от Ленинграда и вообще из России повернуть назад. [Кулябко]

1 октября

Сегодня обедал как всегда, но по новым правилам: на мясо — талон на 100 г при норме 800 г в месяц, на макароны или кашу — талон на 50 г при норме 1 000 г в месяц, итого можно пообедать 28 раз в месяц, а три дня — без обеда, так как вода с капустой («борщ») это не обед.

В пустующую квартиру сына вселяют беженцев. Сделать ничего нельзя, пытался доказать управхозу — и слушать ничего не хочет. Дал указание Екатерине Николаевне мелочь вынести, мебель оставить, повесить замок на вторую дверь, чтобы изолировать спальню. [Кулябко]

По состоянию на 1 октября в городе оставалось всего 20 052 тонны муки. Проведено третье снижение норм продажи хлеба: рабочим — 400 г, служащим — 300 г, иждивенцам и детям до 12 лет — по 200 г. Запас дров на 1 октября — 118 851 кубометр, что меньше двухнедельной потребности в летний месяц.

2 октября

Обед сегодня ужасающий. Суп гороховый — вода с горохом, омлет из порошка, жидкая соевая каша (одно отвращение), а в три часа — стакан чая с кусочком хлеба. Голоден был сильно, не выдержал и вечером сварил одно яйцо в дополнение к двум стаканам кофе с сухим молоком. Осталось 7 яиц на всякий случай. Жду обещанных 5 кг картофеля, просил шофера достать для меня при поездке, цена безразлична, так и сказал ему. Приходится жестко подходить к трате каждой картофелины, каждой ложки крупы. Кто знает, что еще будет впереди и долго ли продлится голодный паек. А может, еще и хуже будет. Хорошо, что я запас сахару, он питателен, но быстро уходит. [Кулябко]

5 октября

С едой все хуже — столовая с 1 октября режет талоны и на мясное, и на каши, так что талонов хватает на 28 обедов, причем кашу и мясо одновременно брать нельзя, иначе и на это число обедов не хватит. Ну, а три дня — без обеда. Так что 4-го у меня на обед был только горох с кусочком хлеба, и все. Взял еще стакан чая, попросил положить 4 ложки сахара, хоть это и неприятно, но сахар — большое питание. В 5 часов есть хочется ужасно, пошел в столовую и решил съесть омлет из порошка с мясом (но его только следы). С грустью отрезал талон в 25 г. А вечером заварил два стакана какао с сухим молоком — пить можно, и все же какао питательно. Вспоминаю часто два мешка сухарей, что сын оставил в Выборге, как бы они были хороши сейчас. [Кулябко]

...что касается голода, то мы голодны всегда. 200 г отвратительного хлеба, я бы съела его в один раз, несмотря на то, что он горький и противный. Пустой суп, пустая каша. Кончаешь обед, но не отказалась бы от тарелки хорошего мясного супа и котлетки с картошкой. Есть, есть и есть хочу все время. Хоть бы хлеба с маслом. В то же время бессонные ночи, постоянное нервное напряжение

и ослабленный организм настойчиво требуют значительно больше того, чем я пользуюсь. Гоню от себя мысль о том, что будет дальше. Ведь до сих пор мне еще помогали кое-какие запасы, а когда перейдем только на паек? Не вытянуть мне, если ничего не изменится. [Ивлева]

6 октября

На завтрак готовлю какао, для этого нужно вскипятить воду и заболтать туда месиво из какао, сахара и сухого молока. Эту бурду и пьешь с кусочком хлеба, и пока это есть — хорошо. У меня остались две коробки по 250 г, одну привез мне сын, вторую я купил по карточкам вместо конфет. [Кулябко]

7 октября

В бытовом отношении сегодня удачно — обедал супом гороховым и, правда по талону, рисовой кашей с маслом. Да еще в буфете купил для поддержания калорий 4 ложки сахару (главное — без талона) и бухнул весь его в кашу. Вот и питательно получилось. Оладьи соевые (по талону) решил взять с собой на вечер, чтобы добавить к хлебу. Да так и не добавил — разогреть не было времени. Вместо этого взял два кусочка насушенных мной сухарей. Но вот что лучше всего вышло. В столовой подходит ко мне официантка, после каши уже, и спрашивает — каша хорошая была? Да, очень хорошая. Еще бы съели? Ну, конечно, только без талонов. Она кивнула и через 10 мин. принесла. Дал вместо 1 р. 45 к. — 2 рубля (я и раньше так уже делал), она довольна, и я тоже.

Был в квартире сына на Лесном, приделал скобки и дал замок на меньшую Борину комнату, так как в большую вселяют семью из трех человек — беженцы из Павловска. Ничего не поделаешь, никакие ни брони, ни чины, ни ордена в расчет не принимаются. Забрал оставшиеся продукты, кое-что отдал Екатерине Николаевне. Зайду, увидаю новых временных жильцов, чтобы знали, что квартира не беспризорная. [Кулябко]

8 октября

Встал в 8 часов, наскоро — кофе, разогрел рисовую кашу, что принес из столовой, и с опозданием на 10 мин. пришел в институт. Сильно болела моя спина, ходил, опираясь на зонт, погода

пасмурная, моросит; наверное, налетов не будет. Обедал — «водопроводный горох», котлета с гарниром из фасоли. Шепнул официантке, чтобы положила побольше гарнира. Кивнула, притащила котлету и гору фасоли. Даю 3 рубля, жду сдачи. Она улыбается и спрашивает, не принести ли рисовой каши. Конечно, принести, сдачи не надо. В буфете — 4 ложки сахара — в кашу, вот и на завтра обеспечен завтрак.

Ушел пораньше и почти все время лежу. Сварил какао на сухом молоке — бурда, но сносная. Теперь окончательно разденусь и лягу. Барометр падает — шансы на отсутствие бомбежки. Как хорошо отдохнуть, выспаться и дать успокоиться спине. [Кулябко]

Обедал в ресторане «Москва». Грусть. Обед: первое — 42 коп., второе — 59 г макарон — 35 коп. Итого: 77 коп. [Пившиц]

15 октября

Берегу остаток яиц (3 шт.) и картофеля (около 2 кг). Оставляю на особо голодные дни. Вечером черт дернул брать сахар — 300 г на 20 дней, и так продавщица закопалась, что простояла 40 мин. <...>

Прихожу домой. Ц-н сидит на сундучке. Поздоровались, он сел около кровати, а я лег дать отдых спине — все еще болит, но уже меньше, хотя и хожу еще с палочкой. Много говорили, невесело все, хорошо еще, тревог не было, и мы спокойно просидели вечер, напились кофе с сахаром и каждый — со своим огрызком «хлеба». Я разогрел макароны, что принес себе на ужин, разделил эту трапезу с Ц-ом, а он поделился колбасой. Сыграли в шахматы, снова говорили и улеглись спать. Он с заводом уезжает в Новосибирск, а Д.К. — в Куйбышев. <...> [Кулябко]

16 октября

Сейчас радио трещит, что на рынке в Бухаресте не достать картофеля, кукурузы и пр. Зачем болтать об этом — не понимаю. Неужели не хватает разума хотя бы помолчать, раз у нас то же самое, если не хуже. [Кулябко]

19 октября

Встал в 8 утра, выпил стакан кофе с кусочком хлеба. Поехал на Сытный рынок в расчете найти там что-либо из овощей. <...>

На рынке бродят голодные люди в поисках чего-либо съестного, и я в их числе. Была только клюква с очередью человек 150. Походил, послушал, посмотрел и ушел ни с чем. Картофель мерещится, но его и следа нет и, очевидно, не будет. На обратном пути зашел в «Консервы» — томат продают, больше ничего нет; очередь — пятисотые номерки.

Пришел домой. Накануне замочил 100 г гороха, положил туда 4 кусочка сухих грибов, жена до войны сушила в Сойкино, нашел две связочки. Спички, на которых они сушились, собрал и положил в коробочку — тоже ценность.

Вчера считал свой картофель. Мелких и средних 75 шт., значит, на 15 раз по 5 штук. Отобрал несколько плохих и тоже сварил. Это обед сегодня.

По приезде Шуручка встретила, ну, рассказал, шутя, что видел, что слышал и что готовлю. Спросил, чем горох заправить кроме топленого масла. Говорит — чайную ложечку муки. Я хотел нечто вроде соуса сделать, чтобы погуще было и посытнее. Стою у себя, зажигаю керосинку. Входит Шуручка, несет на блюдечке рисовую кашу. Я вскочил, взял ее за руки, отпихиваю, говорю — не хочу, не надо, никогда этого не делайте. Кричит — рассержусь, если не возьмете, ей-Богу, рассержусь, у меня много. Спорили, отпихивали друг друга. Поставила, ушла. Догнал, говорю — Шурик, милая, никогда больше так не делайте, помните, что еще хуже будет и долго, может, месяц, может, и больше, кто знает, так что думайте о себе. Поцеловал руку.

Добрый она человек, отзывчивый. А много ли таких? Сказал, что масла могу дать пол-литра хоть сейчас. Взял слово, что будет надо, — она скажет. [Кулябко]

20 октября

В городе с питанием плохо. Иждивенцы получают по 200 граммов хлеба, а белого хлеба и сливочного масла не получают совсем. Особенно плохо с питанием беженцев. Были случаи, когда умирали грудные дети. Рабочие питаются в заводских столовых и некоторые прикреплены к государственным столовым. Там тоже по карточкам, но все-таки лучше. Нас кормят неплохо, но официанты здорово обманывают. Командиру и старшине дадут больше, они и молчат. Только в последнее время в это дело вмешалось ротное комсомольское бюро и предвидятся улучшения. [Капанов]

Обед сегодня — два супа из лапши. Тщательно собрал блестящие жиры, переправил их в другую тарелку, потом из этой тарелки слил воду, а лапшу переложил в первую и съел с кусочком хлеба; на второе попросил Женю (официантку) дать мне фасоль, только побольше положить. Принесла и подала мне сама. Съел — вот и все. Плачу Жене вместо 1 р. 10 к. — 2 рубля и даю с грустью крупяной талон карточки на 50 г. Нет сдачи — не надо сдачи. Возвращает талон — не надо и талона. Поблагодарил и ушел. Вышло хорошо, относительно, конечно, так как предстояло еще поужинать.

Вечером — только два стакана какао с остатком хлеба. Если добавить, что утром будет только стакан черного кофе с кусочком хлеба, то это еще не голод, конечно, но уже впроголодь. Хотел вечером «поставить на ребро» одно яйцо из оставшихся трех, но директор столовой сказал, что с завтрашнего дня будут давать на обед только одно блюдо, поэтому решил сегодня яйцо «на ребро» не ставить. Да, призрак голода стоит у дверей. <...>

Страшный вопрос на весах нашей судьбы. Переживу ли я, увижу ли своих близких или это будет конец. Не укладывается как-то эта мысль в голове. Ну, еще с тем, что есть, удастся протянуть до декабря, пожалуй, вряд ли — дольше, хотя человеческий организм живуч.

Снова вспомнил о сухарях, но кто же мог предполагать даже, что так жизнь сложится. Я ведь тоже не выбирал своей нормы хлеба, возмущался, что делают запасы. Я ведь был не прав перед теми, кто не верил в твердость уверений, норм и пр. А ведь пропущенный, не взятый мной тогда хлеб позволил бы мне протянуть еще полтора-два месяца. Ну, да что говорить о том, что ушло и чего не вернешь. Видно, на старости лет надо бросить в помойку все, что осталось от прежнего. Поздно. Остается надежда — буду жить ею. [Кулябко]

21 октября

На бытовом фронте — удача, обед по-прежнему — щи, овсяная каша, дополнительно, через Женю — фасоль. Вечером — какао. Талоны на растительное, ненужное мне масло отдал за 200 г плавленого сыра. Вовсе без талонов, там же в столовой, директор дал мне полукилограммовую банку паштета, там же получил 5 пачек табака по 6 руб (а в городе только по 12 руб), и даже наша ларечница

принесла коробочку зубного порошка. На бытовом фронте сегодня хорошо. Паштет оставляю на тяжелые времена, как и крабы, и кильку, и картофель — 75 штук. Пока смогу жить на норму, не буду ничего тратить, буду беречь на дни полного голода. Даже хлеб жую очень тщательно, помня, что при этом усвояемость выше, экономлю движения и всякую не совсем нужную беготню прекратил — экономия сил совершенно сознательная. Словом, веду подготовку к дальнейшим возможностям более худшего порядка, чем сейчас. [Кулябко]

Власти предпринимали отчаянные меры по мобилизации и рациональному использованию продовольственных ресурсов.

21 октября городской и областной исполкомы обязали всех граждан и организации Ленинграда и пригородных районов зарегистрировать имеющийся скот. Постановление запрещало забой скота без разрешения райисполкомов и поселковых советов.

5 ноября горисполком ввел правила забоя личного скота — 1,5 кг на члена семьи в месяц с расчетом на три месяца вперед. Все остальное мясо подлежало сдаче государству.

26 октября

Какая-то апатия, вялость и дряблость овладели мною. Устал или ослаб? И то и другое. <...>

За сутки я могу получить в столовой только одну тарелку чечевичной похлебки и котлетку без гарнира с воробьиное яйцо. Дома абсолютно ничего нет. Даже не на чем согреть чашку кипятку. [Евдокимов]

2 ноября

Вчера получил и сдал карточки. Сначала не хотели давать, но когда немного поругался, карточки выдали. Промтоварных не дали за неимением какой-то справки, которую было негде взять. <...>

Сегодня получили мы по плитке шоколада весом 100 г, по два пирожных и 150 г конфет. Это полагалось по карточкам на праздник и, конечно, за деньги. [Капранов]

4 ноября

3-го ноября со мной и еще с одним бойцом произошел нехороший случай. Нам дали шоколад, пирожные и потом вечером конфеты.

Во время обеда, когда я получил шоколад, Кузнецов предложил продать всё в три раза дороже. Я отказался. Он опять стал просить, говоря, что это нужно матери. Я одно пирожное продал, а второе съел. Когда уже после я съел немного шоколада и у меня осталось полплитки, Кузнецов попросил продать ее за 15 рублей, хотя плитка стоила 5 рублей 2 копейки. Я сначала думал, что он смеется, и не продал, но потом все-таки согласился продать, руководствуясь той целью, что мне нужны были деньги.

Когда я выкупал шоколад, то у меня и в уме не было, чтобы перепродавать. Не то чтобы я соблазнился деньгами, а я просто ни о чем не думал и не понимал, что совершаю нехороший поступок по отношению к товарищу, с которым жил вместе уже почти два месяца и спал на соседней койке. Когда я уже перепродал [шоколад], то пошел в 22-ю комнату играть в бильярд и там сообщил о сделке. Ребята стали смеяться, что они один другому тоже продадут, и в конечном счете получился аналогичный случай: Б-в продал Е-ву полплитки или меньше за такую же цену.

Вечером под руководством Ш-ко мне ребята стали объяснять, что я совершил и к чему это влечет. Что, может быть, завтра я продам ватник, пойду продавать хлеб и т. д. Что это мародерство, спекуляция, и если дать огласку и передать в ревтрибунал, можно получить восемь лет. Решили по предложению Айзиковича и Ш-ко устроить товарищеский суд, не вынося это из стен взвода. Позвали политрука.

Суд проходил под председательством А-ча, так как он учился в Юридической школе и кое-что понимает, и при посредстве секретаря т. П-де вынес общественное порицание перед строем.

Пошло дальше, так как, по словам Ш-ко, политрука и П-де, комсомол это оставить не может. Собрали тотчас собрание комсомольских групп и вынесли мне строгий выговор с предупреждением и с занесением в личное дело. Некоторые говорили, что это слишком, но тут опять же Ш-ко и А-ч подняли шум и развели такую философию, что припомнили были и небылицы и еще кое-что приплели. В общем, из мухи сделали слона. Решили, что если это повторится, то дело пойдет дальше.

Этот случай, конечно, я запомню надолго и, думаю, что больше не повторится. На ошибках мы учимся. Потом это дело разбирали на бюро в присутствии командира роты, политрука 1-го взвода,

политрука 3-го взвода, комсorghов 1-го и 2-го взводов и старшины роты. Решили также, что передадут в райком. [Капранов]

5 ноября.

Завтрак: помоть хлеба, соль, кипяченая вода. Обед: тошнотворные щи из хряпы — зеленых листьев капусты. Брать второе [не стал] — жаль мясных талонов, а от крупы: соевая — или чечевица — моментом заворот кишок. <...> Вечером тоже тарелка щей из хряпы. Спасибо М. — согрела чай. [Лившиц]

6 ноября

Сегодня у нас было хорошее питание. Так дали в первый раз. В завтрак давали макароны, хотя и мало, но лучше щей. Еще сто граммов хлеба, десять граммов сыра и стакан чая. В обед — щи неплохие. Второе состояло из капусты и куска мяса граммов 25. Стакан чая и 100 г хлеба. В ужин дали 100 г хлеба, суп из вермишели и стакан чая, я не взял. Вместо сахара дали конфету. Потом дали 100 г брынзы. Это не знаю, как объяснить. [Капранов]

7 ноября

Сегодня мы не работаем. Ничего не ел. Столовая закрыта. Сейчас шесть часов вечера. Буду топить печь и варить щи. Сберег несколько листов капусты, которые мне дал мой мастер В-н. Вчера он принес мне несколько картофелин, но я не утерпел и вчера же их съел. [Евдокимов]

Из документов уголовного дела: 6 и 7 ноября 1941 г. Военный трибунал войск НКВД Ленинградского фронта рассмотрел дело по обвинению группы лиц в изготовлении поддельных продовольственных карточек и их реализации через магазины и приговорил руководителя группы к расстрелу, а остальных к разным срокам тюремного заключения.

8 ноября

Ем свой суп и хочу есть. Хочу хлеба, каши, картошки. Юрик тоже начинает сдаваться: все чаще нервничает, сердится, раздражается. Спит мало, плохо, встает рано, целый день болтается со мной, устает, а питается плохо. Все это начинает сказываться. Да, что-то будет с нами. [Ивлева]

11 ноября

Сегодня случайно нам досталось много супу: тревога задержала доставку обеда, и многие учащиеся разошлись. Мы, учителя, смогли взять больше. Стыдно сознаться, но я съела три тарелки. Три тарелки! Я никогда не ела столько супу. Но что за суп! Вода с вермишелью (за вермишелью надо гоняться) и нисколько жиринки, а кроме того, без хлеба. Съела и все равно не насытилась, как «фараонова корова». [Ивлева]

12 ноября

Чувствую себя плохо: болит бок, тяжелая голова, насморк. А главное — хочу есть. А норма нашего пайка уменьшена. Хлеба завтра только 125 г. Супу сегодня уже не было — только с вырезом талона. Еще неделя, так и ног не потянешь. Вот радио говорит, что надо собрать все силы, терпеть, нужно помочь армии прорвать блокаду, нужно смириться с голодом. Как все это понятно, но как трудно! А главное, нет надежды на то, что блокада действительно будет прорвана. [Ивлева]

Сегодня на машине ездил к 8-й ГЭС. Из блиндажа на берегу реки в бинокль осматривал станцию: нигде ни души.

По пути кучки ленинградцев, перекапывающих поля в поисках оставшейся картошки. Счастливицы с небольшими мешочками картошки за плечами. Купить ни за какие деньги нельзя. Покинутые селения. Окна без стекол. Деревянные дома, иссеченные осколками. Крыши со стропилами на земле, сорванные с домов. Пустынно, холодно, снег. Курица — редкость. Коровы — редкость. Тощая собака грызет лошадиный кал. По дорогам в обе стороны с лопатами идут люди на оборонные работы. Вдоль дороги доты. [Ходорков]

С 13 ноября нормы снижены в четвертый раз. По рабочей карточке — 300 г хлеба, всем остальным категориям — по 150 г. Население города оказалось на грани вымирания.

15 ноября

Ничего из продуктов даже по карточкам невозможно найти. В моей мастерской вчера раздуло двух человек, сегодня еще два упали. В заводской столовой кроме тарелки бульона из хряпы уже больше ничего не дают. В сутки более 50 копеек невозможно потратить. [Евдокимов]

С 10 по 14 ноября осуществлялась транспортировка продовольственных грузов на транспортных самолетах «Дуглас» и бомбардировщиках ТБ-3. Всего на эти цели было выделено 50 машин. По плану они должны были доставлять 200 тонн груза в сутки. Доставку продовольствия курировал лично Г.М. Маленков. Использование самолетов для транспортировки грузов в Ленинград вызвало возражение Сталина, который счел ее «нецелесообразной».

18 ноября

Сегодня на завтрак нам дали щи из капусты, но такие плохие, что как я ни хотел есть, не мог съесть всего. Потом, как обычно, стакан сладкого чая и сто граммов хлеба. В обед на первое дали щи из капусты, на второе — капусту и полсардельки, на третье — конфету и чай. Так что и обед несытный. Капуста питательности мало имеет, и мы едим одну почти воду. Вообще нам дают много, но не так питательно. На ужин суп из вермишели, конфету, чай, сто грамм. Конфеты, кажется, сделаны из кофе. Они несладкие. Сегодня в три часа ходили в кинотеатр «Спартак». Смотрели фильм «Маскарад». [Капанов]

19 ноября

Сегодня я совсем покончил с работой в комсомольском полку противопожарной обороны Ленинграда. Вчера сдал форму, а сегодня получил карточку. Сегодня уже там не питался. Утром мама купила щи и смешала их с гречневой кашей и получившимся, так сказать, супом позавтракали. Потом чай пили. Часов около 12 сварили и поели супу из рисовой каши и тем же поужинаем. Хлеба съели грамм по 70. Чтобы получить карточки, пришлось побегать. [Капанов]

В конце второй декады ноября в Шлиссельбургской губе Ладожского озера установился более или менее прочный лед. 21 ноября по ледовой трассе прошел конно-транспортный батальон. Первыми по трассе на легковом автомобиле с западного берега на восточный проехали 21 ноября начальник тыла генерал Ф.Н. Логунов, военный прокурор Д.И. Фукс и инженер Б.В. Якубовский. По итогам поездки было принято решение начать автомобильные перевозки по Ладожской трассе. Вечером того же дня на восточный берег пошла порожняя колонна из 10 автомашин.

30 ноября

Ох ты, голод, голод! Как тебя только пережить. Кто будет жив, тот никогда не забудет эти дни и всегда будет знать цену жизни. С голоду опухло почти все население. С улиц исчезают лошади, кошки, собаки. Особенно умирают дети.

Сегодня из тринадцати человек бригады на работу вышли только трое. Десять человек свалились, а одиннадцатый упал в мастерской до обеда.

В столовой бывает только крупяной суп по 8 коп. или щи из свекольной хряпы — 17 коп. Две тарелки не дают.

Придя домой, не мог лечь спать. Упадок сил. Температура 35,4 градуса. Ноги опухли, стало пухнуть лицо.

Нашел на полу сопревшую шелуху от свеклы и картошки. Хорошо отмыв и сварив, с аппетитом съел две тарелки. Это еще хорошо, но и этого больше нет. [Евдокимов]

Схватила я брюки мужа и побежала на рынок в надежде обменять их на хлеб. Подходит ко мне мужчина и спрашивает: «На что меняешь брюки?». Я отвечаю: «На хлеб». Он дает мне хлеб, говорит, что это килограмм. В этот момент подходит к нам патруль, забрал меня и мужчину и привел в пикет на Мальцевский рынок. <...>

В милиции у гражданина нашли под ватником несколько буханок хлеба и посадили его за загородку. Спросили меня, где я работаю и почему меняю брюки. <...> Хлеб положили на весы, там оказалось семьсот граммов. Мне сказали, он обманул в весе. Спросили, что я хочу назад — брюки или хлеб. Я ответила: только хлеб. Мне довели до килограмма и отдали его. Я схватила хлеб, спрятала за пазуху и счастливая побежала домой. [Рыбина]

В ноябре от голода погибли 11 тысяч человек. На улицах стали появляться первые умершие. Смерть настигала людей вне дома, прохожие не всегда были в состоянии им помочь.

2 декабря

Очень страдаю от голода. Юру пристроила в детский сад, там он кое-что получает. Но сама я голодаю настоящим образом. Хлеба 125 г — тяжелого, мокрого, черного — это такой кусочек, что на него не наглядеться. И этот кусочек приходится делить с Юрой. Вот наше меню: утром чай или кофе с малюсеньким кусочком хлеба.

Затем у Юры в «саду» опять чай и обед, а у меня до 7–7.30 вечера ничего. Вечером же тарелка супа — суп это только привычное название, вернее, тарелка воды, где плавают одинокие крупинки, и к этому такой же маленький кусочек хлеба, как и утром. То же получает и Юра дома, если есть лишняя конфета, берем таковую «на закуску». Вот и все, а завтра опять то же. Но самое ужасное, что и эти крупинки на исходе. Еще 5–6 раз, а потом? Со страхом думаю, чем я буду кормить Юру в выходной день. И никакой надежды на будущее. Так нелепо погибать от голода. Голод, мучительный голод. Он подрывает всякую волю. [Ивлева]

Сегодня узнал радостную весть. Рабочим вредных фаз будут давать дополнительное питание. Всем остальным рабочим будет второе [блюдо]. [Евдокимов]

С 1 декабря введено нормированное снабжение населения солью и спичками.

5 декабря

Сегодня я наблюдал ужасную картину. Выходя из столовой, споткнулся о ноги сидящего старика. Он бессильно полулежал у стены, выбирая из помойного бачка грязные конские кости, и с волчьей жадностью грыз их дряблыми зубами. Это ужасно, но это продлит его жизнь еще на несколько дней.

За ноябрь на продуктовые карточки ничего не мог выкупить. Карточки я передал М. Кроме пяти банок шпрот и пол-литра подсолнечного масла она мне не принесла ничего. Таким образом, она отняла у меня всю норму рыбы, 0,5 кг мяса, 1,5 крупы, 350 г масла, пиво, вино и другие продукты. Она по отношению ко мне поступила подло, зато продлила жизнь двоим своим детям и себе. На первую декаду декабря из продуктов еще ничего не дают. [Евдокимов]

7 декабря

За папиросами колоссальные очереди. Мороз 24–25 градусов. Искал очень хлеб, папиросы, перемерз и едва добрался до службы (Московский вокзал), где отогревался часа полтора. Тут же отогревался сослуживец начальник цеха Юрченко. Он на рынке менял четвертинку водки и пол-литра керосина на дуранду. Очень удачно выменял, хлеба получил 125 г. У меня и у жены карточки служащих.

27

маслом; всего - три - четыре с черными мешками
Канутом, на второе канутом и котлет
70,0-80,0 и 30,0-40,0 котлет. Жирно - в среднем
или черное мажорно 50,0-60,0. Неужели
не вступит и елакт? А ман угли, дел-
судит? Нет, ни ман мобиле, ни рибон
и да не и бугу нежит. Это надбавляет,
а в работе неимо голода очна елакт.

И верю. Верю, что близок час, ког-
да колесо блокады будет ратувано и
звук с продовольственным надзором из
Ленинграда. И окресты, как окресты
многие елты котлет и минимизи де-
ни в граде.

Отныне совсем ослыши. Обитатели в
б-гу. Несколько Странно. Но интересне
При полном ишеутом в городе ки-
нах много протуктив, на ишеутом
те, которые полагают на кажин-
ке, на ишеутом рунит ену
«Клинов ишеутом ии», «Лонд в Лептунд»
Котлет в б-ге ену ишеутом, котлет кан-
дот ешеутом ену саман ешеутом ишеутом

Обед взял в буфете-столовой. Суп, за который вырезали 25 г крупы, и кусок колбасы за 50 г мяса и 5 г масла. Все смешали и вечером сварили. Вышло по полторы тарелки супа. Маловато хлеба. Вечером перессорились из-за сахара и конфет. Пришлось разделить на все дни первой декады и как-нибудь укладываться. Лидуха совсем рассердилась, никак не может понять обстановки и положения. Считает меня жадным мелочным и т. д., но дело сейчас не «в хорошем тоне и джентльменстве», а в правильном распределении продуктов в целях самосохранения. [Самарин]

9 декабря

В Ленинграде установлена норма хлеба 250 г для рабочих и 125 г для служащих, иждивенцев и детей. Мяса — 200 г, крупы столько же. В столовых вырезают талоны на мясо, крупу и масло. По карточке служащего можно питаться в столовой 8 дней — получать по тарелке жиденького почти пустого супа и кашу. Это мы узнали только 8 декабря, когда мы с Михаилом проели на супы и каши все наши крупяные талоны за декаду. Вот уже два дня, как сидим только на 125 г хлеба. Хлеб запиваем... кипятком, пустой водицей. <...>

В городе съедены все кошки. Люди еле-еле ходят. Вчера на моих глазах на улице свалился человек средних лет и тут же умер. Смертность среди ленинградцев от бомбежек и голода с каждым днем растёт. Голод страшнее налетов с воздуха. Да, многие из нас не доживут до светлого дня победы.

Я работаю контролером по учету и выдаче продовольственных, хлебных и промтоварных карточек. На эту работу райком отбирал самых стойких и проверенных людей. Приходится ходить по домохозяйствам и учреждениям, проверять, правильно ли выдаются карточки. Ходить с обследованиями по квартирам граждан, потярявшим продовольственные карточки. Сколько горя, сколько тяжелого приходится видеть. Люди лежат вповалку — взрослые и дети. Уже еле живые.

Вот уже два дня, как мы Михаилом ничего не едим, кроме хлеба. Делим наш суточный паек в 125 г на три части на завтрак, обед и ужин. Утром и вечером поджариваем его на сковородке без масла — едим гренки. А на обед едим тюрю: крошим хлеб в кипятком и едим как суп. Завтра Михаил понесет на рынок последнее, что осталось из вещей, — менять на хлеб или крупу.

Голодно нашим девушкам из учетного бюро. Целыми днями они толкуют о еде и об эвакуации. Мы приставлены к величайшим ценностям — нам доверили беречь каждый грамм хлеба, распределять продкарточки. Я вижу, что кое-кто из наших работников под влиянием трудностей дошел до грани морального падения, таких единицы, но они есть — ловчат с талонами и карточками, присваивая себе. [Берман]

Сегодня у нас праздник. Приехала из Мельничного Ручья Полина Сергеевна (теща) и привезла немного продуктов: конины, овсянки, 2 кг картошки, капусты, морковок и кусочек хлебца. Это такая радость, что у моей супруги от радости дух захватывало, а я расцеловал свою тещу, которая также от радости плакала. Что значит голод. Два часа варили суп. Пообедали в 10 часов вечера великолепно. Какая радость! Какое счастье! [Самарин]

10 декабря

Мне, контролеру, приходится составлять акты о положении граждан, подавших заявления об утере карточек. Без предварительного обследования и акта, подтверждающего утерю, новых не выдают. Иначе нельзя — ведь на учете каждый грамм хлеба. Поэтому я и хожу из дома в дом. Поднимаясь по лестницам, держусь за перила и останавливаюсь почти на каждой площадке.

Поднялась на седьмой этаж типичного старого петербургского дома. Даже вспомнился Достоевский. Обнаружила, что все восемь человек — члены рабочей семьи — умирают от дистрофии. Карточки потеряны. Я составила акт, потом пошла в столовую и выпросила по своим талонам за вторую декаду три тарелки супа и принесла их в стеклянной банке. Но хлеба у меня не было, потому что вперед не дают, а сегодняшнюю норму я уже съела. Рано утром принесу им свои 125 г. Но что это для семьи в восемь человек? <...>

Некоторые из наших инспекторов-контролеров до того забюрократились — это в голодном-то Ленинграде, — что даже кричат на клиентов, приходящих за хлебными карточками. [Берман]

11 декабря

При смене часовых на одном из постов на Елагином острове был обнаружен мертвый боец. Это вызвало переполох среди старшего командования Ленинградской военно-морской базой и тем более

среди начальства нашего 59-го стрелкового батальона. Комбат и комиссар неоднократно вызывали меня и буквально допрашивали, почему умер боец? Чем он был болен? Я отвечала, что у бойца за время службы в батальоне никаких заболеваний не было выявлено и в прошлом он ничем не болел. При построении на развод в этот день боец ни на что не жаловался. Причина смерти оставалась неясной, ждали результата заключения патологоанатома.

При вскрытии умершего причин внезапной смерти обнаружено не было, не выявлено никаких заболеваний, эксперт вынес предположительное заключение, что смерть наступила от резкого охлаждения. После этого командир и комиссар батальона откомандировали на точку роту бойцов и организовали на месте жилье и питание. <...>

Почти целыми днями я принимала больных краснофлотцев. Все они жаловались на слабость и утомляемость. У многих появились поносы и отеки на ногах. Внешне все больные были похожи друг на друга худобой, вялостью, заторможенностью. Слабых я клала в лазарет на стационарное лечение. Палаты пришлось увеличить.

На еженедельном докладе командир спрашивал меня: «Доктор, что вы в батальоне госпиталь открыли? Всех кладете в лазарет, все болеют, на посты некого выставлять, скоро мы с комиссаром сами будем ходить в караул». Я ответила командиру, что бойцы болеют от голода и плохо выздоравливают.

«Мы все голодные, так что же, нам всем ложиться в лазарет, а кто же воевать будет? — возражал командир. — Посмотрите на себя, от вас осталась половина, вы тоже голодная, однако же вы со своей работой справляетесь и работаете и за себя и за весь штат. Сами скоро свалитесь с ног, кто тогда будет лечить?» [Павлушкина]

С сегодняшнего дня нам, контролерам, установлена 1-я категория — будем получать 250 г хлеба. Значит, нам с Михаилом будет полегче, вместе с его 125 г будем иметь 375 г хлеба в день. [Берман]

15 декабря

Вот уже пятый день второй декады, а в магазинах ничего нет, даже того скудного пайка, полагавшегося по карточкам, нельзя выкупить. Мама выкупила 250 г кофе вместо конфет и теперь пьет его. Супа в столовой часто совсем нет и кофе заменяет суп. Жи-

вем почти на воде. Теперь нет ни масла, ни жира. Вот варим капустные щи дней восемь из капусты, привезенной папой, и тем поддерживались, но капусты осталось на один раз. Все ждали прибавки хлеба, ее нет. Если еще так затянется, то долго не выдержу. От меня остались одни кости.

Сегодня утром попили кофе без хлеба. В 11 часов поели капустных щей. Туда примешали немного дуранды, но все равно одна вода. В капусте и дуранде нет питательности. Щи разделили и на ужин. Ни масла, ни жиров нет. Я едва переставляю ноги. Голова кружится. Долго ли еще так будет? Но если долго, то не переживем. [Капанов]

Из справки секретаря Ленинградского горкома ВКП(б): В пищевой промышленности используются различные заменители. При выпечке хлеба применяется 12 различных примесей, в том числе такие «экзотические», как обойная пыль (всего — 740 тонн) и мучные сметки (163 тонны).

При приготовлении мясных продуктов применяются соленые кишки, технический альбумин, соевый шрот, соевая мука и т. д. Налажен выпуск соевого молока и кефира из сои и хлопкового жмыха.

В общепите налажено изготовление желе из промывных вод растительного молока, соков, глицерина и желатина. В столовых налажено изготовление овсяных киселей из отходов помолы ячменя, используются для приготовления различных блюд некондиционные грибы, заготовленные в 1940 году, казеин, капустный лист, кочерыжки, клюквенные отжимки и т. д.

Организовано производство пищевых дрожжей из древесины и ведется заготовка древесной коры.

В табак добавляются табачная пыль, хмель и никотиновая бумага.

18 декабря

Голод свирепствует. Народ падает, как отравленные мухи; валятся на ходу и больше уже не встают. Хоронят без гробов. Умерли мои лучшие рабочие А. Кузьмин, Баболин, Кузнецов. Боюсь за себя. Впервые подумал, что больше двух недель никак не продержусь. Хочется жить. Очень не хочется умирать, а смерть близка.

[Евдокимов]

19 декабря

У моего кабинета стояла группа больных. У самой двери я заметила худенького бледного человека, внешне похожего на мальчика. Когда мы вошли в кабинет, он протянул руку и гордо представился: «Я скрипач Ленинградского радио, моя фамилия Кац, будем знакомы». Внимательно всматриваясь в его лицо, я поняла, что передо мной стоит мужчина средних лет.

— Доктор, я пришел вас просить о переводе меня в военный ансамбль, там работает моя жена, она певица, хочу с ней вместе работать.

— Товарищ Кац, вопрос о переводе в другие части решает командование. Меня интересует ваше здоровье, скажите, как вы себя чувствуете.

— Доктор, я чувствую себя очень плохо, у меня нет сил стоять часами на посту с винтовкой в руках. Я с детских лет играю на скрипке, я всегда берег руки, кроме смычка, в них ничего не держал. Физически я никогда не работал, я музыкант, скрипач.

Раздетый, он напоминал подростка, грудь его была узкая, впалая, мышцы не развиты, выступали ребра, обтянутые кожей. Я внимательно осмотрела и прослушала его и никаких болезней, кроме истощения, не нашла. [Павлушкина]

20 декабря

Ужин в честь вручения орденов 140 героям Отечественной войны. <...>

Порция на человека: спирт — 100 г (разведенный), пиво — 2 стакана, хлеб — 300 г, селедочка — половинка маленькой, корейка — 50 г, булочка белая — 1 шт., котлетки — 2 с гречневой кашей из концентрата с подливкой, какао с молоком — 1 стакан, папиросы — беломор — 1 шт. [Нехлюдова]

21 декабря

Умерла Дюбкова. Ночью из 15 человек на работу пришли только мастер Гончарюк и уборщица. Все рабочие опухли, не могут прийти в цех. Вчера из восьми человек упали трое. Отправил на трехтонке в поликлинику.

Не могу ходить. Подламываются ноги. Вздупо живот, кружится голова, темно в глазах. Неужели настал мой черед? [Евдокимов]

23 декабря

— Вчера на станции умерло восемь человек, из них два пильщика упали прямо у пил. Сегодня умерло пять человек. Вчера послали бригаду рыть могилу. Из бригады один умер во время работы. [Ходорков]

Ночью меня вызвал дежурный по батальону, в казарме умер боец. Лежал он в нижнем ряду двухъярусной койки. Я подошла к койке и взяла его руку — пульса нет, тело холодное. Подняла руку, она упала как плеть. Тоны сердца не прослушивались, зрачки на свет не реагировали. Смерть, по-видимому, наступила несколько часов назад. Я знала этого бойца в лицо. Спокойный, молчаливый мужчина лет пятидесяти, никогда мне на свое здоровье не жаловался, службу нес исправно.

— Я тщательно осмотрела труп, но никаких следов насилия не обнаружила. <...>

Комиссар был мрачен и строго спросил у меня: «Почему умер боец?». «Его смерть мне непонятна», — ответила я.

— Что значит непонятна? Он лечился у вас?

— Нет.

— Он болел?

— Нет, — отвечала я.

— Как могло случиться, человек не болел и умер? Быть того не может. Значит, он болел, был болен, а вы его не лечили? Это чрезвычайное происшествие, вы будете отвечать, я вызову комиссию и вас за это дело передадут в трибунал.

Комиссар был в гневе, он не говорил, а почти орал на меня. Слова его до меня не доходили и даже слово «трибунал» меня не испугало. Меня мучила одна мысль. Почему умер? Что за болезнь привела его к смерти? Вышла от комиссара оступелая, ноги мои подкашивались. Мне казалось, что все на меня смотрят и считают меня виновной. <...>

Вскоре нашу санчасть посетил Крупнин, заместитель начальника санитарного отдела Балтийского флота. Мы были хорошо знакомы по Военно-Морской медицинской академии, где он был начальником нашего курса. Он был добрый и отзывчивый человек, и слушатели его глубоко уважали.

Я подробно рассказала о своей работе и своих нуждах. Он слушал меня внимательно и не перебивал. В конце беседы я спросила,

почему у нас, не болея, умирают бойцы. Перед отбоем ходили, говорили, ни на что не жаловались, а утром их обнаруживали в кроватях мертвыми? Что эта за болезнь? Такой мы в академии не изучали. В клиниках у профессора Лонга и Тушинского больных с такими заболеваниями не видали.

Крупнин тяжело вздохнул и сказал: ты права, Тоня, такие болезни мы не изучали и таких больных никто из нас не видел. Эта болезнь называется дистрофией, она делится на группы 1, 2, и 3. Это заболевание вызвано голодом — это болезнь блокированного Ленинграда, а ваш батальон питается по второй категории, а не как на фронте. Норма питания ваших бойцов и командиров немногим отличается от гражданского населения, вот почему у вас участились случаи смерти от дистрофии, от голода. Эта смерть тихая без страданий и наступает внезапно. Чаще умирают мужчины, особенно пожилые. [Павлушкина]

24 декабря

На заводе для ослабевших рабочих организовали стационар, а те, кто мог двигаться, продолжали жить на заводе в большем помещении с печуркой. Я подсаживалась и вместе со всеми грела свои крошечные кусочки хлеба на крышке печурки. Горячий хлеб кажется сытнее.

Как-то подозвала меня Шура 3-я и на ухо заговорщески шепнула:

— В цехе нашли бочку с техническим пушсалом и потихоньку да помаленьку всё сало съели. Боюсь ругать будешь.

— А как здоровье-то? — спросила я, и мурашки поползли по спине.

— Да ничего здоровье, пока никто не заболел, — ответила она. — Есть у тебя кусочек хлебца? — спросила Шура ласково. — У меня тут немного сала осталось. Давай помажу!

Она намазала мне небольшой кусочек хлеба чем-то похожим на вазелин. Положила я свой кусочек на печку рядом с такими же кусочками моих товарищей. Скоро вкусно запахло жареным хлебом. Спазм сжал горло. Необыкновенно вкусным показался мне кусочек хлебца, поджаренный на пушсале, которым смазывалась танковая пушка, но бочка уже была пуста. [Бирюкова]

В цеху сейчас работаю и днем, и ночью. Домой ходить некогда. Работаю начальником мастерской и заменяю Статникова и Клебанова. И тот, и другой больны от голода, а мастера исчезают каж-

дый день. Из шести имеющихся в моем распоряжении мастеров трое свалились. Пахомов, Смыслов и Поляков — умерли. Сегодня из нашего цеха умерло 8 человек.

Живу в цехе. До 1 января домой пойти, пожалуй, не удастся. Как хочется жить. Только бы не заболеть и не упасть. [Евдокимов]

25 декабря

Как обыкновенно, встали. Мама ушла за хлебом. Папа, Леня и Валя лежат на постели. Я сижу за столом и пишу дневник. Внезапно раскрывается дверь с треском. В комнату вбегает тетя Надя и радостным, необыкновенным голосом кричит: «Слава тебе, Господи, хлеба прибавили!» Сразу все выпрыгивают из-под одеял: «Сколько, сколько?!»

— Рабочим — 350, иждивенцам 200 г, — говорит тетя Надя.

— У нас уже выкуплено на завтра, у нас тоже, у нас!

Я тотчас говорю: «И у нас тоже». Но уже настроение другое, более веселое, и разговор живее. Мама принесла хлеб, мы сразу же съели по 40–50 граммов с чаем. Я накрошил его в чай и съел несколько тарелок, постепенно подливая чай. Валя достал в столовой пять с половиной конфеток. Мы их разделили, но это был какой-то сплав. Пахло мылом, и на вкус они противные. Это был завтрак часов в десять, в одиннадцатом папа ходил за папиросами, но не достал. Не знаю, как мы будем отдавать взятые в долг две пачки, ведь папирос нигде нет, а если и бывают, то надо стоять громадные очереди.

Мама выкупила литр вина, вроде мадеры, ценой 3 р. 60 к. за литр, 400 г соуса на детскую карточку и полстакана повидла. Валя купил 150 г каши и шесть порций щей жидких.

В четыре часа обедали. Суп и кашу поделили на пять человек, граммов по 60 хлеба, по две с половиной ложки вина, по ложке повидла, по стакану пива и тарелке чая. Вот это действительно обед. По такому времени он шикарный. Такого обеда я не получал уже около четырех месяцев. Теперь еще чаю попьем часов в шесть. Продуктов сегодня израсходовали много, и в следующие дни будет поменьше.

В связи прибавлением хлеба настроение у всех приподнятое. С 1-го хотят еще прибавить, так как теперь больше дать нельзя, не то получится много смертей. Ведь люди были голодные и сразу,

если прибавить до 400 г, то уже этого для голодного желудка много, и врачи не разрешают.

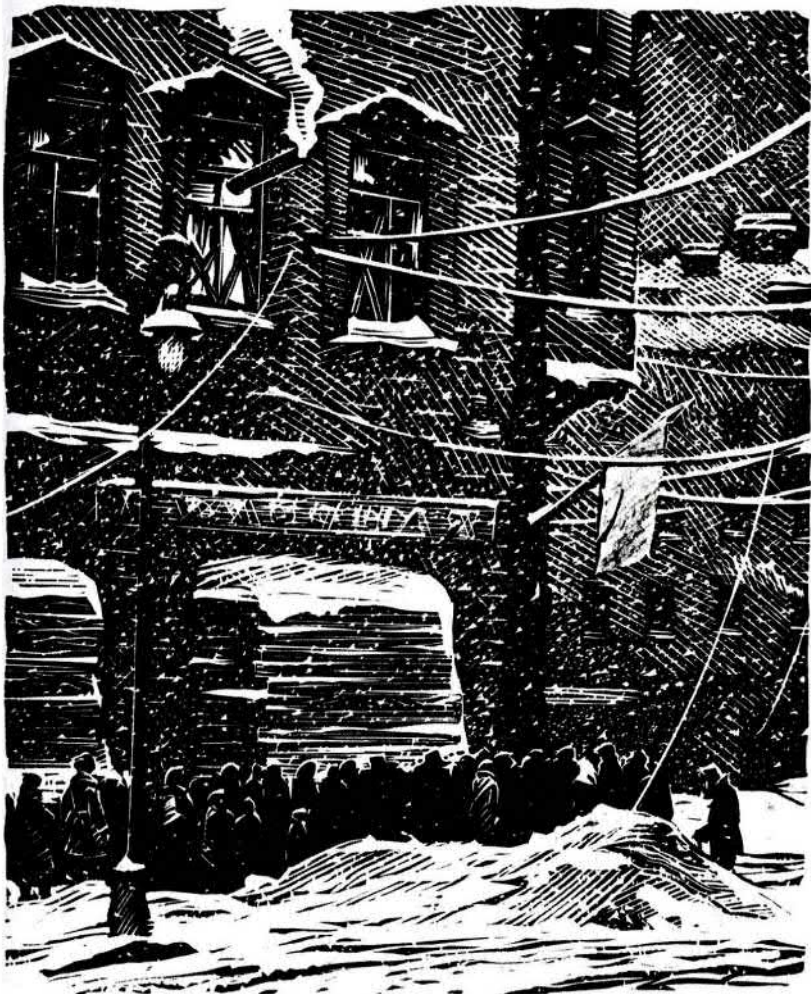
Действительно, нужно прибавить было хлеба, так как люди совсем истощились. Недавно на улице одна гражданка шла и упала, потом померла в страшных мучениях. Так же на улице упал и умер гражданин от истощения. Помирают каждый день тысячи. В одном нашем доме за последнее время померло от голода около 10 человек и много молодых среди умерших. [Капранов]

Впервые с начала блокады 25 декабря Военный совет Ленинградского фронта увеличил нормы продажи хлеба. Прибавка оказалась незначительной: 100 г на рабочую карточку и по 75 г на все остальные. И все же она вызвала у горожан некоторую надежду на спасение. Если бы люди знали истинное положение, их реакция была бы куда менее оптимистичной. В начале третьей декады декабря 1941 года в городе оставалось муки с учетом примесей для хлебопечения всего на 4 дня. У военных положение получше — их запасов должно было хватить на 21 день, т. е. до 10 января.

Со всеми прочими продуктами, как у гражданских, так и у военных, положение катастрофическое. Нехватка мяса и мясopодуков при потребности на декаду 860 тонн составляла 454 тонны. Жиров — военным недостает 46 тонн, горожанам — 706. Для населения имеется в наличии 205 тонн жмыха, 500 тонн муки и 500 тонн смеси муки со жмыхом, не хватает — 1154 тонны.

Руководители обороны Ленинграда предпринимали отчаянные усилия для увеличения объема перевозок по ледовой трассе. С 20 декабря водители, возничие и регулировщики стали питаться по нормам бойца передней линии. Для лучших учредили традиционный символический приз — переходящее Красное знамя и двести персональных премий. В распоряжение командования Военно-автомобильной дороги направлены 84 комиссара. Однако поощрение передовиков, наказание отстающих и постоянное психологическое давление на личный состав не давало высоких, а главное стабильных результатов. 26 декабря перевезли 1 160 тонн, 26 декабря — 1 169, а 27 декабря — только 774,7.

На резкое падение показателей отреагировал Военный совет Ленинградского фронта. Детальный анализ условий работы выявил трудности с горючим, скверное техническое состояние

машин, нехватку передвижных мастерских-летучек, плохое состояние трассы и т. п.

26 декабря

Кладбища завалены, гробов нет и около кладбищ большие очереди с покойниками, завернутыми в материю. Помирает очень много, а живые еле ходят. Теперь и мы будем жить, а то еще несколько дней и я бы не выдержал, я чувствовал это, потому что уже едва проходил по коридору и трудно было поднять подушку. Теперь только будем ждать эвакуации. В комнате уже поют. Это с 200 г и если прибавят больше, то будет совсем хорошо. [Капранов]

Во время тревоги спустилась в бомбоубежище. Там был весь личный состав батальона, находившийся на отдыхе от вахты. Я с трудом узнала скрипача Каца, он сильно похудел.

— Где же вы были, почему не приходили в санчасть? Я решила, что вас уже перевели в ансамбль.

— Благодарю вас, доктор, за внимание, что не забыли меня. Я был на задании, только что вернулся с группой бойцов.

По окончании тревоги я с Кацем поднялась в санчасть. В кабине я осмотрела его, он так похудел, что были видны его кости, обтянутые кожей, — это был живой скелет. Я предложила ему лечь в госпиталь, но он категорически отказался.

Командир роты в отсутствие Каца стал жаловаться: «Он мне все нервы измотал. Ему скажешь одно, а он в ответ тебе другое. Он не может уяснить, что у нас главное — дисциплина, беспрекословное выполнение приказаний. Вы, доктор, не смотрите на него, что он такой худющий, он жилистый, охотник поговорить, много рассказывает анекдотов, в кубрике как начнет травить, все от смеха за животы хватаются». <...>

Я все-таки положила Каца в санчасть. После тщательной санобработки мы напоили его сладким чаем, я сделала ему укол глюкозы и отдала свой кусочек сахара. Он заметно приободрился и стал весело переговариваться с товарищами на соседних койках.

При утреннем обходе я обнаружила, что все кашу съели, а Кац не дотронулся до миски. Отсутствие аппетита у больного дистрофией — нехороший признак, подумала я. <...>

Умер Кац во второй половине дня. Когда я после обеда пришла его проведать, он что-то бормотал путанно и бессвязно. Я не ото-

дила от больного, наблюдая за изменением его состояния. Вдруг внезапно он умолк, закрыл глаза, резко побледнел. Введение сердечных средств и кислород улучшений не принесли. Искусственное дыхание и массаж области сердца не помогали. Наступила смерть.

Вернувшись в свой кабинет, я не смогла сдержать слез. Плакала от бессилия в борьбе со смертью. Мне было очень жаль Каца. Это был одаренный и влюбленный в музыку, эмоциональный, остроумный и непосредственный человек. После его ухода из жизни мне вспомнились слова профессора Тушинского: со смертью больного умирает и частица врача. [Павлушкина]

30 декабря

Накануне решила пойти в баню. Днем большие очереди, пошла в 7 часов вечера. Ночь лунная, по обычно темному городу передвигаться сравнительно легко. По дороге спросила встретившуюся женщину, действует ли баня. «Действовать-то, действует, но одно горе, а не баня. Холодно». Подхожу к кассе бани во дворе на Мойке как раз в тот момент, когда гаснет электрический свет в бане. Билетов, конечно, больше не продают, из темного помещения несутся крики негодования по поводу потушенного света. Мысленно рисую себе картину переполненной бани и раздевалки.

Иду на Фонарный переулок. В вестибюле электрический свет, в кассе предлагают билеты по 1 руб. и по 80 коп. Беру за 1 руб. Отделение «Мать и дитя». Очередь колоссальная, много крика — женщины с детьми настаивают на пропуске вне очереди, а бездетные кричат: «Никаких там мать и детей сейчас нет». Рублевая очередь тоже колоссальная, но я решаю ждать, так как здесь светло, а дома нет света уже со 2 декабря, нет керосина.

Я почти последняя, так как в семь сорок пять касса прекращает продажу билетов. Сперва стою, затем сижу на приступочке и, наконец, на стуле. От выходящих поступает разная информация: на том, что в бане холодно, все сходились, но одни утверждали, что вода горячая, «чудная», а другие, что она «едва теплая». Быть может, тут сказались темпераменты говоривших, люди сейчас резко делятся на оптимистов и пессимистов.

В девять тридцать наступила моя очередь для экспериментальных наблюдений. За поздним временем гардеробщица отказалась

принять наши пальто, повесили в шкафчики, радуясь этому, так как в коридоре было очень холодно.

В предбаннике немногим теплее. Вода не кипятит, но вполне удовлетворительная: обливая себя, можно согреться. Так как мы последние, то шаек очень много. Удобно устраиваюсь с двумя шайками, одна для ног заменяет грелку, в другой мою голову. Вода течет из крана тоненькой слабой струей. Успеваю только раз намылить голову, как подача воды совсем прекращается. Банщица заявляет, что воды больше не будет. Всеобщее негодование. Ставлю обе шайки на скамейке и домываюсь в воде из-под ног.

Все же удовлетворена, что помылась. Голову мужественно помощу почти холодной водой. Одеваюсь и бегу домой, боясь встречи с обходом, так как ходить полагается до 10 ч. вечера. На улицах народу почти нет, встречаются такие же торопящиеся прохожие, как я.

Дома зажигаю коптилочку, где горит немного керосину с каким-то сильно пахнущим маслом. Последнее куплено на рынке Киной Владимировной. Ночь сплю плохо, так как не могу согреться. [Ползикова-Рубец]

31 декабря

Возвращаюсь домой. О.М. навела порядок, прибрала, заложила окна подушками и завесила коврами. Ей хочется встречать Новый год, а мне сесть и плакать о тех дорогих, которых нет со мной.

Ну, будем встречать. Варим маленькую кастрюльку пшенной каши на воде, без масла. Туда кладу корицы, изюма, несколько груш сухих и кураги. Сахара тоже нет.

В 11 часов садимся за стол. Он накрыт белой скатертью. Кроме каши — рокфор, полученный вместо масла, портвейн (1/2 литра по моей карточке, разливной, 33 рублей литр), и я даю по мандаринчику из заветной банки с вареньем. Нам грустно, каждая думает о своих, и пьем мы за них, за свидание с ними. И мы счастливы, что мы вдвоем и поддерживаем друг друга. В 12 часов 15 минут ложимся. Холодно. Вода в кувшине замерзла наутро. Я к 8 часам иду дежурить в школу, а О.М. развивает деятельность по заделке окон в нашей комнате. [Ползикова-Рубец]

Позвонила жена и просила разрешение поехать в Рыбацкое к Музе Григорьевне. Я согласился, буду дома один. Присидел на

работе до вечера. Света нет. Пришел домой, оказывается, Лидуся дома. Никто за ней не приехал. Решили напечь лепешек и пить чай.

Мне выхлопотали с 1 января рабочую карточку. Я ожил. Хотя бы хлеба буду получать 350 г. Уже достижение. Разговоры есть, что с 1-го числа норму увеличат. Табаку нет, папирос также.

Копол дрова в квартире. В 10 часов 15 минут приехали военные и мы поехали к Музе Григорьевне. Холодно в грузовой машине, хотя и в закрытом ящике. Приехали без пяти минут 12 часов. Оказывается, у них полно военных. Великолепный стол и масса света. Сейчас же усадили за стол. Начались тосты.

Муж Музы — «новорожденный». Только что принят кандидатом [в члены] ВКП(б). Он писатель, Николай Федорович Г-в, сейчас сапер в чине капитана. Перед ним все преклоняются. Интересный мужчина внешне и внутренне. Выпили водки и вина. Закуски — селедка в масле с картофелем, шпроты. Масла и хлеба много. Сыр, котлеты из рыбы. Вареный рассыпчатый картофель с маслом, мясные фрикадельки с рисом. Кофе с сахаром, сухариками и горячими коржиками. Ну, в общем, как во сне.

Что значит голод! Я никогда не мог себе представить, что так буду встречать Новый год. Сыт был до отказа.

Жене стало плохо от жары, и нам пришлось уйти отдыхать часа в 3—4. Спали до 10 часов.

У Музы Григорьевны нашлись папиросы. Николай Федорович читал один из своих рассказов про диспетчера на Октябрьской железной дороге. Говорит, на нем хорошо заработал. Говорили о литературе, о писателях, и так далее. Мужик неглупый. Музе повезло. Как и чем могла она его заинтересовать!? Всё же люди разные, и она во всех отношениях ниже его. Но и сама она умеет устроиться в жизни. Молодец, не пропадет. Она также кандидат ВКП(б). [Самарин]

1 января

К 8 ч. утра пришла на дежурство в школу. Электричества нет. Комнату освещает коптилка, сделанная из чернильницы. Очень холодно, так как окна без стекол, забиты фанерой и в них такие щели, что ясно слышен скрип валенок на снегу и разговоры проходящих под окнами. Завуч, преподавательница Воробьева и я целый день делаем из листков, вырванных из старых тетрадей, фунтики для гостинцев ребят к елке. Коченеют руки.

Навещает меня Кира Владимировна. Надо удивляться моральной силе и выдержке этой женщины: туберкулезная, с карточкой 2-й категории (сперва 125 г хлеба, с 25.XII — 200 г) она ежедневно с Ропшинской ходит в школу на Пряжку. Бодра, и думает о других. Мне подарила две коробки спичек и купленную на рынке коптилку.

Приходит инспектор В-ая и сообщает, что на елку на 100 бесплатных детских обедов будут даны 4 обеда для учителей. Составляют списки. Я, как воспитатель VI класса, попадаю в список. Радуюсь — обед будет из 3-х блюд. Кроме того, покупаю один билет в 5 руб для О.М., один для Нины Г-ой и еще один для А.И. Б-ой. Ей только что вырезали опухоль рака на груди, она ходит с отеками и по возрасту много старше меня. Главное, это доставит радость М.Н. Е-ой. Она просила администрацию, но ей отказали. Мне кажется, для наших суровых дней это излишний формализм. Мы ведь все мечтаем об этом фунтике сладостей! Планирую так: я завтра пообедаю с ученицей, а О.М. съест вечером этот 2-й обед. [Ползикова-Рубец]

Жить стало легче. Прибавили хлеба. Теперь я уже получаю по 350 г. Это уже хорошо. Тем более, что в столовой обеды резко улучшились. Мы спасены — смерть была близка. Сегодня на моих глазах умер в цехе один рабочий. Это ужасно. [Евдокимов]

2–3 января

Смерть вступила в свои права. Она не щадит никого. Рабочий, ученый, ребенок, мужчина, женщина, старик, молодой — никто не может противостоять этому новому бедствию — голоду. Люди падают на улице, тихо и безропотно, в одиночестве умирают дома. На улицах много отечных, еле передвигающихся. Безбелковые отеки. Новый термин — алиментарная дистрофия. Но как бы это ни называть, люди гибнут сотнями, тысячами в день. Как помочь, что

сделать для спасения человеческих жизней? Как продержаться до того, как сжимающее город кольцо блокады будет разорвано? Изучаю быт, посещаю квартиры. Воочию вижу весь ужас настоящего времени. Нужно действовать. <...>

Отец совсем ослабел. Отправил в больницу. Несколько странно его поведение. При полном отсутствии в городе каких либо продуктов, за исключением тех, которые полагаются по карточкам, он требует купить ему кетовой икры или «хотя бы зернистой». Каша в больнице ему надоела, хотя каждый считает себя самым счастливым человеком, если у него есть возможность иметь небольшой кусок хлеба. Подозреваю наступление старческого слабоумия. Будучи еще дома, он некстати приобрел волчий аппетит и уничтожил все, что попадалось ему на глаза.

Мама много переживала, но крепилась. Я видел, как она слабеет. То, что я урезал себя наполовину хлебным пайком и отдавал его матери, мало ей помогало. Обстоятельства сложились таким образом, что и ее я вынужден был устроить в больницу. При посещениях замечаю улучшение в состоянии [ее] здоровья. [Назимов]

5 января

На рынке 100 г хлеба — 30 рублей. Спрос больше, чем предложение. В магазинах нет: жиров, сахара, конфет, макарон, крупы, хлебозаводы без энергии. Угроза снабжения хлебом. [Ходорков]

Постановление Военного совета обязало командование ледовой дороги увеличить выпуск автомобилей на линию с 5 января 1942 г. как минимум до 1 500, с 15 января — до 1 700, с 1 февраля — до 2 000. Командование фронта потребовало от соответствующих служб скорейшего завершения восстановления железнодорожных мостов через реки Лынна и Сясь и открытия сквозного движения на линии Тихвин — Волховстрой — Войбокало — Жихарево.

7 января

Нет дров. Население начинает помать дощатые прикрытие витрин магазинов. На территории станции кто-то напал на официантку и вырвал из рук кусок хлеба. Часты перебои в трансляции радио из-за перебоев в снабжении радиоузлов энергией. Работает часть кино и театров. Телефон работает.

Темно и холодно, не работают парикмахерские — нет света.

Почту можно опускать только в почтовые ящики у почтового отделения. Сбор почты в других местах прекращен из-за отсутствия бензина. [Ходорков]

9 января

Шестого умер К-в. Вот уже трое суток мы не можем отвести его даже к заводууправлению в сарай. Ему крысы выели глаза, съели нос, труп разлагается, но это никого не беспокоит. Чувства у всех настолько притуплены, что только собственная жизнь занимает мозг.

Когда человек умирает, делается так: берутся детские легкие саночки, такие, какие были у моего сына Илюшки. Снимается спинка, вдоль саночек кладется доска длиннее, чем саночки, и привязывается к ним веревочкой. На доску кладут завернутое в какой-нибудь кусок материи тело своего ребенка. Похудевшее, оно становится нечеловечески тонким и длинным. Тело обвязывается веревкой, привязывается к доске — и вот одинокая мать тянет санки на кладбище, чтобы сбросить тело в снег. [Ходорков]

10 января

Положение с продуктами катастрофическое. Не получены продукты за 20 дней. В магазинах ничего нет, кроме хлеба, смешанного с дурандой, совершенно черного и не насыщающего. Смертность громадная. Дополнительное питание, данное горкомом, в значительной части не может быть отоварено из-за отсутствия продуктов. Положение в городе ухудшается очень быстро. <...> Голод, кругом больные, голодные и мертвые. <...>

Вчера у соседнего с нашим дома № 27 по Саратовской, неизвестный в 8.30 утра ударом по голове убил девочку 11–12 лет, вырвал хлеб и скрылся. [Ходорков]

По поручению ЦК ВЛКСМ контроль за продвижением продовольственных грузов по Северной железной дороге взяли на себя вологодские комсомольцы. Выявлено наличие ленинградского груза в количестве 860 вагонов. Установлены многочисленные факты, когда составы на основных узлах простаивали до 10 дней. За их продвижением налажен повседневный контроль.

С 11 января 1942 г. отправлено 14 эстафетных поездов (775 вагонов) с продуктами питания для Ленинграда.

12 января

Пожар. Горит четырехэтажный дом, заселенный детьми, не имеющими родителей. Детям не хватает сил уйти от пожара. Пожарники в каждой комнате обнаруживают тела умерших детей.

В городе колоссальное количество пожаров от времянок. Больше, чем было от налетов авиации. Ежедневно вызываю нашу команду, наши более или менее ели. В городских командах выбыло 80 % состава — голод. <...>

Булочная. Женщина получила 200 г хлеба. Отходит от прилавка. Истощенный мужчина лет 35 вырывает хлеб. Отвернулся в сторону. Согнулся, жадно поедает хлеб. Его бьют. Он молчит и продолжает жевать. В магазинах не продается продовольствие 22-е сутки подряд. Ничего, кроме хлеба. Не хватает продуктов для заводских столовых, чтобы раз в день по карточкам накормить работающую смену. [Ходорков]

13 января

Сегодня Михаил собрал с подоконника оставшиеся с осени промерзшие зерна овса и пшена, которыми он кормил голубей. Маленькая, совсем крохотная горсточка — не более столовой ложки. Они эти зерна были вперемешку со снегом и голубиным пометом. Он промыл их и сварил «с крупкой». <...>

Сварил студень из столярного клея, который выменял на рынке на пару своего трикотажного белья. Кроме столярного клея, получил горсточку табаку. Он очень страдает из-за отсутствия курева. Пару раз даже отдал свои ломтики хлеба за табак. [Берман]

В вестибюль станции вползает умирающий. Вахтер выталкивает его на улицу. Утром будет еще один труп. [Ходорков]

14 января

Килограмм хлеба на «черном» рынке — 350 рублей. Коробок спичек — 6 рублей, пачка папирос — 20 рублей. [Ходорков]

15 января

Все уборные в Доме Советов загажены до отказа. Пользуемся улицей. Постельное белье уже около месяца не менялось. Отапливаемся железной печуркой. Дым, копоть, угар. Часто головные боли. Дрова заготавливаем сами. Тащим все, что попадает под руки.

Оставшаяся в районе одна баня работает с большими перебоями. Уже месяц как не мылся. В поликлинике водолечебница не работает уже несколько месяцев. Душевые яслей, которыми в ряде случаев пользовался, — выбыли из строя. Хожу с грязными руками и давно не стриженный — в парикмахерскую попасть трудно.

Так выглядит быт к середине января 1942 г. Боюсь, скоро превратимся в тараканов. Одно только будет отличие — это бритые щеки. Установившегося обычая бриться через день не оставил. Часто бреюсь на ощупь, в абсолютной темноте. Хожу в полушубке, ушанке, простых сапогах, стеганых брюках, свитере. Вид соответствующий. Но дело не в этом, главное — тепло.

А зима стоит холодная. Мороз до 25–30 градусов. Снегопад, ветер. В Райздравотделе работать исключительно трудно. Холодно, темно. [Назимов]

Сегодня в пятом часу утра скончался мой брат Борис 16 лет. В ремесленном училище его кормили плохо и мало. Он постепенно отощал. Через врача мы требовали усиленного питания, но ничего не получили. Его организм требовал жиров, а их он давно уже не пробовал и достать негде. В столовой мучной суп — вода и каша мучная без масла, чай без сахара и хлеб. [Владимиров]

20 января

Электрического освещения нет. Нахожусь в комнате в здании райисполкома. Тускло светит фонарь «летучая мышь». Писать трудно. Топится печурка. Рядом мои товарищи по работе в райисполкоме. П. готовит материал о восстановительных работах. С. у печки жует хлеб.

Внезапно появляется свет. Сразу стало радостнее. Как, живя в мирных условиях, мы часто не замечаем всех окружающих нас удобств. Мы привыкаем к ним. В настоящих условиях войны и осады города, какое значение приобретают эти основные элементы быта. [Назимов]

21 января

Похоронили Бориса. Сварили суп, на второе немного каши из крупы, которые выдали в ремесленном училище на похороны. С 18 по 21 января проходила перерегистрация карточек. Все ждали прибавки хлеба, говорили, что после 21-го прибавят, но вот уже

21 января, день смерти Ленина, завтра будет семь месяцев войны, а прибавки нет. Не знаю, долго ли еще мы протянем, но пока движемся. [Владимиров]

Сегодня я сильно расстроен. Как это ни странно с первого взгляда, но расстроила меня открытка сына от 26 декабря, которую я только что получил. Пишет мой родной, что с каким-то летчиком послал мне 8 кг хлеба и 2 банки консервов, которых я не получил и теперь, конечно, уже и не получу. А ведь это такое богатство, о котором только мечтать можно. Ведь 8 килограммов хлеба — это моя нынешняя норма, страшно сказать, на 40 дней, и то увеличенная, а в декабре это было бы на 50 дней. Да еще консервы — это ведь жиры, то, что мне так необходимо. Ведь я не ощущал бы голода в течение чуть ли ни месяца, если бы в добавку расходовал этот хлеб. Пусть и не поправился бы, но хоть не ощущал бы себя, как сейчас, вечно по-собачьи голодным даже при том «усиленном» питании, которого мне хватит до 1 февраля.

Каким же бесчестным, подлым человеком надо быть, чтобы украсть хлеб у голодного. Сам-то ведь он ест — он же летчик, их кормят. На водку променял, что ли? [Кулябко]

Умер Клебанов, умер Костя Юрьев. До 20 января кривая умерших ползет вверх. Машин в городе мало. Нет горючего. Трупы накапливаются. <...> Ждали 21-го как приговора, как спасения. Почему-то все ждали прибавки хлеба, но ожидания оказались тщетны. [Назимов]

С 20 января суточная калорийность по норме составила для бойцов на фронте — 2 830 калорий, в тылу — 1 863 калории. С 10 февраля норма суточной калорийности была установлена для бойцов на фронте 3 162 калории, для жителей города — 2 162. В самом начале зимы сотрудники Управления НКВД ЛО зафиксировали первые случаи людоедства. В декабре 1941 года таких эпизодов было выявлено 25, в январе — 366. Появление таких преступлений вызвало растерянность властей. (Между тем это явление при советской власти возникало не впервые: сначала во время голода в Поволжье 1921–1922 годов и позже — «голодомора» на Украине 1931–1932 годов.) Причина в том, что по советскому уголовному законодательству людоедство и трупоедство преступлением не являлись, так как не было соответствующей юридической нормы. Через некоторое

время ленинградские военные и гражданские юристы приняли решение наказывать лиц, виновных в подобных деяниях, по одной из самых суровых статей — ст. 16-59-3 Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающей ответственность за бандитизм, с пометкой «особая категория».

Из материалов дел Военного трибунала Ленинграда и Ленинградской области: 20 декабря 1941 года Военный трибунал рассмотрел дело по обвинению Б-на Павла Арсеньевича, 1905 года рождения, деревни Вески, Калининского района, Калининской области, водопроводчика, образование низшее, женатого, имеющего троих детей.

Материалами предварительного и судебного следствия установлено: с целью употребления в пищу человеческого мяса 6 декабря 1941 года в своей квартире Б-н обухом топора по голове убил свою жену Б-ну Анну, труп ее разрубил на куски и часть его съел, чем совершил преступление, предусмотренное ст.59-3 УК РСФСР.

Руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УПК РСФСР, Военный трибунал ЛО приговорил:

Б-на Павла Арсеньевича на основании ст. 59-3 УК РСФСР подвергнуть высшей мере уголовного наказания — расстрелять без конфискации имущества, за отсутствием такового у осужденного.

22 января

В некоторых домах испражняются в бумагу и через форточку выбрасывают на улицу. Жители верхних этажей чердаки превратили в уборные. На главных магистралях района такая же картина. Нужно срочно принимать конкретные меры. Приближается весна. Она принесет с собой эпидемические заболевания. Или сейчас начнем уборку, или все наши профилактические мероприятия будут запоздалыми. [Назимов]

Третий день выдают авансом продукты — по 100 г сахара и 400 г крупы, детям — по 75 г сливочного масла. <...> Уже несколько дней в продаже прекрасный свежий хлеб. [Ходорков]

Военный совет Ленинградского фронта 6 декабря распорядился начать организованный вывоз населения из города с 10 декабря, но уже 12 декабря отложил его на неопределенное время.

ГКО 22 января принял постановление об эвакуации из осажденного Ленинграда 500 тысяч жителей. Путь на «большую землю» начинался с Финляндского вокзала. На посадку подавался состав из 30 пассажирских вагонов пригородного сообщения. На вокзале для оказания экстренной медицинской помощи развернули медпункт. Перед отправкой отъезжающих кормили горячей пищей и выдавали в качестве «сухого пайка» хлеб, концентрат гречневой каши и шоколад.

На западном и восточном берегах Ладожского озера были созданы эвакуопункты для приема и оказания медицинской и иной необходимой помощи эвакуируемым ленинградцам. Самый крупный из них располагался на железнодорожной станции Борисова Грива на западном берегу Ладожского озера. Там пассажиров пересаживали в кузова грузовых машин. Ослабевших, престарелых и детей перевозили в автобусах. По ледовой трассе ленинградцы переправлялись на станцию Жихарево или иную железнодорожную станцию на восточном берегу Шлиссельбургской губы, где их вновь кормили горячей пищей и оказывали необходимую помощь. Далее их путь пролегал в глубь страны.

24 января

Трамваи так и не ходят. По-прежнему молчит радио, нет света, нет воды, газеты и письма не носят — живем словно на дне фантастических трущоб. Надеюсь, и для меня наступят дни, когда все это будет вспоминаться, как что-то нечеловеческое, неповторимое, однажды геройски пережитое. Как бы скорее всему этому конец. Хочется отдохнуть, хочется еще пожить. [Евдокимов]

Сегодня впервые за долгий срок получил сливочное масло. [Ходорков]

С сего числа прибавили по 50 г хлеба. Теперь получаю уже 400 г настоящего по качеству хлеба. [Евдокимов]

25 января

По всему городу прекратилась подача воды. Причина — остановка почти всех электростанций из-за отсутствия топлива.

Больницы, ясли, хлебозавод топили снег и приготавливали пищу. Какой это труд при абсолютно недостаточном количестве рабочих рук. Из одного ведра снега, туго набитого, получается треть или

четверть ведра воды. Все население района собирало снег с площадей или около водозаборных будок скалывало лед. <...>

Третий день совершенно не дают тока. Сидим, работаем при копилках. Радио и телефон мертвы.

На дворе холодно. Температура упала до 30–35 градусов с ветром. Ночь прекрасна. Луна освещает город. А в домах этого большого прекрасного города, по разным уголкам, используя все средства, пытаются согреться люди — взрослые и дети. Нещадно ломаются заборы, мебель, всё, что попадает под руки, всё, что видят глаза. Многие вынуждены все же в своих квартирах жить и спать в шубах и валенках и своим телом согревать детей. Холод, голод, темнота, отсутствие воды и многое другое — спутники настоящего дня большинства ленинградцев. <...>

В городе много пожаров. Горят дома — громадные и сгорают дотла. Тушить нечем. Воды нет. Снег ничего не дает. Пожары — это низкая вылазка врага.

Начальник противопожарного управления тов. Ю. Николай Николаевич, участвовавший в тушении обычного дома, где находилось общежитие ремесленного училища, поделился кошмарными картинками. В двух комнатах общежития был в силу необходимости устроен морг. В нем большое количество трупов ремесленников, замерших в самых причудливых позах. Их было много. Они были свалены в беспорядке. В этом же помещении была импровизированная уборная. Трупы были покрыты каловыми массами. Кал был всюду. Кошунство! Но можно ли обвинять в этом людей живущих, хватающихся за жизнь, борющихся за свое существование?

В районе сгорела 11-я школа. В ней были обнаружены признаки более «культурного» поведения. Живущие в ней испражнялись не на пол, а в плафоны, снятые с электрических люстр. Плафоны были наполнены калом. <...>

Посетил 245-е ясли, еще раз посмотрел состояние интернатной группы. Там меня угостили таким обедом, который сразу поднял мое настроение. Я ощутил сытость. А какое это удовольствие! [Назимов]

Еще день ушел в вечность. Утром тоже встал поздно, в половине десятого. Правда, вчера и заснул поздно, где-то во втором часу ночи. Очень рад я, что сон у меня выправился, а то ночи бессонные — это мука мученская, особенно, если они являются

дополнением к остальным мучениям. Чувствовал себя весь день неплохо, только шатало сильно, ну, это следствие голодовки. Если удастся подкормиться как следует — пройдет. Снова болят мои не зарастающие трещинки на концах пальцев, особенно больших и средних. Но делать что-то все равно надо, хотя каждый нажим, даже слабый, каждое прикосновение очень болезненны. [Кулябко]

По дороге медленно везут сани двое изможденных, отечных людей. Через каждые несколько шагов они останавливаются. На саних, наполовину волочится по снегу, труп. Всматриваюсь в лица везущих. Они еще молоды — дети 14–15 лет. Губы их сжаты, глаза суровы, но ни капли сострадания, полное отсутствие чувства жалости к тому, которого они везут в морг и который завернут с головы до ног в тряпье, обвязан веревкой, напоминает собой мумию. Это труп их отца. <...>

О захоронении в гробах здесь стали забывать. [Обернутые] в тряпки или просто догола раздетые трупы доставляются в морг или просто выбрасываются на улицу. Их можно найти всюду. Сегодня 25 января — воскресенье, около больницы им. Володарского за ночь подбросили 16 трупов. В доме по Сергиевскому пер. случайно нашли около 40 трупов, в одной из баррикад — свыше 60, и т. д. В морге больницы Володарского 550 трупов. [Назимов]

Военный совет Ленинградского фронта 25 января вновь увеличил нормы продажи хлеба: рабочим — 400 г, служащим — 400 г, иждивенцам и детям — 300 г. Многие ленинградцы, как уверяли информаторы Управления НКВД, с восторгом встретили установление новых норм, хотя для ослабленных предшествующей голодовкой людей они были явно недостаточны.

26 января

Люди озверели. В одной семье нашего района восемнадцатилетний сын убил мать, двух сестер 28 и 16 лет, забрал продовольственные карточки и скрылся.

В том же нашем районе на пр. Тентелевка убили двух стариков, у которых нашли до 30 000 рублей и много продуктов.

Начальник связи противопожарного управления города на лестнице своего дома, куда он пришел протопить квартиру, был убит двумя ударами молотка по голове. Убийца — семнадцатилетний мальчишка.

Продолжается подбрасывание трупов с вырезанными ягодицами. Этих фактов множество, их не перечислишь. Все они свидетельствуют о борьбе за существование, но самыми дикими, безумными способами. В них не находишь облика человека — властелина природы — в них самые низменные инстинкты, характерные для доисторической эпохи, когда человек вел образ жизни, ничем не отличавшийся от [жизни] зверей. Стоимость человеческой жизни оценивается в 100 г хлеба. За эти 100 г могут пойти на самые разные преступления, вплоть до убийства своих ближайших родственников: отцов, матерей, братьев, сестер, детей. Человеческая мораль поправа. Где тут о ней говорить, когда желудок пуст, когда люди падают от истощения, когда каждый борется за самосохранение.

Можно ли этих людей обвинять, можно ли их судить? Я плохо еще ориентируюсь во всей этой исключительно сложной обстановке, но таких зверей в облике человека нужно уничтожать. Именно сейчас они показали все свои низменные инстинкты, прикрываясь в прошлом миной благородства и высокой гуманности. [Назимов]

27 января

Пришел к себе в берлогу в 7 часов вечера. Темно. Электрического освещения нет вновь несколько дней. Отсутствие света парализует все.

Сидели коммунаой около печурки и мечтали о хороших, вкусных блюдах. Последние известия не слышали и не знали, что делается на фронтах. Надолго ли это? Становится все тяжелей и тяжелей. Не хватает хлеба в булочных. Очереди по 1 000–1 500 человек. Много волнений и страданий. Вода возится издалека на санках. [Назимов]

29 января

Жизнь в городе постепенно, но верно замирает. Продолжаться так долго не может — вымрет весь город. В разных местах города и района находят все больше и больше трупов. В одном блиндаже, на Промышленном переулке случайно обнаружено около ста трупов; в больнице имени Володарского их уже около 700. Вывозить — нет транспорта. Есть много целиком вымерших семей. <...>

В яслях № 132 меня покормили как на убой. Ох, как это приятно! Зарядка на весь день.

Скоро лягу спать. Времени около 11 вечера. Встану в 5–6 часов утра и буду топить печь. За ночь комната так выстывает, что мерзнет вода. Настроение плохое. Тяжело, грустно и пока нет перспектив. Писем нет. Что с семьей, не знаю. [Назимов]

С голода повесился мастер. Проходившие мимо станции военные занесли с улицы и положили в проходной труп девушки. Воют замерзающие голодные женщины. Утром они лежат мертвыми. [Ходорков]

Из материалов дел Военного трибунала Ленинграда и Ленинградской области: 22 декабря 1941 года с санкции зам. военного прокурора Ленинграда Грибанова была арестована гражданка В-ва Евдокия Тихоновна, 1912 г. рожд., урож. дер. Федоровское, Санковского района, Московской области, русская, по обвинению в том, что она убила свою годовалую дочь Елену и мясо ее употребляла в пищу. Арест произведен на основании заявления невестки обвиняемой, совместно с ней проживающей гражданки В-ой Александры Петровны.

На допросе после непродолжительного запирательства она созналась в том, что умертвила свою дочь и расчленила ее труп. Отдельные куски тут же сварила и съела. Свои действия она мотивировала тем, что ее младшая годовалая дочь истощена, отказывалась от предложенной ей колбасы или супа и неизбежно скоро умрет.

Экспертом-психиатром тюрьмы № 2 УНКВД ЛО, врачом В-й А.В. установлено, что «обвиняемая признаков душевного заболевания не проявляет, является за свои действия ответственной, т. е. вменяемой».

Военный трибунал Ленинградского фронта приговорил подсудимую к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение немедленно. <...>

21 декабря 1941 г. задержан в качестве обвиняемого Ш-ко Игорь Владимирович, 1924 г., уроженец г. Бари, Италия, проживающий по адресу: Пустой переулок д. ..., кв. ..., русский, гр. СССР, без определенных занятий, до сентября 1941 г. работал в столовой, образование: 6 классов средней школы.

На допросе обвиняемый заявил:

«Да, я признаю себя виновным в том, что на кладбище похитил труп и употребил мясо человеческого трупа в пищу. Впервые

я употребил в пищу человеческий труп 18 декабря 1941 г., после того, как привез его с Богословского кладбища. На следующий день утром я был дома задержан и доставлен в милицию. Кушал я его один раз. О том, что используется человеческое мясо в пищу, я неоднократно слышал в разговорах случайно встретившихся мне людей, в очередях и других местах.

Об использовании в этих целях трупа с кладбища возникла у меня мысль у самого, когда я проходил мимо Богословского кладбища, разыскивая конину по дороге в Пискаревку. Последнее время я нигде не работал, так как примерно два с лишним месяца назад был уволен за прогул из столовой № 38 Выборгского района, где работал кухонным рабочим. Проживал я один. Отец мой арестован в начале войны с Германией органами НКВД в Ленинграде. Отца моего зовут Владимир Яковлевич. Мать вскоре после ареста отца эвакуировалась в Златоуст, где и проживает в настоящее время. Она же мне в письме сказала, что отец находится в Златоусте под следствием.

Из Италии в СССР я прибыл вместе с отцом и матерью в 1937 году. Года два проживали в Москве, а в 1939 году переехали в г. Ленинград. Отец из России эмигрировал до революции. Проживал первое время во Франции, а потом переехал в Италию. Занимался он там акустикой. По приезду в Ленинград он работал в научно-исследовательском институте музыкальной промышленности.

Моя мать — испанка или француженка. Отец на ней женился в Италии в 1937 году после того, как получил советское подданство. Он все время стремился выехать в СССР. Насколько мне известно, это стремление вызвано его советскими убеждениями. Причина ареста мне неизвестна.

Эксперт-психиатр после осмотра и беседы с обвиняемым установил:

«Сознавая тяжесть, противоестественность своих действий, искал себе оправдания в рассуждениях, что совершил в своей жизни первый и последний раз низкий поступок, последующей жизнью для общества очистит себя, оправдается перед собственной совестью. Подкрепляет свои рассуждения ссылками на соответствующую литературу — «Философия ново-гвинейских дикарей», «О людоедстве» и проч., когда-то им читанную.

Эмоционально вяловат, <...> особой аффективной реакции к своему преступлению при детальном его анализе, опознанием фотографий и проч. не проявляет, объясняет свое отношение также своеобразно: «да, конечно, поступил низко, но руководила мной нестерпимая жажда жизни, стремление каким угодно путем сохранить себя, а нарастающая слабость, чувство голода, страх собственной смерти притупляли все другие чувства и ничто, кажется, меня бы не смогло остановить».

В период, предшествующий преступлению, длительное время, недостаточно питался, опустился, за собой не следил, почти не мылся, не убирал комнату, но и в этом не осуждал себя, считая, что «опустившись в связи с обстоятельствами, в будущем сумеет быть достаточно культурным». По характеру, как сам себя рисует, был откровенным, доступным, общительным. В школьном возрасте отличался способностями, занимался хорошо, особенно интересовался математикой и музыкой (виолончель). Из заболеваний, перенесенных в детстве, указывает церебрально-спинальный менингит в 1940 г., после которого резко понизился слух, стал более нервным, раздражительным, вспыльчивым. Приступами не страдал. Невротических отклонений в своем развитии не указывает. Половой жизнью не жил. В наследственности без особенностей.

Физически: бледен, резко пониженного питания. Неврологически: симптомов органического поражения центральной нервной системы нет.

Документально: по справке, имеющейся в деле, находится в больнице им. Карла Маркса с 7 мая по 19 июня 1940 г. по поводу церебрально-спинального менингита. При выписке маниакальных явлений не было.

На основании изложенного и данных следственного материала, считаю что сл. зк. Ш-ко Игорь Владимирович признаков душевного заболевания как в настоящее время, так и в момент совершения преступления не проявлял и не проявляет. Как не душевно больной в инкриминируемом ему деянии — вменяем. В ходе заседания Военного трибунала подсудимый Ш-ко обратился к суду: «прошу суд смягчить мне наказание и дать мне возможность заниматься музыкой, к чему я имею большую способность».

Военный трибунал приговорил: «Ш-ко Игоря Владимировича на основании ст. 16-59-3 УК РСФСР подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять с конфискацией всего имущества. Приговор приведен в исполнение 29 декабря 1941 г.».

30 января

Дали ток. В комнате светло, работает радио. Сегодня взяли станцию Лозовая, это около Харькова, — факт, вселяющий уверенность в победе. Около Ленинграда пока никаких особых перемен. А как хотелось бы, чтобы как можно быстрее сняли блокаду. Только тогда можно было бы вздохнуть полной грудью. [Назимов]

Городской водопровод стоит. Весь Ленинград вышел на Неву. У прорубей очереди. Не брезгают водой Обводного канала. Изда- лека нет сил тащить воду. <...>

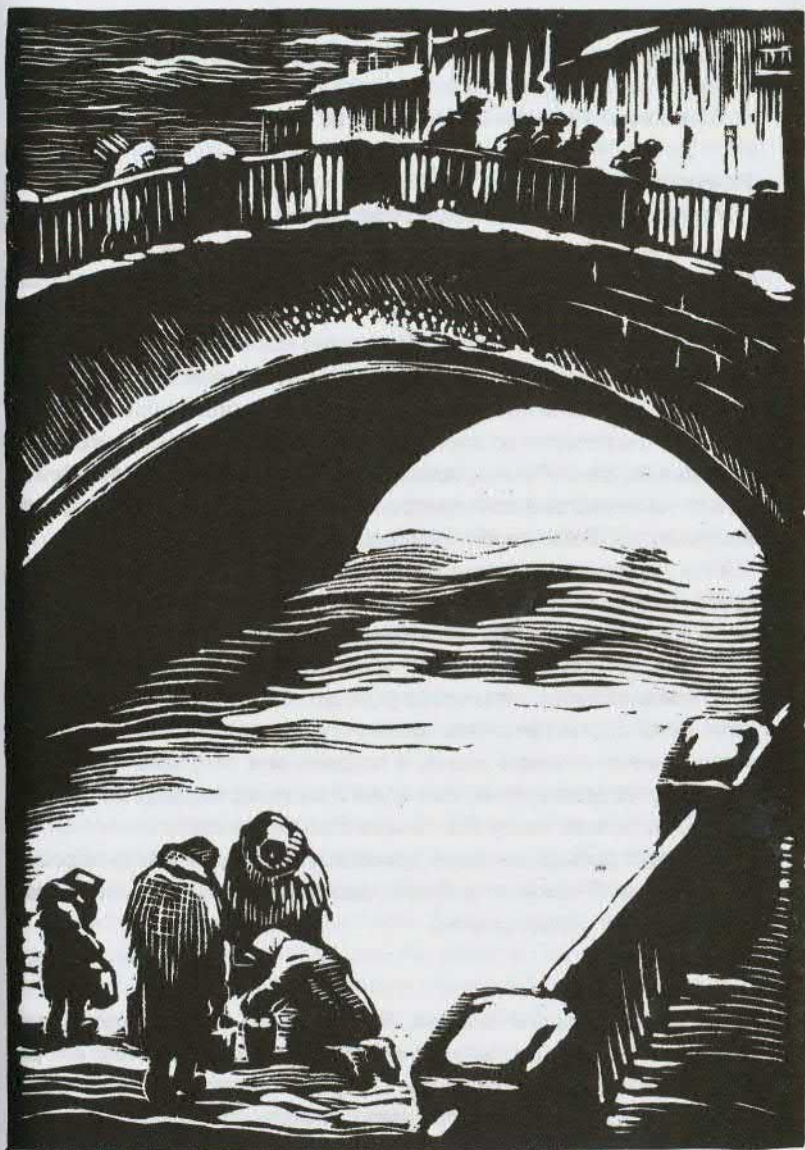
Городская телефонная станция не работает. Радио не работает. Трамвай не работает, водопровод не работает. Работает коммунатор Смольного. В городе страшные ежедневные многочисленные пожары. Дома сгорают от крыши до подвала. Гасить нечем, масса погорельцев.

Горе перешло границы мыслимого. Нечистоты выбрасывают на лестницы, во дворы, на улицу. Весна будет тяжелая. Жизнь становится с каждым днем тяжелее.

У булочных колоссальные очереди, стоят по 6–7 часов. Частично дают муку взамен хлеба — 65 % по весу. Не выдают карточки — типография без энергии. <...> Сегодня я голоден, а потому зол. [Назимов]

В январе на крупных предприятиях и учреждениях и в исполкомах районных советов стали открывать так называемые стационары. В них принимали людей, находившихся в крайне тяжелом состоянии. Благодаря регулярному питанию в пределах действовавших норм с небольшими добавками высококачественных продуктов и минимальной медицинской помощи удавалось иногда спасти пациентов от немедленной смерти. Всего в 109 стационарах лечились 64 тысячи человек. Увы, не всем удалось уцелеть после выписки и возвращения в «нормальные» условия.

Зима выдалась на редкость ранней и суровой. Всего за зиму было только три дня оттепели. В ясные безоблачные ночи

температура опускалась до -30°C и более. Повышение температуры сопровождалось снегопадами, метелями и усилением ветра. В январе по ледовой трассе Ладожского озера было эвакуировано 11 тысяч ленинградцев.

1 февраля

Портфели прекратили свое существование. Их никто не носит. А если изредка кого-либо и встретишь с портфелем, он привязан на веревочке, перекинутой через плечо, иначе тяжело носить. Так, без преувеличения, ослабли люди.

На что стали похожи врачи: Владимир Васильевич К-й около одного-полутора месяцев не умывался. Совершенно грязное лицо, черная, как голенище, шея — с руками кочегара, оброс длинной бородой. Он потерял во время одного из обстрелов жену и сестру.

Софья Львовна Р-н — грязная шея и руки, грязная кофта. Из-под пальто на несколько сантиметров вылезает вата. Резко похудела и опустилась. У нее разбита снарядом квартира. Таких много.

Хочу переехать на новое место жительства. В этих условиях надоело. Грязно — место для отдыха превратили в хлев. Да и сожители не все приятные люди. Возможно, устроюсь в яслях. [Назимов]

27 января хлеба не было ни в одной булочной. На следующий день мама стояла с пяти часов утра до двенадцати ночи и не достала. 29 января встал в пять часов утра и пошел за хлебом. В одиннадцать меня сменила мама, в полдень она получила хлеб. Я за это время сварил супчик. Без муки и на пятерых две ложки риса. На третье попили чайку без сахара с хлебом и солью.

Что будет дальше, не знаю, дрова кончаются, на улице мороз до 32°C градусов. В комнате холодно, даже будильник мерзнет. Воды нет, света нет. [Владимиров]

2 февраля

У всех разговоры о питании. Жуткое дело — голод. Народ мрет как мухи. Сегодня достал немного сахара и песку — сосу, как ребенок, и этим поддерживаюсь. С утра разругался с женой из-за обедов и карточек, она объяснила Александре Степановне, что у меня рабочая группа. Вот язык женщины, что помело. Та, конечно, отказывается угощать хлебом или сухарями из бабкиной нормы. Ну не дура ли после этого баба. Разные мы с ней люди, к тому

же она упрямая и с гонором, который никому не нужен. Прохлопала мне все дело. Бабка по-прежнему лежит покойницей.

Вечером читал письмо от Люси из Павлодара и написали с Александрой Степановной ей ответ, в котором я запросил о возможности к ним приезда на житье. Из Ленинграда все бегут, кто имеет возможность, а остальные мрут. Вечером варили студень из столярного клея и лепешки из овсянки — ничего, но только колючки небезопасны. А есть хочется.

Начальник фабрики подал ходатайство о помещении в стационар меня и себя. Обещали, но не знаю, что будет. Все же получишь продукты без очереди. С нетерпением буду ждать. Жена весь день бегала за обедами, водой. [Самарин]

3 февраля

Если кому-нибудь из живущих в Ленинграде в эти тяжкие для него дни сказали бы, что Ленинград это не город, а большое село, он сделал бы удивленные глаза и подумал бы, что собеседник лишился разума.

А фактически ведь это так! Крупнейший промышленный и культурный центр, один из прекраснейших европейских городов — Ленинград превратился в большое село.

Трамвайных путей нет — они занесены снегом. Машины и автобусы — редкое явление. В восемь вечера редко встретишь пешехода.

Мертвая тишина нарушается артиллерийскими выстрелами и пулеметными очередями, где-то совсем близко. Не дымят трубы фабрик. Не слышно заводских гудков. Город замер. Жизнь парализована. Все — результат блокады. Долго ли она еще продлится?

Люди посерели, похудели, отекли. Они, эти люди — герои Ленинграда, ходят, опираясь на посох. Но верят в Победу. Они ждут ее и это придает им силы. Как много страданий! С-в лежит в ленинградском госпитале раненый. Ему раздробило бедро, ранило в область ключицы. Его семью пытаются эвакуировать. В.И. отекла, и сын ее тоже. [Назимов]

Сегодня пришел домой, но сразу же уйду обратно в цех. Я хотел только посмотреть, все ли в доме в порядке. Была Маруся, она, конечно, в комнате убрала и кое-что прибрала к рукам. Исчезли, например, четыре коробки спичек.

Безбожно воруют дрова. За всю зиму я столько не сжег, сколько сожгли мои честные воры соседи. [Евдокимов]

4 февраля

Встал в 7 часов и пошел в булочную за хлебом. Пока укладывал покойницу бабку с оттоманки на стол, Лидуська вытасила из портфеля хлеб и по-воровски отрезала себе большую часть хлеба. Попалась, было мучительно больно и до невозможности неприятно. Я промолчал, сказав только: «Ну и номер». Догадалась. После этого просила прощения. До чего доводит голод, с одной стороны, с другой — просто подтверждает мои предположения, что она меня все время обманывает. Такая нечестность в корне убила к ней всякие отношения. Какой же это человек, с которым ты живешь и который тебя так обманывает. Боже мой! Не укладывается. [Самарин]

15 ноября 1941 года наш батальон был переброшен в дачный поселок Бернгардовка. По меркам Ленинградского фронта это глубокий тыл. Здесь не слышны разрывы артиллерийских снарядов. Мы разместились в дачах среди прекрасного соснового леса.

В конце ноября у нас в батальоне появились первые признаки недоедания. Хлебную норму урезали до 300 г. Уменьшили норму котлового довольствия. Бойцы и командиры постепенно стали терять силы. Лица осунулись, появилась апатия, замедлились движения.

Караульную службу несем с большим трудом. Зимней морозной ночью, обходя часовых, проверяя караулы, думаю, жив ли часовой или замерз. Подходя к охраняемому объекту, вижу истощенного обессиленного полузамерзшего часового. В то время караулы и посты имели скорее моральное и психологическое, чем практическое значение. Снять такой пост для любого диверсанта не составило бы труда. К счастью, разведка у противника в этом вопросе хромала, и все обошлось, и ни один объект не пострадал. В нашем батальоне, где я работаю секретарем партбюро, умерли 20 человек.

Каждая хлебная крошка у нас на счету. Утром мы получаем триста граммов хлеба и делим его на три части, но чаще всего к ужину хлеба не остается, в течение дня вносишь вынужденные коррективы в утренние планы.

На завтрак нам выдают жидкую похлебку, где плавают 4–5 макаронок, в обед вдобавок к похлебке дают двести граммов каши.

Голодные жадные взгляды бойцов пронизывали каждый котелок в тот момент, когда повар наливал очередную порцию. У каждого немой вопрос: не зачерпнул ли повар тебе погуще. Ни я, ни командир, ни комиссар не пользуются никакими привилегиями, это было недопустимо. Однако каждому бойцу казалось, что начальству гуще и больше. Психологически это объяснимо, но тягостно идти от раздачи к своему месту за общим столом, когда каждый боец без всякого стеснения заглядывает к тебе в котелок. <...>

Однажды в Бернгардовке застрял эшелон с мукой, следовавший в Ленинград. Об этом проведали наши бойцы. Ночью трое молодых самовольно покинули место расположение и пробрались к эшелону. Вспорол мешки, они набили мукой карманы и с тем явились в казарму. Их примеру тут же последовали человек 20–30. Участники организованного налета наполняли мукой все, что имелось под рукой: карманы, котелки, кульки и даже мешки килограммов по 5–10. Охрана поезда вела себя пассивно и задержала только двоих.

Через день к нам приехал следователь военной прокуратуры. Зачинщиков установить трудно, судить всех нельзя. Выбрали троих. Одного приговорили к расстрелу, другому дали десять лет, третьему — пять. Комиссар батальона получил строгий выговор за отсутствие политико-воспитательной работы.

У нас было четыре лошади. Две пали от голода. По заключению врача одну отправили в общий котел, другая оказалась в пищу непригодна. Врач велел закопать тушу, но наши хозяйственники не торопились выполнить приказание. Через два-три дня она уменьшилась на 10 килограммов. В итоге было несколько случаев заболеваний среди тех, кто не удержался и съел дармовой кусок конины.

Опыты с лошадьми ввел в соблазн конюхов. Они сговорились ускорить кончину наших бедных животных, но и с третьей лошадью заговорщиков ожидало фиаско. Врач вновь категорически запретил использовать ее мясо в пищу. Однако они все же как-то умудрились добыть из туши всякой требухи. Их поймали, когда конюхи эту отраву варили в котелке. [В.Н.]

6 февраля

С выдачей продуктов по продовольственным карточкам становится как будто бы лучше. Сегодня объявлено об отоваривании масла по одной карточке 200 г, по другим — 100–150 г.

Ожидается повышение норм хлеба, говорят, скоро. Неужели все эти трудности с продовольствием позади? Неужели это начало ликвидации голода? Ах, если бы это было действительно так!

Нужно снизить во что бы то ни стало чудовищную смертность от голода. Нужно поддержать всю эту огромную массу населения, которая начинает сдавать. Лица людей принимают землистый оттенок, обостреннее черты, у большинства запавшие глубоко глаза.

Прикрепился на питание в ясли. Первые дни показали, что это значительно лучше, чем питание в столовой райкома. Подкрепляю свои силы. [Назимов]

8 февраля

Сегодня пешим порядком добрался в центр города. По пути зашел на Клинский и Сенной рынки. Если бы вновь приехавший в Ленинград сразу очутился на одном из этих рынков, он до мелочей воспринял бы жизнь осажденного города. Продажи на деньги нет. Все обменивают только на продукты. Самовар — 2 кг хлеба, фотоаппарат «Фотокор» — 1/2 кг хлеба, часы — 5–6 кг хлеба, пачка папирос — 100–150 г. Шоколад обменивается отдельными дольками, сахар — одним-двумя кусочками, табак — на две-три закурки. На рынок выносят всякое барахло: статуэтки, тряпье, ремни, валенки, старые сапоги, туфли, керосин (меняется только на продукты).

Торгуются до остервенения. Добавляют по 25–50 г хлеба. Начинает чувствоваться, что хлеб становится менее ценным. Продавцы ориентируются больше на продукты: крупу, сахар, масло и пр. Это признак неплохой.

Как я добрался к месту своего ночлега в Доме Советов, не представляю. Ноги ныли, плечи болели, руки замерзли. По дороге встретил двух громко говорящих женщин. Одна из них сказала, по-видимому, в ответ на какое-то заявление своей собеседницы: «Все умрем, но Ленинград не отдадим». Она вслух сказала то, что думают и чувствуют большинство ленинградцев.

Заходил домой. Мамы не было. Она ушла в больницу навестить отца. Оставил ей 200 г сливочного масла, полученного по карточке. Добрел до своего места жительства и обессиленный свалился в постель. [Назимов]

10 февраля

Квартиранты продолжают чистить сарай. Жгут мои дрова без всякого стеснения. Шура С. говорит, что это Анна Николаевна, но ворует дрова, несомненно, она сама. Боюсь, как бы не обчистили шкаф. [Евдокимов]

Остался ночевать в яслях, а завтра перееду сюда совсем. Здесь чище и приятнее. Сейчас попил чаю и съел 400 г хлеба. Завтра норму хлеба увеличат. Первая категория будет получать 500, вторая — 400, третья и иждивенцы — 300. Это уже достаточно. Остальные продукты будут также отовариваться. Это сократит во много раз смертность. Это праздник для ленинградцев. [Назимов]

Второе и последнее повышение норм в 1942 году было введено 11 февраля. Работающим добавили по 100 г, иждивенцам и детям до 12 лет — по 50 г. Во второй половине февраля было обеспечено относительно регулярное отваривание карточек на основные жизненно важные продукты.

12 февраля

Сегодня проходил мимо кладбища. Я увидел ужасную картину. В яму, вырытую взрывом динамита, было набросано больше сотни ожидающих погребение трупов. Сегодня ночью таким же взрывом их накроют землей, и это будет их вечная могила. Рядом с ямой в беспорядке валялись голые мертвецы без ног, рук, голов, но более всего без мягких мест. Часть трупов завернуты в мешки и простыни (очевидно, они имели родных). Таких бесхозных мертвецов я насчитал более семидесяти штук. Дело было к вечеру, но трупы продолжали подвозить. [Евдокимов]

13 февраля

С 11 февраля прибавили по 100 г хлеба. В магазине стали давать крупу и другие продукты. <...>

В связи с надбавкой хлеб у спекулянтов подешевел. Вместо 800 руб. за килограмм можно найти за 500. Папиросы, пачка, 150–200 руб., спички, коробка, 10 руб. Продажа без всякого стеснения здесь же в магазине или около него. Спекулянты набивают карман. На Ржевке, на Пороховых на углу улиц или в магазине образовались толкучки и такие многолюдные, что не уступают подчас барахолке 1935 г.

Для жителей города положение резко улучшилось; для рабочих нашего завода — нет. Последнее время большинство рабочих получали в цеху по два обеда без всякого выреза [талонов]. Сейчас обеда только на вырез. Мое самочувствие стало лучше. [Евдокимов]

Из письма А.Н. Косыгина А.А. Жданову «О состоянии ремесленного училища № 33» от 17 февраля 1942 г. Секретно: 16 февраля мною лично было проверено состояние 33-го ремесленного училища. Выявлено:

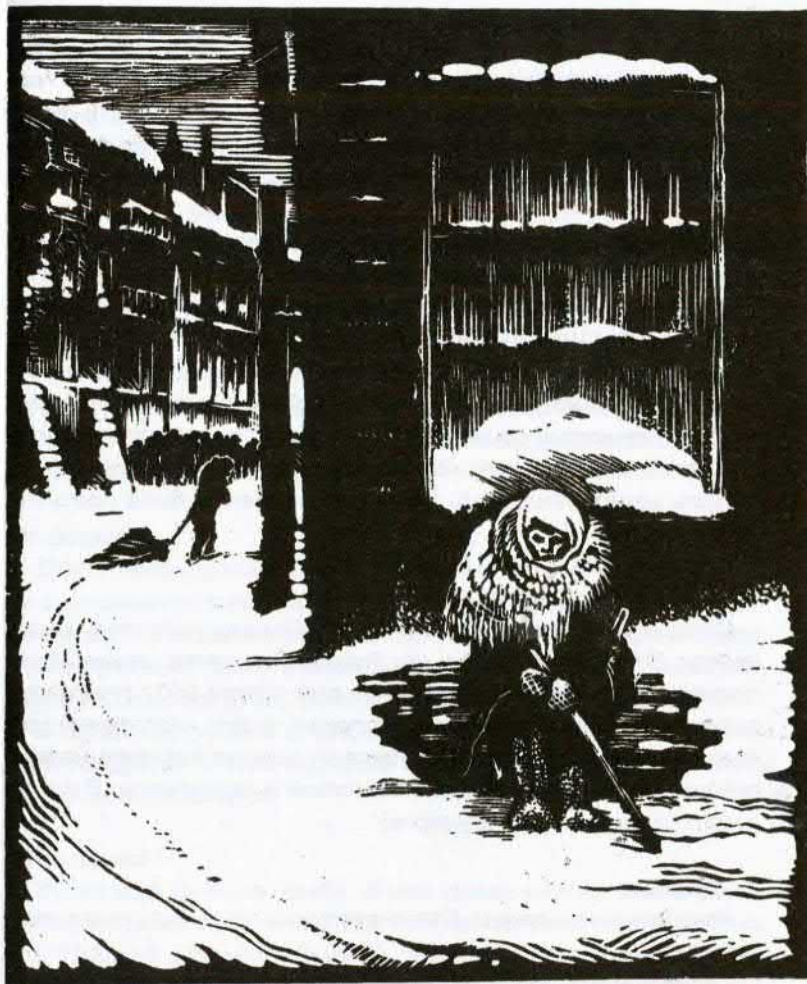
- 1) Все ученики ремесленного училища спят по 2–3 человек на одной койке. Кровати без простыней и наволочек. Все ученики завшивлены, и в матрацах много вшей. В помещении грязь. Больные не отделяются от здоровых.
- 2) Все ученики жалуются на исключительно плохое питание. При проверке мною столовой выяснилось, что супа готовится в полтора раза больше, чем надо на то же количество продуктов. Это значит, что вместо супа выдается жидкая бурда.
- 3) Котлеты весят вместо 50 г — 35 г; что сахар, отпускаемый не полностью, попадает ученикам, а частично уворовывается.
- 4) Установленные по норме жиры уже в течение 4 дней в столовую не отпускаются.

15 февраля

Мама ходила в 7 часов в магазин. Нового пока нет ничего, взяла хлеб и, вернувшись домой, поставила самовар. Гриня пошел за хлебом и отсутствовал около двух часов, искал нравящиеся ему маленькие буханочки и чтобы хлеб был почерствее.

Сегодня у нас настоящий праздник. Есть сахарный песок, крупа. Накануне мама получила на работе мясо. Встали утром в 10 часов, попили чаю и поставили варить суп с горохом и мясом. Всего понемножку, но суп всем понравился.

В первом часу пошел на завод. Получил деньги, в столовой взял шесть порций пшенной каши. Через проходную с кашей не пропускали, пришлось завернуть кашу в бумагу и спрятать под пальто. На рынке купил немного жиру. Дома кашу поджарили и разделили на всех. Вышло по двести граммов. Плохо, что все это при коптилке, так как света нет. Но и то сегодня у нас такой день. Сегодня впервые за семь месяцев на улице так хорошо, тепло и светло, так хочется жить, чувствуется, что дело идет к весне. [Владимиров]

Вновь заговорило радио. Усилилось движение автотранспорта. Город заметно начал оживать. [Евдокимов]

Полопались трубы городского водопровода. Над трещинами высокие ледяные курганы. На улицах людей все меньше. Гробы, гробы, гробы без конца.

Абрам Михайлович взялся за общежитие и питание. Вывезти покойников, лежащих подолгу, подвезти дрова, избавиться от вшей. Стал наводить чистоту в цехах. Бандура и Лебедев болеют. Удрали из Ленинграда Горчинский и В.И. Смирнов. Населению выдают масло, сахар, мясо, крупу. Понемногу, но и это счастье. [Ходорков]

В феврале обком партии принял решение об обеспечении города на зиму 1942–1943 г. картофелем и овощами собственного производства. Задача оказалась очень трудной. Не хватало семян. Предусмотрительно оставленный запас семенного картофеля полностью сохранить не удалось. Семена для всех огородников, в том числе колхозов и совхозов, пришлось заказывать централизованно. Часть семян свеклы была получена в Канаде.

20 февраля

Сегодня мама рано ушла в магазин. Там уже набралось много народу. По радио объявили, что будут давать сухие овощи. Мама принесла хлеб и ушла в очередь. На всех купила 900 г сухого картофеля. На обед сварили суп с горохом, сухим картофелем, добавили каши. Вечером мама купила на детские карточки мелкую перловую крупу. Варили суп с перловкой и картофелем. В полдвятого легли спать. [Владимиров]

22 февраля

Началась третья декада. Сегодня получили мясо — солонину, сварили суп.

Сегодня мама пошла в магазин в полседьмого. Там уже была большая очередь. Норму на крупу и масло объявили накануне. К тому же сегодня воскресенье — выходной день. Мама вернулась. Масла на рабочую карточку выдавали по 150 г, на детей и иждивенцев — 100 г, мяса 450 г — на рабочую и 125 г — на другие. Хлеб разделили на два раза, сварили суп. Попили чайку без сахара. [Владимиров]

В городе очень плохо с дровами. Жгут мебель, книги. На лестницах ломают перила, во дворах и на улицах — остатки заборов. На чердаках подпиливают стропила. [Ходорков]

25 февраля

Вчера получили шоколад уже вечером, так как утром в магазине было много народу. Я делал сегодня печку-буржуйку. Вечером варили суп с горохом и студень из столярного клея.

Сегодня встали позже обычного, поставили самовар. Гриня ушел за хлебом, поели студня и пили какао с шоколадом. В обед ничего варить не будем. Съел весь хлеб 500 г и на вечер не оставил. После чая я закончил буржуйку, затопил и пошел к врачу выписываться на работу. Вечером напил и наколот дров. Затопил буржуйку, варим суп на завтра. У нас все больны. У мамы температура и болит горло. У Грани и Коли вчера был врач. Выписал молоко. Будем получать с 1 марта. [Владимиров]

26 февраля

День ленинградской женщины: вынести ведро с нечистотами, пойти с ведрами на Неву. Выстоять в длинной очереди к проруби, принести воду. Покормить ребенка. Встать в многочасовую очередь за продуктами. Пойти в консультацию за подкормом, напилить, наколоть, нанести дров, протопить печку. Тяжелый день. <...>

В городе настроение лучше, почти ежедневно выдача каких-нибудь продуктов. Вчера выдавали по 25 г шоколада. Сократилась смертность. [Ходорков]

27 февраля

Купил еще буханку хлеба. Всего проел уже на хлебе около 1500 руб. Денег больше нет. Жить не на что. Могу считать, что за эти 1500 руб. я купил себе жизнь. Я спас себя. Чувствую себя хорошо. Силы восстанавливаются. [Евдокимов]

28 февраля

Еще один месяц прожили. Уже гораздо легче. У нас остались карточки после смерти дяди Феде. Главное — хлеб, да и в этом месяце с выдачей было получше. Только с маслом было плохо. Всего выдали за месяц на рабочую карточку 150 г.

Сегодня получили мясо и клюкву. Сварили и съели горох с мясом и пили чай с клюквой. Только хлеба маловато.

Сегодня я опять работал на сколке льда, вернее, обрубке «быков» на Каменноостровском мосту. Погода была хорошая. Весь день солнце, но все же холодновато. Скорее бы хоть было потеплее, да прибавили бы хлеба. Работали с 10-ти до 2-х. На обратном пути зашел на завод. Хотел пообедать, но по новым карточкам еще не давали, а крупы на старых у меня не было. Я взял пару сарделек и принес домой. Одну отдал маме, одну себе и понемногу попробовать всем. [Владимиров]

В феврале по ледовой трассе Ладожского озера было эвакуировано 117,5 тысяч человек.

1 марта

Первый день весны. Что сулит нам этот прекрасный период года? Если бы можно было знать! А так хотелось бы этого. Погода пока не весенняя. Холодно, ветрено, снегопады. Вообще для нас, ленинградцев, это обстоятельство далеко не помеха. Чем дольше морозы, тем больше наши военные успехи. Но человек привык. Независимо от всего он ждет смены погоды, ждет тепла, ждет яркого солнца.

Сегодня день отдыха. Зашел домой. Однако никого не застал. Открыл дверь своим ключом. Посидел на кухне, прошел в столовую. Темно, холодно, неуютно. Как-то одиноко висит посреди комнаты лампа, стоит стол, в беспорядке стулья. Опять взгрустнулось.

Ленинград не изменил своего облика. Света нет, трамваи стоят, водопровод только начинает работать, канализация заморожена, люди гибнут от голода — трудности во всем. Около больницы Володарского сегодня при подходе к ней я увидел два брошенных на дороге трупа. Даже в морг не сдали. Кошунство! Ведь морг в двух шагах.

Город притих. На улицах народу очень мало, особенно в нашем районе. Одеваются в худшее что есть. Лица грязные, руки не моют неделями. И как редкое исключение попадает пешеход опрятно одетый, как в мирное время. Есть много таких людей, которые свою грязь, небрежность афишируют.

Таков город сегодня, но иным он будет завтра. Блокада будет прорвана — немцы получают по заслугам, их уничтожат у Ленинграда. Они получают должное возмездие. Получают столько, сколько

им полагается, за все лишения за все муки, смерть и слезы населения Ленинграда. [Назимов]

Я сегодня выходной. Встал в 9 часов. Поставил чайник. Мама пошла в магазин. Вернулась ни с чем, только выкупила хлеб. Попили чайку. Начался большой обстрел нашего района. Затопили печку. Сварили суп и поели. Мы с Гринеи пошли в баню. Попали случайно, заплатив 5 рублей, там пускали только по талонам от жакта. Помылись хорошо. Домой пришли в 6 вечера. В магазинах сегодня ничего не было. Погода холодная, ветер и снег. Завтра мне опять колоть лед. Не знаю, как быть, так как очень холодно. [Владимиров]

ГКО принял 3 марта 1942 года постановление № 1379С «Об охране военного имущества Красной Армии». За хищение оружия, боеприпасов, продовольствия в военное время устанавливалась высшая мера наказания в форме расстрела с конфискацией личного имущества.

4 марта

Сегодня ровно год, как в театре у меня украли пальто. От завода был праздничный вечер. Приятно вспомнить, как мы с другом Виктором хорошо выпили и закусили и пошли на вечер.

Пришел на работу к 10 часам. Опять послали на сколку льда. Работали до 12 часов. Дул сильный пронизывающий ветер, и нас отпустили. Пошел на завод в столовую. За супом простоял до половины четвертого. Взял два жиденьких супа с лапшой, четыре каши. Суп съел с маленьким кусочком хлеба, каши взял с собой. Дома напил дров, поставили варить суп, кашу положили в суп. Это бывает редко, а то только одна вода — суп да чай.

В магазинах ничего не дают. Опять затор — прикрепление карточек до 5 числа. [Владимиров]

5 марта

Работал опять на Каменноостровском мосту. Сегодня очень холодно, промерз до костей. Работали до двух. Потом пошел в столовую. Съел суп-рассольник без хлеба. Три гороховых каши хотел взять домой, но попробовал и не удержался, съел все.

Дома ничего нет. Получили мясо на детские и иждивенческие карточки и сварили бульон. Я съел весь свой хлеб и с песком выпил пять кружек чаю, которым опился. Очень вздуло живот, думал умру.

В 12 часов по радио объявили норму на мясо 300 г на рабочих и по 100 г на всех остальных, детям — 150 г меланжа. В 7 часов объявили сахар: 300 г — рабочим, 200 г — иждивенцам, 250 г — детям, и сухих фруктов всем по 100 г.

Чувствую себя слабо, нет жиров, мясо сбавили и хлеба не хватает, а ходить очень далеко, работа тяжелая, рубить, нагнувшись, топором лед, и к тому же очень холодно, а едим только воду и хлеб. Не знаю, как и перенесем все это. Хотя бы хлеба побольше. [Владимиров]

Усилена борьба с антисанитарией и безобразиями, допущенными в этой области в последние месяцы. По радио ведется усиленный набор рабочих и служащих. Введены книжечки для граждан, направляемых на трудовые работы. Оплата будет производиться по основному месту работы согласно отметкам в книжках. Теперь волинщики не получают записей, а следовательно, и зарплаты. [Лившиц]

По решению ГКО в январе-марте 1942 года были сооружены железнодорожные ветки Войбокало — Лаврово и Войбокало — Кобона для подачи вагонов непосредственно на берег озера. Первый поезд с грузом 1 200 тонн прошел по железнодорожной ветке Войбокало — Лаврово 5 февраля. 20 февраля открылось движение на перегоне до Кобоны, 6 марта — до оконечности песчаной косы у маяка Кареджи. В феврале по льду озера проложены новые трассы с более высокой пропускной способностью.

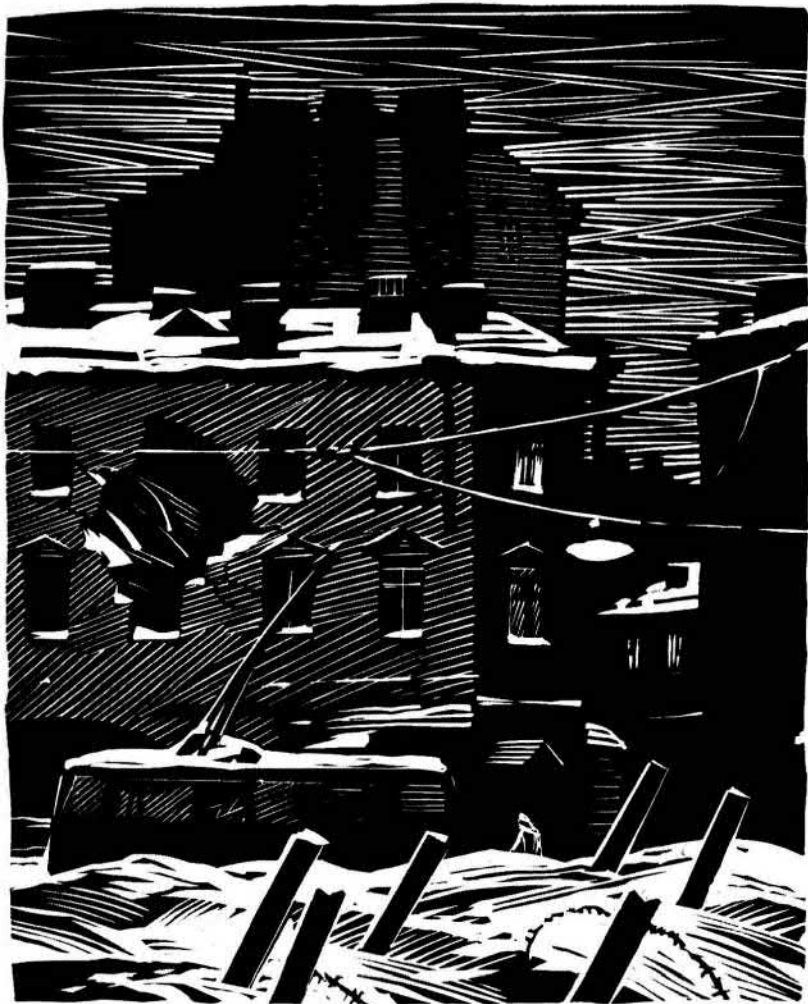
8 марта

В день женщин получили по 100 г изюму, который весь съели. Мама в честь женского праздника убирала снег — заставили всех домохозяек. Потом мы с ней пошли в столовую. Пообедали, чем она осталась очень довольна, говорила, что всю жизнь не ходила, ну а тут — как в честь праздника.

Ближе к вечеру получили на две детские и одну иждивенческую карточки 600 г пшена, на мою карточку взяли 300 г мяса. Вечером варили суп с пшеном на мясном бульоне. [Владимиров]

9 марта

Вообще продовольственная ситуация в Ленинграде несколько улучшилась. Выдаются мясо, крупа и некоторые другие продукты, даже

сухие овощи. Правда, все это далеко не в требуемом количестве, но уже можно себя поддержать. Дальше наверняка будет лучше.

На Невском сегодня был приятно поражен — двигаются грузовые трамваи — вывозят сколотый лед и снег.

По всему городу идет усиленная очистка трамвайных путей, восстанавливается пострадавшая от бомбардировок и обстрелов контактная сеть.

Неужели возобновится трамвайное движение? Неужели люди, ослабевшие, истощенные, будут пользоваться транспортом? Какое это было бы счастье! Как много это могло бы сохранить жизней!

Пока город мертв. Темно, тихо, безлюдно на его улицах, перекрестках и площадях. Вы не услышите смеха на улицах, не увидите улыбок на лицах пешеходов.

Но город ждет момента, чтобы воспрянуть от сна. Он хочет жить, он хочет созидать, он хочет радоваться жизни. И город-герой этого момента дождется. Ленинград снова будет Ленинградом — городом, красотой которого гордится вся страна. Ленинград вновь станет крупнейшим центром научной мысли, культуры и промышленного производства.

А пока будем ждать. Будем терпеть ежедневные артобстрелы, Сегодня здорово пострадала набережная Фонтанки. Снаряды сыпались как из пулемета. Пострадало много зданий. Я в это время был в городе. [Назимов]

10 марта

В начале февраля наш батальон получил приказ прибыть на станцию Борисова Грива для участия в срочных погрузо-разгрузочных работах. Продовольствие поступало по ледовой дороге на автомобилях и нам надлежало перемещать его в железнодорожные вагоны. Поступление грузов увеличивалось, и командование решило переквалифицировать личный состав нашего батальона охраны в грузчиков.

Путь от Бернгардовки до Борисовой Гривы мы преодолели на автомашинах. Стоял мороз за 30 градусов, мы все заоченели. На место прибыли в 7 вечера. Было уже темно. Помещение для нас не готово. Пришлось устраиваться на ночлег самостоятельно. Найти помещение для всех 150 человек невозможно. Нужно срочно принимать решение, иначе уже через час или два бойцы начнут

замерзать в буквальном смысле слова. Пришлось приказать личному составу разделиться на группы по десять человек и самостоятельно устраиваться на ночь в дома, игнорируя возражения хозяев. Примерно через час мы с комиссаром отправились проверить своих бойцов. Так прошла первая ночь на новом месте.

Утром батальон во главе с комиссаром вышел на работу по погрузке, я же отправился на поиск постоянного жилья. Обнаружил два двухэтажных квартирных барака и обошел все квартиры и побеседовал с хозяевами. Вначале меня удивило, что хозяева легко и без долгих уговоров соглашались принять дополнительных квартирантов.

Только спустя несколько дней я понял, в чем дело. Хозяева жилья оказывают своим постояльцам разные мелкие услуги, получая с них в качестве оплаты краденые продукты. С первых дней работы я убедился, что на рабочих площадках процветает самое разнузданное воровство. Охрана борется с ним слабо.

Думаю, что начальство, на котором лежит ответственность за выполнение плана работы, в курсе происходящего, но смотрит на мелкие кражи подчиненных сквозь пальцы. Мотивы его понятны. Истощенные рабочие не в состоянии справиться с тяжелой работой, подкормить их на законном основании нечем. За срыв графика работ по головке не погладят. Вот начальство и закрывает глаза на воровство, коль скоро оно помогает добиться нужных производственных показателей.

Первое время изголодавшиеся бойцы ели все подряд: сырую муку, крупу и пр. От такой пищи три десятка заболели и несколько человек умерло. Ослабленные голодом желудки оказались не в состоянии переварить их.

Контроль за сохранностью грузов налажен из рук вон плохо. Шоферы, работавшие на трассе, при желании могли бы огрести огромные деньги. Весового учета нет, считают только количество мешков.

Мы видели, как однажды один водитель на ходу сбросил в условленном месте мясную тушу. Тогда это заметили, и его попытка не удалась. Но машины идут день и ночь, и уследить за всеми невозможно. Водители машин живут в частных домах. Что может помешать им связаться с «посредниками» по перепродаже краденых продуктов?

Мы с комиссаром начали энергичную борьбу с расхитителями в нашем батальоне. Мы обыскивали бойцов, проводили беседы, уговаривали, угрожали, наказывали, но все это мало помогало. Сегодня у бойца отобрали муку и он обещал больше не воровать, а на следующий день вновь набивал карманы. Наше средство наказания — гауптвахта — его не пугало. Он знал, что там он сможет отдохнуть от тяжелой изнурительной работы.

Впоследствии мы стали бороться только со злостными расхитителями, которые воровали не для себя, а для продажи, а таких было меньшинство. Спустя пару недель рабочие заметно окрепли и работа пошла веселей. Первое время весь командный состав лично участвовал в погрузке. Удивительно, откуда только брались силы взвалить на спину увесистый мешок с мукой или крупой и отнести его шагов на 15–20 и тотчас же отправиться за следующим. И так целую рабочую смену. [В.Н.]

11 марта

Вчера у меня был выходной. В 9 часов напилили дрова, которые я спер еще вчера в чужом сарае. Попили чайку. В 2 часа дня сходил к Любе. Привез дров. Протопили печку, так как все еще холодно — на улице –16, в комнате +7.

Сегодня с утра работал с заводскими ребятами на очистке улицы, скалывали лед у завода. В столовой съел суп с лапшой и овсяную кашку. Домой пришел пораньше. Ходили с мамой в столовую, ей очень понравилось. Съели по супу с лапшой и маленькой сардельке с гарниром и одну порцию мучной кашки, но хлеба был один кусочек на двоих 50 или 60 г, что, конечно, мало.

Получили письмо от тети Симы. Она пишет, что ее мужа Илюшу убили еще 22 августа, и осталась она одна с двумя малышами. [Владимиров]

Из докладной записки начальника Ленинградского городского управления по учету и выдаче продовольственных карточек И. Стожилова: В связи с временной консервацией ряда предприятий и цехов значительная часть рабочих не занята трудом; ее, конечно, можно и нужно использовать на различного рода временных работах как на предприятии, так и вне его (снегоуборка, вывозка нечистот, ремонт дорог и т. д.), но рациональное использование рабочей силы затрудняется тем,

что у ряда рабочих нет достаточного материального стимула к труду, ибо все рабочие, числящиеся в штатах законсервированных предприятий, вне зависимости от участия в трудовых процессах, получают по карточкам одинаковое количество продуктов.

Постановление горкома ВКП(б) от 16 февраля с. г. «Об извращениях в оплате рабочих, инженерно-технических работников на предприятиях г. Ленинграда, временно переведенных на консервацию» положило начало борьбе с этими уродливыми явлениями; оно сыграло большую роль в борьбе с извращениями в оплате рабочих этих предприятий, в выявлении мнимобольных, в укреплении трудовой дисциплины.

Большинство рабочих, не являвшихся раньше на предприятия, стали приходить на завод, стали принимать участие в трудовых процессах по заданиям руководителей предприятий, но до сих пор еще некоторая часть из них не работает в течение всего рабочего дня, продолжая рассматривать применение своего труда за установленную заработную плату как одолжение государству.

Применение административных мер к такого рода «работникам» не всегда приводит к положительным результатам. Поэтому напрашивается вывод, что по отношению к отлынивающим от работы должны быть применены дополнительные рычаги материального воздействия. Для этой цели может быть использована карточная система снабжения. Некоторые директора предприятий уже пошли по этому пути, изменяя категорию снабжения по карточкам тем работникам, которые не заняты трудом. Но эти мероприятия они проводят очень робко и неуверенно, поскольку они не предусмотрены соответствующим законодательством, и по этой же причине имеет место разноречивость при разрешении этих вопросов.

В проекте постановления «Об изменении правил и инструкции по выдаче продовольственных и промтоварных карточек» предусматривается, что рабочие и ИТР предприятий, переведенных временно на консервацию, в том случае, если они не заняты трудом на различных заводских и общественных работах, должны получать карточки не по нормам рабочих, а по нормам иждивенцев.

19 марта

Массовая эвакуация. Без конца из всех районов к Финляндскому вокзалу тянется народ. Женщины, дети, старики, некоторые еле бредут. На саночках мешки, чемоданы.

Последние недели. Скоро ладожский лед растает. Эвакуация не будет возможна. Народ это знает. Многие, которые держались, ожидая разрыва блокады, теперь не выдержали, опасаясь весны.

Был у Московской заставы. Много сгоревших зданий. На улицах баррикады. Сгорели Коксогазовый завод, Витебский вокзал, кино-театр «Олимпия» и многое другое.

На улицах все меньше народа. Суров Ленинград. Заснеженные улицы, дома. Иней на окнах, заснеженные ДЗОТы, колючая проволока, окопы на улицах. Военные и женщины. Поваленные взрывами столбы, свисают оборванные провода, зияют отверстия окон в домах без крыш. У окон и дверей копоть пожаров, редкие машины. Редкие лошади на улицах, не услышишь громкого слова, смех даже вообразить трудно.

Покойников подбрасывают на пустыри, чтобы не хоронить. Позавчера сразу собрали и вывезли 13 трупов. [Ходорков]

20 марта

Сегодня у меня выходной день. Выходной для меня, как правило, день голодовки. Обедов в 40-й столовой не дают (нет прикрепления), и приходится жить на сухомятке. Но сегодня я не голодаю. Сыт, как говорят, по горло. В переводе на рыночные цены я проел:

1. хлеба 2 кг — 600 руб.

2. масла 200 г — 300 руб.

3. песок 300 г — 300 руб.

Итого 1200 руб. за один день.

Вот сколько стоит человеку жизнь и как можно быстро разбогатеть, будучи шкуродером. А шкуродеров развелось последнее время очень много и торговля с рук процветает не только на рынках, но у каждого магазина и даже на площади Ржевки. [Евдокимов]

21 марта

Несколько раз ходил на квартиру к брату на Садовой. Квартира вскрыта соседями и буквально разграблена. Замок с печатью сорваны, все вещи украдены, а легкая мебель: ширма, сундук, ящики

от письменного стола, шкаф, — разрублена на дрова и сожжена. Кое-что нашел у соседей и водворил на место. Наглые и беззастенчивые воры. Подал заявление в уголовный розыск. Но им не до этого. От хождения туда совсем устал.

У меня на Скороходова дела не веселей. Старушка-соседка и ее крестница умерли. Соседи переругались из-за дележки вещей. [Лившиц]

22 марта

На улицах толпы работающих людей. С крыш течет талая вода, на улицах и во дворах лужи. Где-то насвистывает синичка. Оживились воробьи. Лица людей освободились от шарфов и платков. День стал длиннее — люди меньше сидят при горящих коптилках, и лица менее черны и закопчены. Среди них можно встретить красненькие щечки, накрашенные губки. Люди извлекли приличную верхнюю одежду, от которой глаз давно отвык.

Огромная спекуляция дровами. Вязанка стоит 60–70 рублей. Мешок дров — 100 рублей. Последнее время милиция ведет борьбу, попросту отбирая дрова.

В городе расклеена масса объявлений. Люди меняют вещи на продукты и за бесценок распродают свое имущество. Своеобразные универмаги образовались последнее время возле булочных. Сюда приходят люди со своим скарбом, чтобы обменять его на хлеб. Тут можно встретить галоши и боты, чулки, крупу, масло, олифу, посуду, верхнюю одежду и пр. Сделка происходит тут же на пороге булочной — сговорились — вещь отдается новому владельцу, хлеб тут же съедается. [Лившиц]

Докладная записка бригады по обследованию работы Главного управления ленинградских столовых и кафе горкому ВКП(б) о деятельности предприятий общественного питания: Одним из наиболее серьезных [недостатков] является антисанитарное состояние многих столовых и исключительная бедность ассортимента, вызываемая не столько отсутствием нужных продуктов, а безразлично формальным отношением к столующимся, проявившимся в бескультуре и равнодушии со стороны ответственных лиц системы питания. <...>

В общественном питании установлена инструкция по выходам готовой продукции. Но она настолько сложна, что дает

возможность только квалифицированному кулинару проверить действительный выход продукции, в то же время остается много лазеек для злоупотреблений. Так, например, каша вязкой консистенции должна иметь привар 350, полужидкая — 510 %. Лишнее добавление воды, особенно при большой пропускной способности, проходит совершенно незаметно и позволяет работникам столовых, не обвешивая, оставлять себе продукты килограммами.

24 марта

Характерные картинки сейчас можно встретить в Ленинграде. Детские санки, которые везут женщины, а на санках больной, ослабевший мужчина. Он не в состоянии передвигаться. Санки вообще стали самым необходимым предметом в любом доме, любом хозяйстве. На санках перевозят всё, ибо другого транспорта нет. Но все эти трудности быта переносятся стоически в надежде на скорую победу, на резкое изменение условий. <...>

Какие мелкие, безвольные, ничтожные людишки многие наши врачи. Они далеко не представляют из себя культурную силу. Если бы кто видел, какие завшивленные они поступают в наш стационар. От вшей на них «ходят» одежда и волосы. Как они опустились, до чего дошли! Некоторых приходится мыть, пользуясь скребком. Они по несколько месяцев не были в бане. Грязь на теле лежит толстым слоем. Поведение их в стационаре выявило все их нутро. Они требуют судно, хотя могут прекрасно пользоваться уборной, в грязных туфлях ложатся на простыни, требуют воду для умывания в постель, в то время когда могут умыться у раковины, как шакалы, набрасываются на приготовленную пищу, считая, что их обворовывают на один-два грамма, предъявляют много других претензий...

Менее культурные люди в этих вопросах стоят гораздо выше наших врачей. Нужна кропотливая, длительная работа с этими кадрами, но при этом трудно рассчитывать на их перевоспитание. [Назимов]

25 марта

Занимаюсь на курсах в Военно-учебном пункте. Занятия начались две недели назад. Должен был перейти на казарменное положение, но до сих пор приходится ходить ночевать домой, так как

все места заняты и притом очень холодно. Правда, скоро обещают еще отвести теплые комнаты. Кормят нас не так плохо, но порции малы. Утром суп и два стакана сладкого чая, в обед суп, на второе котлетка с гарниром, вечером суп и один стакан чая, хлеба мало. Утром и вечером по 150 г, в обед 200 г.

Занимаемся по 4 часа и 4 часа трудовая повинность. Проходим станковый пулемет «Максим», зачислен в спецвзвод.

Дома пока что все живы и здоровы, в общем, все еще ходим. Вчера пришел домой, достал дров, а то было нечем топить. Электричества все нет, трамваи не ходят, приходится ходить пешком, что очень трудно. Ноги еще не окрепли, так как до этого питался плохо и сейчас нам мало продуктов и хлеба, а главное — жиров, нам их совсем не дают. Рабочим всем в магазинах выдали, а нам не дают. Я никак не дождусь тепла, и дома, и на занятиях, и на работе, и на улице все время на холоде, согреваюсь только лишь под одеялом, а с 6 до 10 вечера все время на холоде. [Владимиров]

31 марта

Погода как назло кошмарная. Мороз 15 градусов. Вьюга, необычайный снежный буран. В комнаты веет снег, люди мерзнут, нечем залатать многочисленные дыры. <...>

Снабжение продуктами в этом месяце было исключительно хорошим. На карточки выдали все, что полагается по норме.

Мурманские рабочие прислали нам свой подарок — полторы тонны килек. Сегодня в цехе нам преподнесли их к обеду. Ели мы их вместо меда или чего-то такого, ранее не опробованного. Ну как их не благодарить и как не радоваться за дружескую помощь и братскую солидарность. [Евдокимов]

Прожили еще один месяц, и вновь у нас горе. Сегодня в 12 часов дня скончался самый меньший братишка Коля.

В общем-то этот месяц в смысле выдачи продуктов был самый лучший, так как выдали всё: мясо, масло, сахар, крупу. Мне очень жалко масла, карточки я сдал в учебный пункт, а там его не давали. В магазине мне бы дали 800 г. Все кругом едят масло, а я хлеб, и то плохой и сырой.

Сегодня я ходил на завод, получил карточки. В столовой взял запеканку и съел без хлеба. Хлеб возьму завтра, может быть, прибавят, хотя бы немного.

На улице сегодня тает и тепло, по утрам опять все замерзает. Мы никак не можем дождаться тепла и немного улучшилось бы с питанием, а то ноги не ходят. [Владимиров]

1 апреля

Проходил по Старо-Невскому в райсовет за пропусками, видел массу разрушенных домов. Стекла и рамы в окнах повреждены почти во всех домах. Водопровод и электричество не работают. На улицах Ленинграда колют и возят лед, но все это жалкое, запущенное состояние. Проходил случайно рабочий трамвай — как это дико и странно. Отвык глаз и не верится.

На фронте по официальной сводке существенных изменений не произошло. Ждем. Все ждем прорыва блокады. Народ, обыватели уже изверился и относится как-то пассивно. Ждут объявления нормы выдачи продуктов на апрель, прибавки хлеба и прочего. Умирает довольно внушительное количество от истощения. По улицам часто везут трупы, завернутые в тряпки, коврики и прочие лохмотья. Хоронят в общих могилах. Жутко.

Вечером два часа скалывал лед на площади у вокзала. Это ежедневно до 8 апреля по обязательному постановлению Ленсовета. Сильно устаю. <...>

Погода для весны холодная. Дома и темно и холодно. Будет ли когда-нибудь просвет? Так не хочется глупо умирать. На улицах поминутно провозят вещи — кровати, столы, шкафы и пр. инвентарь, тут же на санках перевозят больных, мертвых. Вот жизнь!

Сейчас я беспризорный. Грязный. Заводятся вши. Чистого белья нет. Жена ничуть не беспокоится и, конечно, не интересуется. Надо самому быть решительнее и что-то предпринимать, только было бы здоровье. [Самарин]

2 апреля

Ночевал один во всей квартире. Холодно жутко. Ночью через каждые полчаса вставал. Плохо работает мочевой канал. Встал в 6 часов, пошел за хлебом. Выпил три стакана кипятку, согрелся, но и съел почти 300 г хлеба при норме в 500 г. Ничего больше нет. Погода отвратительная. Холодно, идет мокрый снег. <...>

Проводил запись на индивидуальные огороды. Записалось только двое. С 5 до 7 часов колот лед на площади. Болит поясница.

На обед взял три гороховые каши и две котлетки, переварил их на суп и весь день питался. Опять хозяйка вечером угостила молоком, я давал кофе. [Самарин]

4 апреля

Все нечистоты и мусор свозятся на притрамвайные улицы, оттуда весь этот груз свозится на набережные и сбрасывается в воду. Вдоль рек и каналов выросли огромные насыпи из мусора. <...>

Сегодня у нас очередная радость: объявлена выдача селедки. У дверей кооператива стоит заскорузлый дядька и жадно уплетает только что полученную сельдь. Притом без хлеба. Сельдь воистину отменная, жир капает с нее и размазывается по черным, как головешки, рукам. Уловив мой взгляд, он делится со мной восторгом: «Такой селедки уже лет сто не едал! Ну, обрадовали Советы». «А ты бы для Советов постригся и руки помыл», — говорю я ему. «Ужо, — отвечает, — ради селедки помыть придется». [Лившиц]

14 апреля

К нам в квартиру ежедневно кто-то ходит днем и ворует все съестное. Пока мы на работе, он осматривает все комнаты и чувствует себя самым нахальным хозяином. Вчера повесил наружный замок, но и он не помог. Хотел бы узнать этого стервеца и спустить его с лестницы. Я, пожалуй, до него доберусь. [Евдокимов]

Завтра по решению Ленсовета пойдут пассажирские трамваи. Сегодня увидел в городе первые пробные вагоны. От волнения чуть не заплакал. Только мы можем знать, что это такое — ленинградский трамвай.

Ездил с Иваном Петровичем и Абрамом Михайловичем и др. на «Северную верфь» сдавать заказ по котлу № 7.

Нарвская застава вся в укреплениях. Под Триумфальной аркой ДЗОТ. В стенах Нарвского дома культуры — пулеметные амбразуры. Все боковые проезды закрыты блиндажами, баррикадами и ДЗОТами. В угловых домах пушечные и пулеметные амбразуры. Много разрушений. Почти на всех домах выщерблены от осколков снарядов.

Колоссальный цех завода — безлюдный. Все стоит. Недавно завод еще жил. Делал броневые ДОТы, паромы для КВ — теперь все мертво. Повсюду следы артобстрела. Пробиты новые котлы.

Началась артиллерийская дуэль. Над нашими головами со свистом в обе стороны летят снаряды.

С эллинга в бинокль видны немцы. В этих условиях люди, пока были живы, работали. <...> Рассказывал директор: при каждом движении крана начинается обстрел завода.

Из работавших на монтаже котла № 3 погибло 400 человек. Из работавших по доставке угля в Колпино погибло 350 человек. [Ходорков]

15 апреля

Вора нашли. Вор оказался ненастоящий. Сын соседки по дому С-ой, лет четырнадцати. Он обворовывал не только нашу квартиру, но и свою, и побывал и в других местах. [Евдокимов]

Сегодня у ленинградцев большой праздник. Пошел трамвай. Пока всего на пяти маршрутах (3, 7, 9, 10, 12), но это уже намного разрешает проблему передвижения. Чему сейчас мы только не радуемся! Даже такой малозначительный факт — праздник. Люди как-то сразу ожили, повеселели. На работу можно попасть, не растрачивая своих сил. [Назимов]

18 апреля

Впервые в этом году побывал в городе. Пользуясь услугами трамвая, съездил к Марусе, побывал у Фени и даже сходил в кино. Работают три кинотеатра. [Евдокимов]

22 апреля

Наварил щей из свежей крапивы. Сказать, что они вкусные, было бы неверно, но они вполне терпимы для желудка и их можно есть. Если бы к ним хотя бы 50 граммов мяса (для запаха), они были бы лучше. <...>

Погода замечательная. Совсем лето. От снега не осталось и следа. Вчера пролетел настоящий «грибной» дождь и прогремел первый весенний гром. Я не помню на своем веку такой быстрой, смелой и долгожданной весны. [Евдокимов]

26 апреля

Щи из крапивы оказались большим подспорьем в пище ленинградцев. Эти два дня я выкупал по 100 г печенки. Получились че-

тыре тарелки великолепных щей. Крапива не успевает расти, ее ищут и вырывают с корнем. Благодаря крапиве, вот уже целую пятнадцатую я ложусь спать сытым. Питание стало сравнительно выносимым и терпимым. [Евдокимов]

24 апреля по ледовой трассе прошли последние машины. Дальнейшие поездки были сочтены опасными из-за таянья снега и льда и были запрещены. Последним на западный берег перебрался конный обоз с репчатым луком. Часть пути сопровождающим пришлось перетаскивать мешки на себе.

Всего в апреле по ледовой трассе было вывезено из города 163,4 тысячи человек.

С берегов озера ушли автобатальоны, возобновились ремонт и строительство дорог, пирсов, грузовых барж и прочего необходимого к началу навигации, которую удалось открыть только через месяц.

Всего за зимний период 1941–1942 годов в город было доставлено более 361 тысячи тонн различных грузов, в том числе более 261 тысячи тонн продовольствия. Это позволило увеличить нормы отпуска хлеба и обеспечить бесперебойное снабжение войск и населения продовольствием, боеприпасами и топливом. Тем самым был заложен прочный фундамент в основание победы под Ленинградом.

Военный совет Ленинградского фронта в своем приказе 26 апреля 1942 года выразил «удовлетворение честной и самоотверженной работой водителей машин, регулировщиков, ремонтников, грузчиков, связистов, командиров и политработников дороги и ее руководящих работников, обеспечивших успешное выполнение возложенных на них задач первостепенной военной и политической важности».

27 апреля

Река совсем очистилась ото льда. На льдинах разбитые шлюпки. Вмерзший красноармеец. Город совсем очищен от снега и мусора. Прделана нечеловеческая работа, если учесть, что возили много на себе. Люди к тому же сильно истощены.

Назначен ответственным за переделку двух котлов под фрезерный торф. Хочу сделать раньше срока горкома. Это будет хороший вклад в оборону города. [Ходорков]

1 мая

Я уже работаю. С 1 по 20 мая мне дали усиленное питание и прикрепили к специальной столовой, где выдают такое питание. Я прикреплена к ресторану «Москва». [Берман]

К этому дню ленинградцы получили дополнительно продукты. По первой категории выдали: 500 г селедки, 100 г сыру, 150 сухофруктов, 25 г чая, 0,5 литра водки, 1,5 литра пива и др. Это обстоятельство значительно подняло тонус у всех. Все ожили, воспряли духом. Появилось много надежд. Создалась уверенность в окончательной победе, именно в 1942 году, чему подтверждением является приказ товарища Сталина к 1 мая. [Назимов]

Сыт, пьян и нос в табаке. К празднику выдали по 0,5 л вина, 1,5 л пива, 0,5 кг сельдей, 100 г сыра и по 50 г табака. Это неопишуемая радость и действительно праздник. [Евдокимов]

3 мая

Находясь 2 мая в цехе дежурным, я не расстроился, что потерял выходной день. Хоть грубой пищей, но был сыт. В моем распоряжении оказалось 3 литра спирта, и ночью я был пьян в стельку. Освободился сегодня в 9 часов утра и был под хмелем до поздней ночи. Вот какой я сокол и на что я способен. (Верно, пьян был не я один.) Это мне оправдание. Не было ни одного трезвого, ни директора, ни начальника. Они же сами мне наливали.

Купил еще буханку хлеба. Отдал 350 руб. Это дешево. На рынке 1 кг стоит около 500–600 руб. Вес буханки 1 кг 400 г. [Евдокимов]

4 мая

Никто из работников нашего учетного бюро, никто из контролеров не потерял членов семьи. Никто у них не умер от дистрофии и сами они не выбывают из строя, как я, от голода. [Берман]

Но жить в Ленинграде стало полегче. Смертность от дистрофии снизилась. Помогла дорога жизни и забота всей страны о блокадном Ленинграде. К тому же надвигается лето — ждем продукции со своих огородов. [Назимов]

По материалам газеты «Ленинградская правда»: Исполком Ленгорсовета на заседании 7 мая обсудил ход выполнения своего постановления от 27 апреля о проведении восстановительных работ на «Водоканале». В нем он обязал Управление

«Водоканала» и районные исполнительные комитеты к 20 мая завершить ремонт уличных водопроводных сетей, к 10 мая произвести ремонт домовой канализации и к 20 мая — ремонт и испытания домовых водопроводных сетей.

Проверив состояние работ в Октябрьском и Фрунзенском районах, исполком констатировал их неудовлетворительное состояние. Предупреждение об ответственности за срыв важного задания получили заместители председателей исполкомов упомянутых ранее районов. Начальники райжилуправлений обоих районов получили по выговору. От райисполкомов районных советов потребовали срочно организовать проверку ведения работ, их руководство предупреждено об ответственности за срыв работ по законам военного времени...

Президиум Верховного Совета указом от 8 мая 1942 г. наградил орденами и медалями СССР 341 работника (из почти 17 тысяч) ледовой трассы за образцовое выполнение заданий правительства по снабжению города Ленинграда и Ленинградского фронта.

17 мая

Столовые лечебного питания работают. Количество питающихся по району — 5 тысяч человек. Люди крепнут. Всех дистрофиков III степени сейчас направляют в военные госпитали, в которых выделено для этого 7 тысяч мест по городу.

Смертность, несомненно, спадет. Завтра вывезу в деревню Юкки Дом малютки. Там хорошо, но хлопот предвижу много. Провожу прививки среди населения. [Назимов]

По материалам газеты «Ленинградская правда»: В Приморском районе состоялось собрание партийного, хозяйственного, комсомольского и профсоюзного актива. На нем основной докладчик секретарь райкома Харитонов сообщил собравшимся о том, что за районом закреплено 220 гектаров земли, созданы 192 объединения огородников, охватившие более 10 тысяч человек. Семенами и инвентарем район обеспечен полностью. Затем докладчик подверг критике ряд хозяйственных и партийных руководителей за промедление в важном вопросе. На одном заводе до сих пор не распределили земельные участки, на другом нет семян и инвентаря. Особенно досталось райжилуправлению.

Руководство этого учреждения даже не знает, кто из его сотрудников вошел в огородное объединение и т. п. Отмечен был целый ряд недостатков в работе райисполкома.

18 мая

Во мне зародилась какая-то неистовая жажда жить. Готов работать без сна, готов разрыть горы, но только бы скорее победить.

Поддавшись общей агитации и на собственном желудке испытав голод, я с остервенением занялся огородничеством. Уже вскопал около половины большого участка земли. Надеюсь, труды окупятся и должное за работу я все же получу.

С питанием стало получше. В ход идут крапива, лопух, листья раз-ных трав. Скоро должна появится огородная зелень. [Евдокимов]

22 мая

Обследуя домохозяйства и учреждения (правильность выдачи продкарточек), встречаюсь с интересными людьми, подлинными ге-роями. Но есть и такие, как управляющая домохозяйством № 110 3-ва. Приходится иногда превращаться в следователя и передавать дела прокурору. 3-ва уже арестована. Ведется следствие. Мой ма-териал о злоупотреблении продовольственными карточками пол-ностью подтверждается. Воровала у голодных ленинградцев крохи хлеба и продуктов для себя и своих родичей, продавала карточки, спекулировала. [Берман]

Летом 1942 года по решению горкома партии и Ленгорисполко-ма в городе была развернута сеть столовых усиленного пита-ния. Эти заведения были организованы для того, чтобы помочь ленинградцам восстановить силы после тяжелой голодной зимы. Трехразовым высококалорийным питанием было охвачено до 500 тысяч человек. На эти цели дополнительно выделялось еже-месячно 25 тонн мяса, 50 тонн рыбы, 1 000 тонн овощей и мно-гое другое, всего 21 наименование.

26 мая

Продовольственный вопрос, несмотря на резкое улучшение, все еще продолжает довлеть над многими. Вот характерные примеры.

— Вы никогда не ели лепешек из обойной муки? — спрашивает директор одного универмага тов. С. у своего собеседника.

— Но, — заявляет последний, — ведь в ней до 20 % нафталина.

— Нестрашно. Нужно уметь приготовить, — говорит директор, — основное, это посадить лепешки в горячую печь, тогда запах нафталина исчезнет. Я неоднократно пользовался этой мукой и очень доволен. А еще лучше, — продолжает он, — это студень из столярного клея, тем более, если в него добавить лаврового листа, перца и др. специй. Нужно сказать, что клей меня однажды спас от голодной смерти.

Под теплыми лучами солнца стаял снег, обнажилась земля и можно было наблюдать странную картину. Взрослые и дети, вооруженные острыми предметами, ковыряли землю. Они выкапывали какие-то корешки и радовались своей находке; из корешков варили суп. Отмечалось много случаев отравления беленой, свидетелем чего был и я.

Один мой знакомый не мог нарадоваться супу, приготовленному из стеблей одуванчика, рассказывая о нем, он испытывал истинное удовольствие.

Так пока живут ленинградцы, но не унывают, бодрятся, помогают фронту и отстаивают свой город, и ничто, никакие другие более тяжкие испытания не изменят этого поведения. Ленинград был, есть и будет — так говорят ленинградцы. [Назимов]

Из-за длительной и суровой зимы 1941–1942 годов летняя навигация на Ладоге началась позже, чем обычно. 21 мая буксир «Гидротехник» с трудом пробился сквозь льды из Осиновца на западном (ленинградском) берегу озера в Кобону — на восточном. Регулярные перевозки начались 27 мая. Перед морями Ладожской военной флотилии, речниками Северо-Западного речного пароходства, портовиками, железнодорожниками, строителями были поставлены большие сложные задачи — обеспечить всем необходимым жителей города и войска Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота. Предстояло вывезти из города более 300 тысяч его жителей, тяжелораненых бойцов, доставить в город необходимое пополнение и т. п.

28 мая

Город — улицы, площади, дворы, набережные — превратился в сплошной огород, повсюду грядки. В служебных помещениях на

окнах ящики с зеленью. Женщины разбирают булыжники, которыми замощена площадь, и из освободившейся от камня почвы делают грядки и высаживают рассаду.

Труп женщины. Кто-то успел снять туфли, рядом два мешочка с сорванной травой. Идет истощенная женщина, с жадностью ест траву. Город пустеет. Беспрерывная эвакуация, принято решение об обязательной эвакуации женщин с двумя детьми. [Ходорков]

10 июня

Стал сейчас не человеком, а самым настоящим травоядным животным. В день съедаю такую массу травы, что если не корову, то, по крайней мере, овцу вполне хватит накормить.

Для того чтобы не расстроить желудок, режим питания я построил так: утром перед уходом на завод съедаю 250 г хлеба, обедаю без хлеба, вечером по дороге домой снова беру на ужин 250 г хлеба. Все свободные от работы минуты посвящаю поеданию травы.

Желудок пока что все безропотно принимает, и куда-то подевались проклятые поносы, которые так мучили меня весной. И все же чувствую себя пока очень слабым, колени гнаться тяжело. [Евдокимов]

15 июня

Каждый из нас мечтал о работе, связанной со столовой, магазинном продовольствием, а люди, работающие там, казались избранныками, попасть туда не представлялось возможным.

Голодная и унылая бродила я по городу в поисках работы, временами свет мерк в моих глазах и страшное бессилие и безразличие охватывали тело и разум.

Я мечтала о «хлебной работе». В поиски эти я втянула свою приятельницу В. Она где-то читала историю, но к весне ее преподавание кончилось, да и было, кажется, не особенно удачным. Это была ее первая после окончания университета работа, совпавшая с периодом угасающей дистрофии, когда мысли о пище заслоняли все остальное.

Помню, как мое голодное внимание привлекло объявление, написанное большими красными буквами на куске полинялых обоев голубого цвета: оно приглашало жителей города отправиться на работу в совхоз, плата в котором была обещана натурой. Вмиг

в моем мозгу возникла соблазнительная картина всевозможных овощей в виде картошки, редиса, лука, огурцов и пр. Это обещание имело чрезвычайно большую силу.

Уже ни о чем другом неспособная думать, начала я соблазнять В. отправиться со мной работать в совхоз. Там будет много не истоптанной и не запачканной травы любых сортов и пород. Там будет свежий воздух, живительная и целительная близость природы, а потом, потом пойдут огурцы, картошка и пр. Этого оказалось достаточным, чтобы, недолго думая, собрать свои скудные пожитки в рюкзаки и двинуться в путь.

По дороге произошло трагическое происшествие. В. несла в своем рюкзаке бутылку с олифой, заменяющей в ту пору нам жиры. В пути пробка выпала, а бутылка, съехав на бок, оставила свое содержимое на спине владелицы в виде огромного маслянистого пятна. При обнаружении этой потери В. пришла в глубокое отчаяние и разразилась гневными упреками по моему адресу — как это я, идучи сзади, вовремя не обнаружила эту катастрофу. Этот прискорбный случай вызвал одну из тех ссор, которые почти беспричинно возникали среди раздраженных голодом людей.

Мы почему-то воображали, что будем почти в одиночестве. К нашему немалому удивлению к месту сбора прибыла огромная разношерстная толпа голодных жителей города. Большинство из них были худые женщины с потемневшими лицами с массой орущих и беспокойных ребят.

Нас поместили в какой-то большой полуразрушенный дом с огромной кухней на первом этаже при входе, в которой помещалась большущая плита. Поселились мы, к несчастью, в комнатухе рядом с кухней, и отсюда пошли наши беды.

Голодная ленинградская орава мгновенно, как саранча, набросилась на окрестные травы и очень скоро в близлежащем районе не оказалось ни листочка более или менее съедобной травы.

День и ночь топилась на кухне огромная плита. День и ночь шла борьба за лучшие места на плите, за дрова, за украденные травы и т. д. и т. п. Ночью, через тонкую перегородку из кухни, раздавался непрерывный, разноголосый человеческий вой, который был отвратителен, жалок и совершенно непереносим.

Сварить на плите что-либо было очень трудно и почти что невозможно, люди всегда хотели есть, всегда что-то варили и всегда

ссорились при этом. Сон в таких условиях был совершенно невозможен. И мы решили найти индивидуальное жилище, сколько бы оно ни стоило. Очень скоро мы покинули это страшный дом, так похожий на дом умалишенных, помешанных на траве людей.

Ничего, кажется, не способно было радовать нас. Работа в совхозе была непосильна. Требовалось целыми днями, наклоняясь, сажать рассаду капусты и потом поливать ее, таская для этого большие ведра с водой из далекого грязного озера, расположенного не меньше чем за полкилометра. Не могу сказать, что работа шла быстро, но она все же двигалась вперед.

Командовали нами местные жители, люди, мимо которых прошла ужасная голодная смерть и которые поэтому не могли понять наших нечеловеческих страданий. Между нами возник естественный антагонизм. Они с полупрезрением смотрели на наши кости, обтянутые серой кожей, и мы внушали им страх и отвращение своими все поедающими желудками. Наш потрясающий и ненасытный аппетит был им непонятен. Сытый не понимает голодного! Они ничем не могли пресечь нашу пожирательную способность.

Мы ели рассаду капусты, благо ее было очень много, ели, как зайцы, хрустя и наслаждаясь. Мы ели, вернее, пожирали сырую картошку, которая лежала, обнаженная на полях при машинной посадке, не всегда одинаково закрытая землей, мы ели ее с землей, приставшей к ее поверхности, и трудно было представить большего наслаждения. Как хотелось унести ее с поля с собой, но это не всегда удавалось. За нами следили. Одна горожанка умудрилась положить пару картошек в свою пышную прическу, я клала несколько картошек в рукава небрежно брошенной на плечи фуфайки и т. д.

Полуживые от усталости возвращались мы домой, на ходу набивая мешки травой, это был главным образом клевер. Дома варили эти травы, иногда подправляя их украденной картошкой или кусочком хлеба, и падали замертво на свое ложе, на минуты испытывая ощущение утоленного, заглушенного голода. [Миронова]

18 июня

Бывают дни, когда на время забываешь о войне. Такое состояние было у меня сегодня утром. Ярко светило солнце, обстрела не было уже пару дней. По радио транслировали великолепную чарующую

музыку, отчего настроение еще больше улучшалось. С этим я шел на службу. Но резкий свисток милиционера и уличные крики вернули меня к действительности. Присмотревшись, я увидел: некая гражданка смертным боем била какого-то пацана. Из сбивчивых выкриков можно было догадаться, что мальчик в булочной вырвал у нее хлеб. Избитого и окровавленного подростка собравшиеся прохожие сдали вовремя подоспевшему постовому милиционеру.

Что же милиция может с ним сделать? Ровным счетом ничего. Таких сажать — места не хватит, а кормить нечем. Отведут за угол и отпустят.

В столовой другая сценка: женщина выхватила хлеб у перепуганного ребенка и, отвернувшись, быстро запихала его себе в рот. [Лившиц]

19 июня

Покончил с огородом. Засадил девять грядок свеклой, турнепсом, морковью, луком, салатом и т. п. Пять грядок занял рассадой брюквы и капусты. Сначала дело не ладилось, но закончилось все отлично. В завкоме рассада паршивая и настолько тощая, что сажать ее не хотелось. Но не имей сто рублей, а имей сто друзей. Рабочая Гаврилова привезла мне сотни две брюквы и сотни полторы капусты такого качества, что не сыщешь ни у кого в нашем поселке.

Сделал большое дело — закончил посадку, но не меньшим будет все это богатство уберечь и сохранить. Могут вытаскать на щи и брюкву, и капусту. Виновников вряд ли найдешь. Хочу огородить и обнести проволокой. От вора это не спасение, но, может, до некоторой степени поможет. Проволоку я уже нашел. [Евдокимов]

Весной на земле пригородных районов внутри блокадного кольца созданы 633 подсобных хозяйства предприятий и учреждений, 1 468 объединений индивидуальных огородников с общим числом членов 176 044 человека, земельные участки под огороды получили более 100 тысяч ленинградцев, не вошедших в объединения. Подсобные хозяйства появились не только у заводов, фабрик и крупных учреждений, но и у ремесленных училищ, больниц, детских садов. Земельные участки небольшим трудовым коллективам выделялись на неудобьях в черте города и не превышали по площади двух гектаров.

23 июня

Накануне достал 150 штук капустной рассады. Повез их в Озерки. Вскопал две большие грядки. Рассада оказалось плохой, и колхозное начальство не советовало мне ее сажать. Пришлось с сожалением согласиться.

Сегодня достал свежую качественную рассаду и привез ее в Озерки. Тут случился конфуз: грядки, которые я вскопал, оказались чужие. Пришли две бабы и началась отборная матерная ругань. Бабы настолько разошлись, что я испугался: не дойдет ли до греха — убьют или покалечат. Пока я копал, эти старые стервы молчали, но как только я приехал с рассадой, тут же явились на готовое. Мне было обидно до слез, столько угробил сил и трудов. Хотелось растоптать рассаду, плюнуть на все это, уехать в город и больше не возвращаться. С немалым трудом взял себя в руки и по договоренности с другими огородниками принялся сажать свежую рассаду на чужие грядки в порядке уплотнения. Кропотливо и усердно я пристраивал свою рассаду на уже засеянные грядки.

Посадку и поливку личного огорода закончил только в половине двенадцатого. Вот где пригодились наши ленинградские белые ночи. Утром снова полил «свои» грядки и удовлетворенный отправился в город. [Лившиц]

25 июня

В Ленинграде по инициативе горкома ВКП(б) осуществляется мероприятие — рациональное питание. Это новый фактор заботы о населении. Питание будет трехкратным для всех групп населения. [Назимов]

26 июня

С утра в Парголовском военкомате. Мы растеряны и взволнованы донельзя. Что ждет нас, как это случилось, что мы попадаем в армию! <...>

Начались бесконечные процедуры приема: опросы, медицинские осмотры и прочее. Мы были почти уверены, что нас забракуют, куда мы могли годиться — два скелета, обтянутых старой кожей, когда вокруг было так много здоровых, деревенских девушек, на лицах которых даже играл румянец здоровья и свежести. Они были тоже взволнованы и шумливы.

Мы выделялись истощенностью. Жадно прислушивались к вопросам, связанным с питанием, и с удовлетворением и восторгом узнавали, что в армии кормят хорошо, что там карточек нет, что карточки никуда сдавать не нужно. Разговоры о пище прогнали наши опасения перед холодными окопами и смертью, и мы ожили. Страхи куда-то исчезли, и нами овладели лихорадочные мысли, как использовать имеющиеся у нас на руках продовольственные карточки, получить по ним за оставшиеся дни июня 1942 года продукты.

Не обошлось без добрых советов, нам предложили забежать в магазин и получить по карточкам хлеб и другие продукты. С этого момента мы только об этом и думали, как выбрать момент и отлучиться, но уйти было трудно. Нас продолжали оформлять в военкомате и только к концу дня, наконец, выстроили всех.

Команду над нами принял молодой лейтенант, явно смущающийся при виде такой команды.

Многих девушек провожали родные, шуму, суматохи не было конца, чем мы и воспользовались, и, когда, наконец, строй двинулся — нырнули в сторону. Отстав немного, мы забежали в один магазин, потом в другой, пока, наконец, у нас в руках не очутился хлеб на несколько дней, масло, колбаса и 300 г гороха. Сначала ели все это на ходу и, наконец, засели в каком-то придорожном овраге и просидели там до тех пор, пока не уничтожили все имеющиеся у нас продукты, включая и сырой горох, и макароны. Только тогда, когда ни крошки не осталось из съестного, стали думать, как нам догнать строй. Тут мы начали упрекать друг друга в обжорстве, отсутствии всякой дисциплины и так, ругаясь и вздыхая, побрели до пункта назначения с опозданием на два часа. [Мирнова]

8 июля

С витаминами стало лучше, но лебеда в большом почете. Ее собирают мешками, жуют сырой, делают щи, лепешки. Я со своего огорода ем уже салат, редиску. Приятно. [Назимов]

С июля женщинам с шестого месяца беременности и в течение двух месяцев после родов начали одновременно продавать сверх установленных норм 400 г масла, 300 г сахара, 600 г крупы и 6 литров молока.

15 июля

В городе нет спичек. Курильщики прикуривают от солнца через лупу. Много таких картинок по городу. Занятно!

В столовой райкома, где я сейчас питаюсь, сравнительно неплохо. Как будет с питанием, когда я буду в городе, трудно сказать. [Назимов]

18 июля

Обследуя частных граждан, я вижу, что кое-кто живет по двум карточкам: или от умерших остались и не сданы, или достались иным путем. Ведь к нам часто поступают заявления об утере карточек. А как проверишь? Выдаем дубликаты. Не выдать, значит погубить человека, если действительно потерял. А ведь есть и ловкачи, которые карточек не теряли, просто захотели получить вторые.

Появилась в Ленинграде и специальная категория — «ухаживатели». Это люди, которые берутся ухаживать за соседями, кто на ладан дышит; они выкупают их хлеб, продукты, присваивают львиную долю себе и тем ускоряют смерть того, за кем ухаживают.

За мной и Михаилом ухаживали две девушки — бойцы МПВО, бывшие домработницы соседей, живущих ниже нас этажом. Ухаживали честно. В день Мишиной смерти они были заняты, вот почему мне пришлось ползти за кашей и Миша умер в одиночестве. [Берман]

19 июля

За 500 рублей у нас в городе сейчас можно купить шикарную обстановку на всю квартиру. Получилось это в связи с массовой эвакуацией. Я купил за 20 рублей граммофон с десятью пластинками, хороший комод за 50 рублей. Шкаф за 100 рублей никто не берет (цена его в магазине 470 руб.). Кожаный диван — 100 руб. Деньги имеют большой вес.

С питанием стало легче. Я уже рву ботву турнепса, свеклы, щавель и лебеду. Варю борщ. [Евдокимов]

7 августа

Сегодня я представила Е-ой, начальнице учетного бюро, акт об одном домохозяйстве, где я обнаружила явные злоупотребления. Мне был брошен упрек, что я «из мухи делаю слона». Вот как!

Я борюсь за каждый грамм хлеба, а когда обнаруживаю украденный у голодающего населения грамм, расцениваю это как мародерство на фронте. Иначе не могу и не буду, если это даже кое-кому и не нравится.

У меня явилась сегодня мысль: контроль и контролеров нужно убрать из участковых бюро в районные отделения и оставить за ними только выдачу карточек и учет. Тогда не будет сращивания контролеров с инспекторами учетного бюро, контроль будет острее и действеннее. Разве это правильно, когда инспектор учетного бюро выдает карточки и продовольственные талоны и он же контролер? Это все равно, что продавца магазина сделать контролером. [Берман]

13 августа

В мае этого года всех контролеров учетного бюро направили в типографию им. Володарского дежурить у машин, когда печатаются продовольственные и промтоварные карточки. Нас направило горуправление. И тогда меня поразило, что мы, контролеры, не знаем — нам не говорили — сколько листов бумаги идет на каждую машину. Мы зорко следили, стояли у машин, глядели в оба глаза, сами меняли каждый бракованный лист бумаги, передавали на машину чистый лист, брак активировали, подбирали все клочки го-знаковской бумаги, сжигали. Но тут мало одной надежды на зоркость твоих глаз. Какой толк в контроле, если мы не знали, сколько листов дано на машину? Мы не могли быть гарантированы, что нет утечки на сторону, утечки отпечатанных карточек.

Я подняла по этому поводу шум. Мое предложение учли. Теперь мы хозяйева бумага, все листы, идущие на машину, пронумерованы и проштемпелеваны.

Сегодня мы дежури́м в типографии, положение изменилось: контролеры записывают каждую пачку, что идет на машину (записываем номера машин от и до), записываем номера бракованных листов и их замены. Обнаруживая в пачке недостающий номер, записываем его и составляем акт.

Но добраться до причин недостачи и где получилась эта недостача, из чьих рук вышла пачка с нехваткой, не можем. Просчет ли это счетчицы или злоупотребление? Среди счетчиц типографии обезличка. Счетчица не ставит свою фамилию на ярлычке, как

браковщица на фабрике или заводе. Отсюда и безответственность счетчиц — можно просчитаться или унести пачку, неизвестно, с кого спросить. Может быть, это не вина счетчицы, отпускающей со склада чистую бумагу, а вина, того, кто в цехе подсчитывал съём с машины. Я внесла предложение: ликвидировать обезличку в работе счетчиц. Оно принято. [Берман]

14 августа

Решение Горкома о сломе всех деревянных домов в городе, чтоб обеспечить жителей топливом на зиму и избежать пожаров. Дома делятся между организациями и заводами по числу работающих. На разборку привлекается поголовно все население от 14 до 60 лет. [Ходорков]

19 августа

С питанием у меня стало лучше. В городе много овощей, и я имею возможность покупать их по дешевке. Уже три раза ходил в лес за грибами. Вчера принес чуть ли не полное ведро. Грибы сейчас очень приятная вещь и очень в цене. В ход идут все подряд, кроме мухоморов. Поганок нет. Такого понятия не существует. Грибы собирают всюду: около дорог, под заборами, на пнях, грядках и даже в своем сарае на дровах. Все идет в ход и все вкусно.

На моем огороде всё растащили. Особенно жаль морковку. Стоит она столько же, как хлеб на черном рынке, 400–450 руб. за килограмм. Но все же кое-что досталось и мне. Огород мне дал ни один ужин и завтрак. [Евдокимов]

27 августа

Было совещание контролеров в горуправлении. Начальник управления напомнил, что контролерами должны работать люди грамотные и энергичные, острые, неподкупные, предельно преданные нашему строю и кристально честные.

Я подумала: а он руководствуется этим принципом, подбирая кадры для управления? Секретарем у него работает З-ва. Я знала ее в 1930–1931 годах, когда она работала техническим секретарем в Московско-Нарвском РайКК-РКИ. Когда я увидела там впервые эту маленькую горластую женщину, мне сразу захотелось повернуть обратно и отложить свои вопросы до прихода

Мещерского, председателя парттройки, который был в тот день на заседании бюро райкома партии. Секретарем райкома партии был в те годы легендарный герой гражданской войны Иван Иванович Газа.

В 1931 году З-ва ушла на другую работу, и больше я ее не видела. И вдруг встретила ее здесь. Она все такая же грубая и крикливая. Говорят, что просители боятся заходить к ней со своими насущными вопросами. И еще говорят, что она далеко не неподкупный работник. [Берман]

29 августа

Решение Военного совета Ленинградского фронта об эвакуации до 11 сентября всех детских очагов и яслей: жесткое решение. Остаться на руках с ребенком — тяжело, отпускать малыша тоже тяжело. [Ходорков]

30 августа

По Неве мимо станции плывут трупы красноармейцев. Весь день плывут трупы. Выше по реке у Ивановского идут бои.

Дворы, улицы, трамвайные колеи зарастают травой. По тротуарам почти нет движения, на окраинах лишь одиночные командиры проезжают на велосипедах. Эвакуация продолжается. [Ходорков]

20 сентября

Как омерзительны эти сытые, пышно-белые «талонщицы», вырезающие в столовых и магазинах карточные талоны у голодающих людей и ворующие у них хлеб и продукты. Это делается просто: «по ошибке» вырезают больше положенного, а голодный человек обнаруживает это только дома, когда никому уже ничего доказать нельзя. [Берман]

23 сентября

По всему городу ломают деревянные дома. Масса пустых мест. Некоторые районы, как Охта, сплошь были застроены деревянными домами. <...>

Ломка домов идет быстро. Люди днями сидят без крова на вещах в ожидании транспорта. Странное зрелище являет собою дом, у которого разобрана фасадная стена. Видны все ячейки. Стоит мебель,

кое-где цветы. Тут протекала жизнь, может быть, нескольких поколений. Там гряда балок, досок, бой кирпича, куски кровельного железа, осколки стекла, груды штукатурки и все. [Ходорков]

Осенью подвели итоги огородной компании. Наибольшей урожайности добились в подсобных хозяйствах учреждений и предприятий. Урожай с одного га составил в среднем 8,6 тонн. В совхозах — 6,2 тонны, колхозах — только 4,3 тонны.

Под индивидуальные огороды была отведена площадь 1 784 га. Под овощи использовались все мало-мальски пригодные участки земли в парках, скверах, на пустырях, во дворах и пр. В помощь огородникам Трест зеленого строительства отпустил 19 463 кг семян, и 42 980 тысяч штук рассады. Местная промышленность изготовила 45 тысяч леек, 199 тысяч штук ведер, 23 тысячи штук цапок, 58,4 тысячи лопат и другой инвентарь. Индивидуальным огородникам удалось собрать более 26 тысяч тонн овощей и картофеля и обеспечить себя и свои семьи ценной, богатой витаминами продукцией.

Совхозы, находившиеся в подчинении городских трестов, собрали 24 638 тонн овощей и 1 215,5 картофеля (по 2,8 тонн с гектара). Низкий уровень урожайности обусловлен поздним поступлением семенного материала. Ранние заморозки побили ботву, и рост клубней прекратился. Однако средняя урожайность овощей превысила довоенный уровень. Кроме того, город получил 40 тысяч тонн ранних овощей и огородной зелени.

Выращенное за лето предстояло сохранить. С последним не все складывалось благополучно. Не всегда закладка овощей в хранилище производилось с соблюдением технологии, обеспечивающей максимальную сохранность.

Управление милиции Ленинграда совместно с Государственной плодоовощной инспекцией провело выборочную проверку сохранности картофеля и овощей на ряде комбинатов Лензаготплодоовощторга. Проверка показала, что если не будут проведены мероприятия по сохранению резерва корнеплодов и картофеля, то из 100 % завезенных в резерв овощей не останется и 50 %.

10 октября

Сегодня узнала, что при торговых отделах исполкомов создаются бюро учета нормированных товаров и туда заберут всех

контролеров из учетного бюро. Это правильно. Я давно пришла к выводу, что они не должны работать при учетном бюро — получается сращивание, а не действенный контроль. [Берман]

15 октября

Из санинструкторов меня перевели работать кладовщицей. В моем распоряжении много вкусных вещей: сахар, белый хлеб, масло, консервы, но я боюсь дотронуться до них. Это принадлежит голодным людям. Все надо мною посмеиваются, начальник даже недоволен мною, они не переносят моего укоризненного взгляда, когда запускают свои руки в богатство кладовой. Но в моих глазах это ужасное кошунство, которое я не могу спокойно перенести.

Каждое утро, тщательно взвесив полагающуюся по строевой норме продукцию, бережно передаю ее в руки Наташе-поварихе. Она с усмешкой глядит на мое священнодействие. Но ни усмешки, ни намеки не действуют на меня.

Когда я делаю доклад начальству о перерасходовании в связи с приездом каких-нибудь гостей по распоряжению же его самого, он морщится, злится и очень хочет назвать меня дурой. Оказывается, за счет умения и ловкости можно и гостей угощать, и начальству угождать. Но я этим умением не отличалась, а кроме того, после перенесенного голода пища до сих пор была в моих глазах священна.

Кончилось бы мое священнодействие с продуктами тем, что меня бы выгнали вон, но к нам присоединилась ранее ушедшая от нас авторота, которая раньше занималась этими делами, и кладовая механически перешла снова в ее ведение. Мой отчет был принят небрежно, и вряд ли кто-нибудь заглянул в него из нового начальства.

За месяц работы в кладовой у меня на многое раскрылись глаза, но многие, наверно, причислили бы меня к отряду нерасторопных.

Зато девчата из полевого хлебозавода оценили обеды и их качество в бытность мою кладовщицей. Кладовщик из автороты, старшина с жульническими замашками, мало интересовался строевой запиской. Вместо 1 720 банок с консервами, полагающимися по строевой норме, Наташа получала 1 215 банок. [Миронова]

28 октября

Дрова от сломанных домов возят на трамвайных платформах, телегах, запряженных людьми, на тележках или просто на себе. Трамваи пока работают, хотя и с перебоями. В Кировском районе от площади до Кировского завода бегают «кукушки» с двумя трамвайными вагонами. [Назимов]

3 ноября

Возвращаться на ночлег становится все труднее. Вчера была непроглядная тьма. Пешеходы сталкиваются друг с другом, натываются на заборы, шлепают по грязи. В одной луже потерял галошу, с трудом нашел. Темнота действует на моральное состояние, ходить жутковато. [Назимов]

26 ноября

Вопросу улучшения быта уделяется внимание как никогда. Прачечные, сапожные, портняжные мастерские организуются под ответственность администрации предприятий. Под ответственность администрации каждый работающий еженедельно проверяется на отсутствие вшивости.

В каждом цехе организованы красные уголки, комнаты отдыха, поставлены кипятильники.

Город живет, город борется. Убирается снег, на улицах чисто. В городе народа осталось мало, и тяжело выполнять все задачи. Но они выполняются и город живет. [Ходорков]

Навигация на Ладоге завершилась 1 декабря. В Ленинград завезли более 790 тысяч тонн различных грузов, в том числе 353 тысячи тонн продовольствия, 106 тысяч тонн угля, более 150 тысяч тонн горюче-смазочных веществ, 89 тысяч тонн боеприпасов, 8 тысяч тонн вооружения и пр. Из города эвакуировано 389 тысяч ленинградцев. Все это позволило создать более или менее приемлемые условия жизни и работы осажденных второй блокадной зимой.

Движение по ледовой дороге через Ладогу возобновилось 20 декабря.

1943

1 января

Отметил Новый год тем, что взял хлеб на 1 и 2 число и весь сразу съел — 750 г булки и 250 г хлеба. Это великолепно, но этого очень мало. Булка так хороша, так приятна, что ее можно съесть пять раз постольку. Неужели было время, когда я ее не хотел? Неужели настанет день, когда хлеба и булки я наемся вдоволь? [Евдокимов]

2 января

Сегодня побывал на вечере орденосцев. Была выпивка (разведенный спирт), закуска, играл баян. Все напоминало мирную обстановку. Я так раззадорил свой желудок, что набрался нахальства пойти на кухню и попросить хотя бы тарелку кислых щей. Мне, конечно, ничего не дали, и я, голодный и полупьяный, в 8 часов вечера ушел домой.

Только что окончил свой «обильный» ужин, состоявший из 250 г хлеба, двух стаканов горячего чая и двух ирисок. Иногда это меню разнообразится кусочком сыра или селедки. В столовой кормят хуже. Чувство насыщения вновь начинает забываться.

Встречали Новый год у М.В. Б-й. Компания состояла из Я-д с благоприобретенным мужем, его сестры, М.Д. с дочерью и матерью, одного рабочего Кировского завода с женой и меня. Закуски состояли из селедки, кетовой икры, шпика, соленой капусты и огурцов и капустных пирожков. Выпивкой служило полученное по литру пиво и немного водки. Погуляли до трех часов и легли спать. <...>

Как надоели заботы о себе! Как хочется семейного уюта. Больше месяца, как я живу в горздравотделе. По вечерам отчаянная тоска. Нет желания никуда ходить. Лишь одно удовлетворение: в комнате тепло и светло. <...>

С квартирой устроился неплохо. Поселил в ней работницу 197-х яслей. Она охраняет и отапливает. Дальше же будет видно. Может быть, получу жилплощадь в центре города. В Кировский район не тянет. После семи лет работы в нем осталось неприятное чувство. [Назимов]

5 января

С питанием становится все хуже и хуже. Раньше в рационе помимо карточек было кое-что дополнительно, а сейчас нет совершенно

ничего. Овощей нет совершенно. Выданные талоны пропадают. [Евдокимов]

23 января

Зима в полном разгаре. Хорошие морозные дни. И каждый представляет эти дни вне войны такими, как они были до 1941 года. Но город значительно отличается от зимы 1941–1942 годов. Сравнительно чисто, снег убирается, ходят трамваи, работают театры и кино, беспрерывно работают радио, телефоны. В квартирах тепло — действуют водопровод, канализация. Большинство прилично одевается, вид здоровый. Дистрофиков несравнимо меньше. Цинготных тем более. Ближится февраль — последний месяц зимы, за ним март — весна. Что-то нам она принесет? [Назимов]

27 января

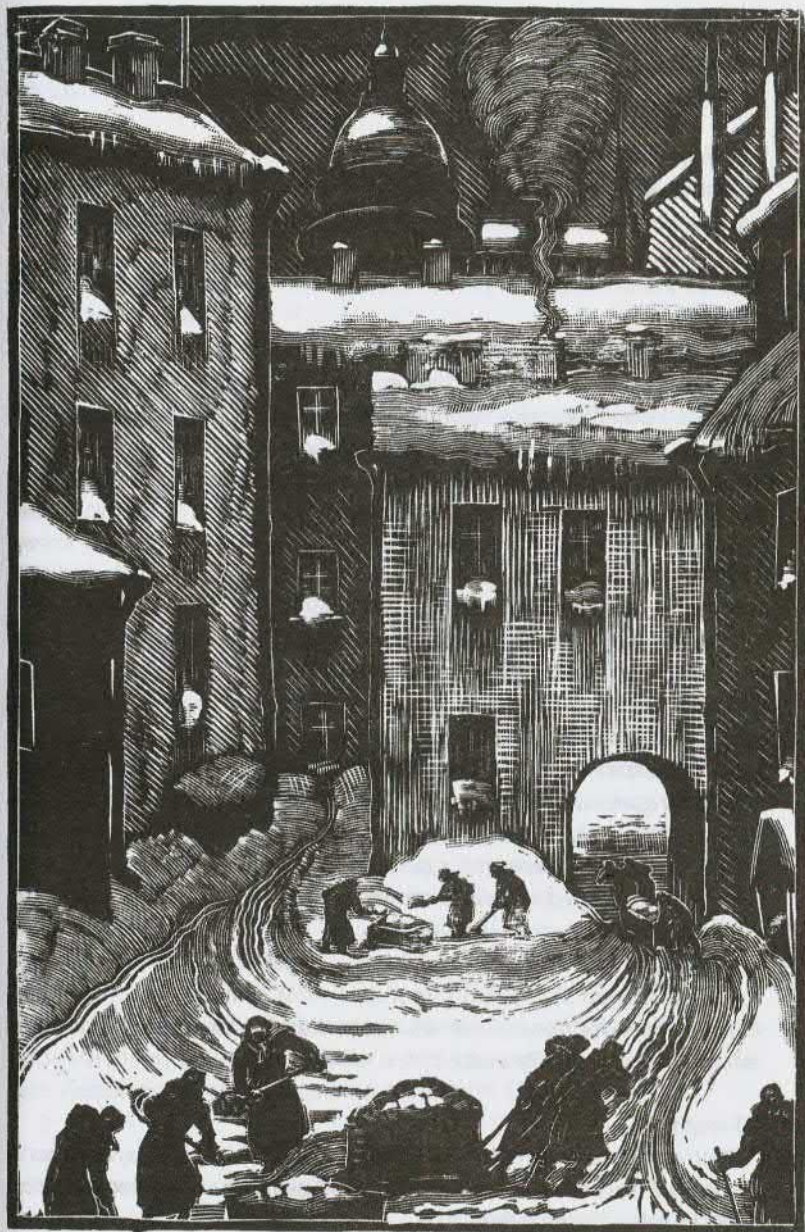
Бедствую с деньгами. Сегодня раздали листки с авансом. Мне не причитается ни копейки. Все вычли на самолет. С меня еще причитается более 500 рублей, что означает то, что мне предстоит сидеть без зарплаты два месяца. Приходится как-то крутиться. Нужда толкнула на поиск побочного заработка. У С-ой сегодня взял в починку патефон. Ремонт требуется канительный. Если получится хорошо исправить, я приобрету тогда неплохую новую специальность, которая может дать неплохой приработок. Нужда всему учит. [Евдокимов]

31 января

Отремонтировал и продал граммофон. Купил его вместе с восемью пластинками неисправным за 20 рублей. На ремонт потратил один неполный вечер. Пришлось приобрести новые детали на 12 рублей. Значит, встал мне сам граммофон и восемь пластинок всего в 32 рубля. Продал его после ремонта и одну пластинку в придачу за 500 рублей. 468 рублей заработал за один вечер. Купил на 100 рублей разных запасных деталей. Буду брать в ремонт патефоны. Новая специальность более денежная, чем старая. [Евдокимов]

1 февраля

Сегодня мне исполнилось 25 лет. Вот уже второй день рождения не могу ничем отметить и встречаю его голодный как волк зимой.

Все ждали 1-го числа. Почему-то думали, что после прорыва блокады нам прибавят хлеба или продуктов, но ожидания оказались тщетны. [Евдокимов]

22 февраля

Прибавили хлеба, всем группам населения по 100 г. Работающим на военных заводах рабочим и ИТР — по 200 г. Теперь я получаю по 700 г хлеба в день. [Евдокимов]

1 марта

Удалось устроиться на март-месяц на диетическое питание. В конце февраля я боялся, что не смогу свести концы с концами и окончательно подорву здоровье. В довершение ко всем неприятностям, я упал на грудь и повредил ребро. Теперь не могу повернуться или вздохнуть. Однако удалось выкрутиться. Андрееenko объявил к празднику выдачу по 0,5 водки. Я ее продал и таким образом добавил к пайку 1 кг и 800 г хлеба и 200 г крупы. За ремонт патефона с С. получил 180 рублей, с М-ва — 1 кг 200 г хлеба и 140 г крупы. Это позволило мне быть сытым.

Сегодня праздничный день. Заговорило радио и дали электросвет. Теперь есть все условия для нормальной жизни. [Евдокимов]

В воздухе вновь повеяло весной. Солнце пригревает, по улицам побежали ручейки. Синички запели свои веселые песенки. На улицах и площадях идет дружная работа по скопке льда. В прошлом году для этого пришлось выводить на работу заводы и учреждения. Ныне за невыполнение работ по очистке милиция штрафует, и знать ничего не хотят. Мой директор и дворник уже оштрафованы на 300 рублей. Скалывать лед ломиком это не то же самое, что гонять чай на службе, и работа идет медленно. <...>

Весна уже на пороге и ленинградцы приветствуют ее ранний приход. Дед Мороз был милостив к нам этой зимой и мы не имеем к нему никаких претензий. Мы расстаемся друзьями. До новой встречи, дедушка. [Лившиц]

15 марта

Занялся заготовкой дров. Ломают дом № 8. Вместо купленного по ордеру одного кубометра я уже свез два и завтра намереваюсь продолжить. [Евдокимов]

30 марта закрыта ледовая трасса через Ладожское озеро. Таким образом, зимние перевозки осуществлялись в течение ста одного дня.

2 апреля

В прошедшие месяцы, а в особенности в марте, было уделено много внимания чистоте улиц, дворов и населения. Хотя вполне общедоступно функционируют бани, прачечные, водопровод, в квартиры дан электрический ток, но многие опустили и не следят за личной гигиеной.

На предприятия двинулась армия медработников для обследования рабочих на педикулез (по-русски говоря, на вшивость). Вшивые принудительно направлялись на санитарную обработку, после чего проводилась дезинфекция принадлежностей. Мороки было немало: вызовы в администрацию, предупреждения, штрафы. [Лившиц]

30 мая

Вновь копаю огород. Занял тот же участок. Ныне лопата в руках держится уже легче, чем в прошлом году. Сейчас я почти сыт. Каждый день варю себе по две кастрюльки каши. Самочувствие прекрасное.

Окончил посадку свеклы, турнепса, редьки и тому подобной дребедени. Засеял десять грядок. Ныне огород обработан на 15 дней раньше прошлогоднего. Хочу посеять еще морковки, капусты и начал копать новый участок. Ныне огородничество приняло такой размах, что копают все и всюду вплоть до целины. Если будет урожай, то вместе с осенью прекратится в Ленинграде всякий голод. [Евдокимов]

19 июня

С огородами дело обстоит плохо. Ничего не растет. Капусту едят черви и мухи, турнепс, редиска и редька не всходят. Это настоящее бедствие. Никакие меры не помогают. [Евдокимов]

5 июля

На огороде веду особенно тщательный и бережный уход. Погода стоит дождливая. Все прополото. Свекла и турнепс пикированы.

Дополнительный участок огорожен. Несколько раз произвел подкормку. Несмотря на такой уход, капуста и две гряды свеклы все же погибли. Свекла не взошла, капусту поел червь. Предпринятые усилия дают результат. Мой огород становится намного приличнее, чем у других. Все свободное время уходит на эту работу.

С питанием сейчас в городе обстоит намного лучше. На рынке много разных овощей, столовые работают несравнимо лучше. Я почти сыт. Помимо пайка получаю сейчас и по вредности 0,5 литра соевого молока, очень приятного, вкусного и сладкого молока. По качеству оно не хуже коровьего. Это очень благотворно подействовало на настроения наших рабочих. [Евдокимов]

22 июля

Вновь перед моим мысленным взором предстают картины недавнего прошлого. <...> Медленно тащится по улице конная повозка. Она не привлекает внимания прохожих. Наметанным взглядом люди подмечают, что в повозке нет ничего интересного. Но вдруг лошадь споткнулась, тяжело дыша, сделала шаг, другой и снова споткнулась. Возница беспокойно оглядывается по сторонам, где искать помощи или откуда можно ждать угрозу. Последние силы покидают бедное животное. По ее телу пробегают предсмертные судороги, ноги разъезжаются и лошадка, обрывая упряжь, падает на мостовую, хрипит и, наконец, замирает. Прохожие с нетерпением и заинтересованностью следят за агонией животного. И вот, кажется, все кончено. Внезапно возникшая толпа с криками и руганью бросается к упавшей лошади. В ход идет неведомо откуда взявшийся топор, из карманов извлекаются складные ножи. Самым быстрым и ловким удается отхватить по внушительному куску мяса. В ближайшие дни в их семьях будет долгожданная пища.

Со стороны люди похожи на стаю голодных собак. Но кто посмеет осудить их за это. [В.Н.]

Октябрь

В одно из воскресений октября-месяца, когда у наших солдат выдался свободный от занятий день, под почти полностью заколоченными досками окнами трехэтажного дома, несколько комнат первого этажа которого служили нам временно казармой, послышался звук работающего мотора. Это для здешних мест было

необычным. И многие, услышав этот шум, поспешили на улицу. Вышел и я. Под окнами нашего здания стояла полуторатонная автомашина. Над кабиной автомашины виднелись головы целой стайки стоявших в кузове молодых девушек. Дело-то было молодое! И, что греха таить, многие из наших молодых солдат желали бы познакомиться с ленинградскими девушками. А тут, пожалуйста, они сами прибыли к нам в гости!

Боковые борта у автомашины были очень высокие — девушек не было видно. Поэтому я вынужден был подойти к заднему борту автомашины. На мои возгласы: «Дочки! Дочки!» — девчата ответили не сразу. Очевидно, они не хотели признать во мне своего папашу. Первой откликнулась, как я узнал позже, Клава Ф-ч. Мы сказали девушкам, что у нас здесь довольно безопасно, пригласили и помогли им спуститься на землю. На наши шутки девушки отвечали своими шутками и скромными улыбками. В темно-синих костюмах-курточках, шароварах и беретах со звездочкой симпатичные девушки выглядели стройными и подтянутыми. Среди них не было, конечно, толстухек. Но и следов дистрофии мы у них не увидели. Еще в феврале-месяце 1943 года, размещаясь в одном из домов в Веселом поселке, мы увидели, что из трех проживавших там женщин одна была с явными следами дистрофии. У девушек этого не наблюдалось.

От девушек мы узнали, что они с Петроградской стороны и служат там бойцами МПВО. Сюда их прислали для погрузки бревен на баржи и перевозки их в город на дрова. Соседний с нами полуразрушенный деревянный дом на днях был разобран на бревна солдатами, очевидно, из нашего саперного батальона. Эти бревна девушки должны были грузить на баржи. Такие хрупкие и нежные создания и такие тяжелые бревна! Но шла война. Мужчины были на фронте. А город надо было обогревать и кормить. И многие, очень многие явно не женские работы легли на нежные женские плечи. [Коровкин]

1 ноября

Ужасный черный день. В трамвае у меня вытащили бумажник. В нем были все карточки, все документы, вся моя жизнь. Что делать? Что придумать? Как прожить месяц? Как восстанавливать паспорт, военный билет, партийный билет, орденскую книжку

и др. документы. Ничего подобного в моей жизни не случилось.
[Евдокимов]

5 ноября

Получил извещение от 5-го отделения милиции о местонахождении моих документов. Это облегчило груз на моем сердце. Хлопочу новые карточки взамен утерянным. Вот уже третьи сутки не смыкаю глаз. Работаю в ночь, а днем хлопочу о своем несчастье.
[Евдокимов]

6 ноября

После упорных хлопот и хождений сегодня получил карточки. Выдали не рабочую, а иждивенческую, но и этому невероятно рад. Возвратили мне и документы, к тому же без всяких штрафов.
[Евдокимов]

14 ноября

Воздушная тревога. Близкая сильная стрельба зениток. Через окно виден град осколков, падающих на улицу. Девушка-парикмахер, закусив губу и немного побледнев, продолжает брить, не забывая спросить: «компресс? массаж? освежить?». Молодцы наши ленинградки!

Весь станционный поселок забит войсками стрелковой дивизии, вставшей на зимние квартиры. [Ходорков]

Последняя блокадная зима началась в ноябрьские праздники. Ночью с 7-го на 8-е в городе выпал первый снег. Оба праздничных дня были объявлены выходными и ленинградские труженики получили редкую возможность отдохнуть.

Согласно официальным отчетам, торговля и общественное питание перевыполнили план товарооборота.

Калорийность обедов в городских столовых в ноябре в среднем увеличилась до 3 500–4 000 калорий. В парадных реляциях, правда, не сообщалось о том, что пищевая ценность рациона оставалась низкой.

У ленинградцев, почти поголовно перенесших блокадную дистрофию, недостаток полноценного пищевого белка, легко усвояемых жиров, витаминов и микроэлементов вызывал серьезные недомогания.

1944

1 января

Новый год отпраздновали богато. Мало было вина, но много закуски. Спать легли в 5 часов утра. Встали в 8 часов. [Евдокимов]

20 января

Проводим митинг. Открывает директор. Предоставляю им пережить длительные муки творчества и прихожу на помощь лишь в последний момент. Валя Петерсон отправляет заказным: «Ленинградский фронт, генералу армии Говорову». Ара несет в Радиокomitee. Ответ: «Поздно». «Что поздно?». Как будто и завтра можно передать. Черт с ним! Это уже не в первый раз.

В 16 часов у нас закрытое комсомольское собрание с четкой статьёй «Мелочи ли это?».

Вечером у Артюхиной по радио узнаем о Новгороде, Урицке, Стрельне, Володарском. [Ползикова-Рубец]

21 января

Утром читаю доклад о Ленине для старшеклассников. Беру одну тему — «Ленин и война». Высказывания так созвучны нашим дням. Включаю тему о подлинном чувстве патриотизма. Говорю о героях, идущих сознательно на гибель. Кажется, дошло. Фрида Рывина читает в заключение Максима Рыльского «Ленин с нами». М.Н. Чуркина говорит, что было очень хорошо.

В 3 часа мы проводим плохой концерт в Доме пионеров и еще худший концерт для старших. [Ползикова-Рубец]

26 января

Наша уборщица Клава сообщает: «Вам звонил майор». «Какой майор?» «Раков, вас просят в канцелярии ждать звонка». Спускаюсь: итак, Лев Львович уже майор, и какие события заставили его вспомнить обо мне. Голос его в телефон звучит, как из «былого».

Оказывается, он организует выставку «Героическая оборона Ленинграда» и я должна быть его помощницей. Отказываюсь категорически: мое место в школе. Уверяет, что выставка важнее, и все будет сделано помимо меня. Кончаем разговор полусерьезно, сердясь друг на друга. Я серьезно обеспокоена. [Ползикова-Рубец]

27 января

Уже несколько дней носились слухи о салюте в Ленинграде, говорили, что на Марсовом поле устанавливают пушки. И верилось, и нет.

Сегодня днем стало ясно, что салют будет. Из РОНО пришла телефонограмма, чтобы вечером слушали радио, а утром провели митинг.

Пришла домой в 6 часов и легла, не выключая радио. Около 8 часов два раза передали приказ по войскам Ленинградского фронта за подписями Говорова, Жданова, Кузнецова, Соловьева и Гусева. Там уже прямо говорилось, что будет дано 24 залпа из 324 орудий. Я выключила радио, гремели пушки; открыла штору — на улице светло как днем. Над крышами разлетаются ракеты, зеленые, белые, красные звезды.

По коридору мечется старуха Игнатьева. «Господи, что случилось?» Накидываю пальто и бегу на улицу. На Мойке масса народа. Светло так, что узнаем знакомых. В белых фронтовых полушубках бойцы, охраняющие порядок. Но беспорядка нет. По небу бегают сильные лучи прожекторов. Гул салютов. «Дожили», — чаще всего слышится в толпе. Минута в жизни города незабываемая. [Ползикова-Рубец]

3 марта

Последнее время бродили слухи о том, что Ленинград переводят на общесоюзное снабжение. Ленинградцы этого не желают.

Сегодня мы были поражены. На заводе начали выдавать дополнительный талон на питание. По нему в заводской столовой мы получили 200 г хлеба, маленькую порцию каши, 100 г мяса, 50 г масла, 0,5 литра настоящего молока и компот. Вот этого мы никак не ожидали. Ведь это же как вторая продуктовая карточка. [Евдокимов]

Безмерно счастливы. Многие плакали от радости, от осознания того, что кончились блокадные страдания от голода, холода и артиллерийских обстрелов.

Залпы салюта следовали один за другим, освещая ближние набережные, израненные дома и тысячи счастливых ленинградцев. Салют закончился, но люди еще долго не расходились. [Павлушкина]

Накануне войны в Ленинграде проживало примерно 3 миллиона 300 тысяч человек. До 1 октября 1941 года в вооруженные силы была призвана 431 тысяча человек. До начала блокады город покинули около 489 тысяч ленинградцев и в тоже время прибыло более 100 тысяч беженцев из Прибалтики и оккупированных районов Ленинградской области. Таким образом, в начале осады в городе оставалось около 2 миллионов 400 тысяч жителей. Отказавшись в середине сентября 1941 года от немедленного штурма, гитлеровское командование решило взять город измором. Обстрелы, бомбардировки, перехват коммуникаций — традиционный набор средств и способов борьбы с осажденными с древнейших времен.

Ленинградцы противопоставили врагу мужество, стойкость и растущее день ото дня воинское мастерство.

Силы ПВО города во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта и Краснознаменным Балтийским флотом оборонялись весьма эффективно, иначе разрушений, причиненных Ленинграду было бы значительно больше. Самоотверженные действия летчиков истребительной авиации и губительный огонь зенитчиков вынуждали вражеских пилотов бомбить с большой высоты и таким образом вероятность поражения жизненно важных объектов существенно снижалась.

Германское командование отдавало себе отчет в бесполезности с военной точки зрения действий авиации над Ленинградом

БУДНИ ПОДВИГА

и тем не менее упорно их продолжало, хотя и малыми силами. Наиболее сильная артиллерийская группировка немцев находилась западнее Урицка. В группировку входили три дивизиона артиллерии с орудиями калибра 105–150 мм и два тяжелых дивизиона с орудиями калибра 180–210 мм.

У обороняющихся на первом этапе не было адекватных средств активного противодействия варварским действиям противника. Советская пушка калибра 152 мм образца 1935 года имела дальность 25 км. Другие орудия имели предельную дальность 9–21 км. К тому же нападающая сторона имело преимущество в размерах цели.

Немецким артиллеристам было все равно, куда попадет их «го-стинец»: в больницу, музей, жилой дом, заводской цех или некий военный объект.

Нащупать на расстоянии в два десятка километров точечный объект чрезвычайно трудно. Именно этим были вынуждены заниматься ленинградские артиллеристы. Первое время не хватало снарядов. Суточная норма на орудие в конце 1941 года составляла всего 3–4 снаряда.

Для снижения людских потерь немало сделали бойцы районных формирований местной противопожарной обороны (МПВО), в которых около 80 % составляли женщины. Была отлажена служба оповещения. Дежурные на улицах решительно требовали от жителей, застигнутых внезапным обстрелом, укрыться в бомбоубежище. Однако, как известно, дисциплинированность и строгое исполнение полезных предписаний не принадлежат к числу явных достоинств наших сограждан. Постепенно ленинградцы привыкли к почти ежедневным обстрелам и стали относиться к ним фаталистически. Игнорирование артобстрелов стало для некоторых ленинградцев доблестью.

1941

8 сентября

Ну вот, началось. Тревога за тревогой. Кончилась мирная жизнь. Грохают зенитки. Огненной чертой бороздят небо ракеты, прожектора. Опасность где-то близко, совсем близко. [Ивлева]

Наш эшелон стоял на запасных путях около Международного проспекта. Вдруг загудели сирены, паровозные и заводские гудки: «Воздушная тревога». Все выбежали из вагонов и бросились на землю. Загрохотали зенитки, стало жутко. А в небе мы увидели фашистские самолеты. Первый строй (10–12 самолетов) пролетел над нами. Показался второй (тоже 10–12 самолетов)... И тут началось... От самолетов полетели вниз какие-то черные предметы (это оказались зажигательные бомбы). Наташе показалось, что это «ласточки». <...> Но все эти «ласточки» стали расти, десятками падать на землю, шипя, разбрызгивая фосфорические искры, взрываться. Все вокруг запылало: горели мусор, бараки, сараи. Люди бегали и тушили «зажигалки» землей — кто с лопатой, кто с доской, а кто и просто горстями. Около барачков бегали, кричали, плакали. Над городом стояло зарево, висел черный дым. [Соколова]

В ночь с 7 на 8 сентября на территорию Главной водопроводной станции попало 7 фугасных и более 50 зажигательных бомб. Две фугасные бомбы повредили подземные резервуары чистой воды, основные фильтрационные сооружения, трубопроводы, подающие воду в городскую сеть и другие технологические объекты. «Зажигалки» вызвали многочисленные пожары. Территория станции была залита потоками воды. Однако, несмотря на серьезные повреждения, станция не была остановлена — город нуждался в подаче воды для тушения многочисленных пожаров.

9 сентября

Беспрестанные тревоги с 7 часов утра. Передышки на 5–10 минут. Вчера много натворили. Сбросили две бомбы у Финляндского вокзала — разрушены дома, конечно, не без жертв. У нас дом закачался, настолько был силен взрыв. Страшно сидеть в это время в коробке и ждать, когда... Нет, надо выходить. [Ивлева]

Вчера в 7 часов и в 10 часов 30 минут были серьезные налеты. Были бомбы, разрушенные дома, пожары и жертвы. Дом на Старо-

Невском разрушен, идут раскопки, упал сбитый самолет в районе 10-й Советской улицы, упала, но не разорвалась бомба на Сенной площади возле церкви. Где-то в районе Витебского вокзала — пожар. <...>

В 7 часов вечера была ужасающая стрельба зениток, казалось, что снаряды рвутся над самым нашим домом, затем были отдаленные глухие выстрелы. То же было и ночью. Я встал с постели, потушил свет и стал смотреть в окно. Ясная лунная ночь, иногда видны были вспышки разрывающихся снарядов, прожектора шарили по небу, и луна светила во все лопатки. Четыре раза слышал шум самолетов немецких (он не такой, как у наших), и тогда снова поднималась стрельба. Слышал взрывы сбрасываемых бомб. Но спокойствия не потерял нисколько, только какая-то нервная напряженность чувствовалась. Затем я снова улегся и стал читать. Квартира абсолютно пустая. Соседи ушли в газоубежище.

Тревоги снова и снова. В 10 часов вечера — уже десятая по счету. Сильная стрельба, в небе вспышки не то разрывов, не то сигнальные огни красного цвета, не то ракеты. Слышен гул самолетов — не наших, через некоторое время — зенитки и, по-видимому, взрывы бомб, несколько.

Стихло. 10 часов 35 минут. По официальным приблизительным подсчетам за вчерашний день сбито 5 немецких самолетов. Жаль — мало. Говорят, на Московской товарной был пожар в складах сахара и подсолнечного масла. Ну, и довольно об этом, если не будет чего-либо экстраординарного.

Я с 6-го числа нездоров, все тот же ишиас, но в легкой степени, так что с трудом, но хожу с палочкой, варю кофе, неизменный густой кулеш из пшена или гречневой. Это, конечно, затягивает болезнь, но выхода нет. Сегодня лучше. Вчера была медсестра, сегодня врач — Сергеева. Дала бюллетень до 12 октября. [Кулябко]

Нахожусь на командном пункте МПВО Нарвского района. Разрывы и падения бомб потрясают все здание. Сообщают о большом количестве пострадавших. Даю приказания о выезде медико-санитарных команд и дружин. Выхожу в очаг сам. Ушаковская улица. На улице сплошной шквал огня. Вспышки от выстрелов зенитных орудий, продолжающихся падений и разрывов бомб. Режущий холодящий звук падающей бомбы. Впечатление, что они падают на тебя. Дважды падаю на землю. Встаю и иду дальше. Очаг. Какой

дикий ужас! Разрушенный дом. Стоны и крики умирающих, изуродованные трупы. [Назимов]

Из документов Городского штаба МПВО: В 22 часа 25 минут тремя фугасными авиабомбами разрушен корпус 19-го галошного завода. Ранено 44 человека, убито 12 человек.

10 сентября

В 10 часов с половиной — тревога, и пошла стрельба вовсю. Слышен гул немецких самолетов, и тогда стрельба усиливается. Слышал 5–6 взрывов фугасных бомб, очевидно, «есть убитые и раненые», как пишут в сводках, и пострадавшие жилые дома. [Куплябко]

Тревоги продолжались целый день. А вечером чуть было и нам не попал гостинец. Случайно на этот раз остались живы, целы. Когда же наш черед? Опять тревога. [Ивлева]

8 и 10 сентября интенсивной бомбардировке подверглись Бадаевские склады. Из 135 строений уничтожены огнем 45.

На складах во время налета не хватало пожарного инвентаря, бойцов местного формирования МПВО, средств пожаротушения и пр. Крыши многих строений были настолько ветхими, что падающие зажигательные бомбы легко проваливались вовнутрь, где тотчас возникал пожар, который вовремя не удалось локализовать. На имеющиеся недостатки неоднократно указывал своему руководству директор складов, но начальство, обремененное, как ему казалось, более важными заботами, от него отмахнулось.

В ходе следствия, возбужденному по факту пожара, было выявлено много других нарушений, допущенных разными должностными лицами, тем не менее Военный трибунал войск НКВД Ленинградского фронта возложил всю ответственность на директора складов, начальника штаба МПВО и начальника пожарной охраны. Трибунал приговорил каждого из фигурантов к десяти годам лагерей. Их дальнейшая судьба неизвестна.

Из документов Городского штаба МПВО: В 22 часа 09 минут фугасной авиабомбой разрушен дом на ул. Маяковского, 9. Ранено 43, убито 2 человека.

В 22 часа 30 минут четырьмя фугасными авиабомбами полностью разрушен трехэтажный дом 25 и повреждены дома 27/14 и 26/а по Геслеровскому пр. Ранено 124 человека, убито двое.

11 сентября

Сегодня вот уже 12 часов тревоги раз за разом. Только одна длилась около полутора часов, во время которой слышал, кажется, взрывы бомб, думаю, что 5 взрывов. С утра снова бухали выстрелы тяжелых орудий, потом стихло. Стрельбы зениток почти не было, только много раз слышал гудение самолетов. <...>

Пойду на работу, соберем свою команду МПВО, прочту серьезное внушение, что пора бросить выполнение повинности, а нужно внимание и, самое главное, — не терять головы. Усилю охрану чердаков — от этого очень и очень многое зависит. Будут хныкать, конечно, мои дамы старые и молодые, но меня с позиции не собьют. В случае чего — и угрозу пушу — мое право и под суд отдать. Пусть пищат, но делают то, что от них потребовано.

Возвратился Николай Иванович, из Лигово добирался четыре с половиной часа трамваем, т. е. урывками между тревогами; на город, он говорит, налетают 7–8 [самолетов] немцев, ну, и наших столько же, отгоняют; там все время стрельба зениток, которую я не слышу. Когда он ехал туда, то у станции Дачное (8–10 км от города) по бокам поезда упало и разорвалось два снаряда из немецких дальнобойных орудий. Благополучно обошлось, а то была бы каша. Все же среди отправляющихся на трудовые работы жертв нет, хотя зачастую попадают под обстрел. В теперешней войне нет тыла — тыл, даже далекий, — фронт. Орудия бьют на 20–40 км, ну, а для самолетов дистанций и вообще не существует. <...>

Одиннадцатый час, тревоги нет. Странно, неужели дадут передышку? <...>

Ну, вот и дождался. В 11 часов тревога, а следом, через 2–3 минуты, — три взрыва, после чего начали стрелять зенитки. Сейчас первый час, слышно было около 10 взрывов, из них в трех случаях пол комнаты дрожал. Очевидно, не очень далеко. На крышу нашего дома, как раз над нашей квартирой, упала зажигательная бомба, но местной охраной была быстро ликвидирована.

Сейчас отдельный взрыв, но стрельбы нет, все стихло. Надолго ли? Да, тыл и фронт тесно сближены. Сперва была нервная дрожь в мускулах ног, но потом быстро все вошло в норму, только область сердца слегка стянута, и руки холодные. Но сам спокоен вполне, и голова четко работает. Ложиться спать, считаю, нельзя, во-первых, не заснешь, а во-вторых, лучше быть одетым. А все-таки

45 минут лежать и читать, думая, что на сегодня все обойдется. Пока довольно, отбой нет, почитаю свою книжку.

Час ночи — отбой, тревога — два часа. Ложусь спать, но вряд ли скоро засну — нервы все же натянуты. [Кулябко]

Из документов Городского штаба МПВО: В 10 часов 53 минуты пятью фугасными авиабомбами разрушены дома 5, 7 и 9 по Ушаковской улице. Ранено 30 человек, из них 9 детей, убито 43 человека. В 23 часа 20 минут фугасной авиабомбой разрушен дом — 5-я Красноармейская ул., 1/37. Ранено 73, убито 3 человека.

При авианалете на территорию Ленинградского морского торгового порта сброшено 13 фугасных и несколько тысяч зажигательных бомб. Огонь охватил склады магазина «Пассаж» и 14 других складов, чердаки завода, текстильной фабрики им. Бела Куна, недостроенное здание Института водного транспорта, портовую конюшню, автобазу и другие постройки. Пожарным удалось отстоять бензохранилища, склад ценного имущества, кладовую смазочных материалов.

12 сентября

Как странно — целый день не было тревог, кроме как с 9 до 10 утра. Правда, пасмурно, тучи нависли над городом и никаких «окоп» нет. Вот объяснение, почему нас не беспокоят немцы. Хотя пасмурно, но день еще не кончился. <...>

С пожарами все же борьба идет успешно; судя по сообщениям, десятки бомб ликвидируются местными силами групп самозащиты. Хотя одного из них — мальчика лет 14–15 убило этой бомбой на крыше, еще он с этой крыши и упал. Говорила Сергеева.

Сегодня целый день стрельба из тяжелых орудий — значит, немцы еще слишком близко. <...>

В 9 часов 40 минут тревога до половины одиннадцатого, все было тихо — ни выстрелов, ни взрывов. В начале тревоги три раза стучал Николаю Ивановичу, но он спал и не проснулся — вот бревно, а во время тревоги спать нехорошо. Ну, думаю, что теперь можно лечь. Тучи по-прежнему, накрапывает дождик.

Сейчас же после тревоги пошел в поликлинику, к доктору Сергеевой. Не пустила на работу, сказала, чтоб снова пришел 16-го. Спорить, конечно, не приходится. [Кулябко]

13 сентября

Около 7 часов услышал сильный взрыв, непонятно — тревоги нет, затем еще два и еще один. Так, не понимая, и заснул. Утром говорят — снарядом разрушен дом на углу Гражданской и Столярного. Значит, немцы обстреливают нас из дальнобойных тяжелыми «чемоданами» так же, как обстреливают Дувр. Логика — раз нельзя бомбить с самолетов по случаю сплошной облачности, немцы бомбят из пушек.

Проехал на Лесной пр., по дороге видел много, и это ничтожная часть действительности. Бомба на Литейном, между ул. Некрасова и Невским, разворотила улицу и рельсы. Движение трамваев идет вкруговую. Около Кирочной в половине квартала — ни одного стекла, часть окон выбита с рамами, в домах людей не видно, на улице чинят мостовую в двух местах, видимо, тоже попадание в мостовую, но не в дома.

Кажется, на Кирочной или соседней улице — забор, закрыто движение — груды мусора. Очевидно, дом пострадал. Трехэтажный больничный корпус Военно-медицинской академии разрушен. Стоят три стены, четвертая вылетела, окна и двери — тоже.

Еду обратно по ул. Жуковского — развалины двухэтажного деревянного дома, в поперечной улице груды мусора и досок. Напротив вылетела вся стена пятиэтажного кирпичного дома, почти во всем квартале в окнах выбиты стекла во всех домах на противоположной стороне. Кое-где жильцы заделывают окна фанерой, кое-где болтаются занавески, шторы затемнения и пр. Воображаю, что творится в квартирах, а что делалось в домах разрушенных? «Есть убитые и раненые», говорится в официальных сообщениях. Жутко, лучше не задумываться.

7 ч. 15 мин. — отбой тревоги, длившейся 45 минут. Слышно было 5 взрывов, но неизвестно чего, так как примерно с половины шестого происходил артобстрел города и было выпущено около 10 снарядов, я слышал визг одного и сильный разрыв, очевидно, где-то близко, а я стоял в воротах — был на почте, в этот момент шел по площади какой-то гражданин, который растянулся, будто его ветром сдуло. Но волны не было, видно, со страха. Со всяким может то же случиться; ощущение все же не из приятных — сужу по себе. <...>

Вновь начался обстрел. По слухам, снарядом, упавшим на площади Труда, убито и ранено довольно много людей, убит постовой

милиционер, девушке одной оторвало обе ноги, другой вырвало часть бедра и прочее, и прочее. Снаряды падают на нашем, на Сенном рынке и рвутся, но что они натворили — кто знает сейчас. Завтра кое-что узнаем. Последний разорвался в 9 ч. 20 мин., а интервалы один от другого — до 15 минут. Сидишь и ждешь — куда же угодит следующий. Ведь это слепой обстрел, а не по определенным целям, так что все зависит буквально от слепого случая.

Обстрел на меня действует резче, чем бомбежка. Там как-то соберешься весь на время тревоги, дан отбой — и снова спокойно, нервное напряжение спадает; а здесь все время «под током», если можно так выразиться. [Кулябко]

14 сентября

Утром пошел на работу в Институт холодильной промышленности, хотя и воскресенье, хотел узнать, что и как делается вокруг Ленинграда.

Узнал и грустную новость. Римма Александровна — милая женщина, химичка нашего института, убита бомбой в первую же бомбежку. Уже похоронили. Жаль ее очень. Под пулемет попал Альперович, заведующий одной лабораторией, — очередь прошла его пополам. <...>

Тревога кончилась, вновь выехал и сейчас же попался трамвай. По дороге новые виды: студия Мариинки и ряд прилегающих домов — без стекол, около Никольского собора — без стекол, на площади Труда — то же. Крупных разрушений не видно.

Доехал до Среднего пр. Тревога, и все мы оказались в подворотне на целых полтора часа. В конце тревоги видел 10 наших быстроходных истребителей, затем прошли 6 «старичков» — бипланы, медленные по сравнению с первыми. Затем отбой, и я продолжил свой путь. Бесплатно проехал одну остановку, дошел до места.

Говорят, что сегодня во время тревоги их было десятка четыре, правда, с обеих сторон. Ни стрельбы, ни взрывов сегодня не слышал. Слышались только выстрелы наших дальнобойных орудий, то ли с фортов, то ли с кораблей, благодаря которым мы и удерживаем узкую прибрежную полосу от Кингисеппа до нас, это примерно 100–120 км.

11 ч. 10 мин. вечера. Ложусь спать. Надеюсь, что ночь пройдет спокойно. К предыдущим разрушениям еще добавились новые. Вот

только часть из них: паровозное депо на Московской товарной, родильный дом на Международном проспекте, говорят о 63 жертвах, от которых и останков не удалось собрать. В районе Лесного пр., в конце, чуть ли не целый квартал разрушен.

Вообще, в эти дни Ленинград почувствовал сильно, что он уже не тыл, а фронт. Пушченку, которая вчера обстреливала нас, очевидно, ликвидировали, иначе и сегодня это «угощение» было бы. Интересно знать правду — сбито ли хоть сколько-нибудь немцев вчера и сегодня. Говорят, что самолеты у немцев есть, а летчиков у них уже сильно не хватает. Но ведь это все только говорят. [Кулябко]

16 сентября

Сегодня целый день стрельба наших и, говорят, немцы обстреливают Кировский завод. Они, как говорится, у ворот Ленинграда. Лигово занято, а ведь это всего 13 км. Все ближе и ближе, и кажется — нет такой силы, которая смогла бы их остановить. Нужны танки, самолеты, минометы и кадровые войска, а не ополчение, которое еще слишком зелено и не сможет дать того, что могли бы испытанные бойцы. А всего этого-то и нет. Речи, афиши, призывы — всем этим мы уже сыты достаточно. Видно, придется пережить тяжелые времена, если удастся пережить. [Кулябко]

Из вечерней сводки Совинформбюро: Германское информационное бюро распространило сообщение о том, будто во всех районах Ленинграда «по указанию политкомиссаров» производятся взрывы общественных зданий и якобы уже разрушены вокзалы, почтамт, правительственные здания, школы, жилые дома и другие здания. Германское информационное бюро ссылается при этом на показания каких-то советских пленных.

Это сообщение германского информационного бюро является гнусной ложью. Оно свидетельствует о том, что немцы, подготавливая в широких масштабах бомбардировку невоенных объектов Ленинграда, стремятся заранее снять с себя ответственность за подобные варварские действия. Однако этот жульнический маневр не введет никого в заблуждение. Весь мир прекрасно знает, что гитлеровские мерзавцы способны лишь на самые подлые дела.

18 сентября

Прошел еще один тяжелый день. С 12 ч. дня вновь начался обстрел города из тяжелых дальнобойных орудий, продолжался почти до 7 ч. вечера. Первое время неясно было, кто стреляет, но потом я слышал разрывы снарядов так близко и сильно, что в институте звенели стекла. Конечно, на душе неспокойно, после каждого выстрела невольно встает вопрос, а не угодит ли следующий снаряд к нам. Сперва дрожало что-то немного внутри, сердце стало биться тревожнее, потом улеглось. Исчезла неожиданность, исчезло беспокойное ожидание следующего разрыва.

Пошел обедать около 1 часа (теперь как-то все перемешалось, и если не пообедать в это время, то рискуешь не получить наиболее питательные вещи, а это важно). После обеда взял селедку, рассчитывая ее съесть с чаем часа в 4, кстати, с селедкой дают немного свеклы и картофеля, что тоже очень важно. Пришел сотрудник обедать, сел против меня, в это время выстрел. Он говорит, а знаете, В.Г., пойдите-ка лучше в бомбоубежище. Нет, говорю, я уж лучше пообедаю, а то и до вечера будешь сидеть в бомбоубежище голодный. Я остался, а он ушел. Потом я ходил по своим обычным делам и старался вести себя так, как будто и обстрела никакого не было. Со временем страх исчезнет, выработается привычка.

За время первых бомбежек в городе разрушено 28 домов, а сколько же жертв? Много. По непроверенным данным часть снарядов попала в дом на площади Труда, в здание Сената, где-то на ул. Герцена, около Невского, в швейную фабрику на углу Мойки и Гороховой, в проулок с Дворцовой площади к Мойке, на проспекте Красных Командиров, на Лермонтовском пр., и еще говорят о вокзалах. Завтра эти данные будут пополнены, так как снарядов было выпущено много, а ведь каждый несет разрушение, смерть, пожар. Больших пожаров, как будто, не было, хотя по вечерам говорят о виднеющихся заревах. Около 6 часов пошел домой, тотчас при выходе — выстрел, подхожу к Садовой — еще. Публика идет, кое-кто, видимо, спешит. Неприятно было идти по Садовой, так как все выстрелы шли в этом направлении. Казалось, что это опасно, но разум говорит, что это все равно. Подхожу к булочной — снова близкий, как показалось, разрыв. [Кулябко]

Из документов Городского штаба МПВО: Во время обстрела центральной части города, снаряд попал в здание Центрального

государственного исторического архива на наб. Красного флота, д. 4. На чердаке возник пожар. Одновременно загорелись круглый зал и третий этаж. Огонь охватил деревянные стеллажи с историческими документами. Учитывая огромную ценность хранящихся документов и то, что здание архива является ценнейшим памятником русской архитектуры, руководство противопожарной службы направило на спасение здания дополнительные силы. На тушении пожара и спасении документов работали подразделения 17-й и 37-й пожарных команд, студенты факультета пожарной обороны ЛИСИ. Рота комсомольско-молодежного противопожарного полка, сотрудники архива и рабочие, ведущие поблизости оборонные работы, выносили архивные документы. Общими усилиями пожар был локализован за два часа и полностью потушен в течение шести часов.

19 сентября

Вот уже полтора часа тревога. Палили зенитки, где-то близко был взрыв, очевидно, опять есть ужасные следы этих взрывов. Сегодня вообще в этом смысле жаркий день. Тревоги начались с половины девятого, я на работу попал в 10 часов. И вот там снова тревоги, одна без заметных последствий, вторая — с большими последствиями. Два или три взрыва были настолько сильны, что задрожали полы в 1-м этаже, где я был как раз в это время. Упали бомбы на углу Невского и Рубинштейна, на площади Нахимсона, еще где-то поблизости. Потом в нашу поликлинику и на Демидовом пер. в школу, где теперь госпиталь.

По вчерашнему дню есть дополнительные сведения — на Садовой около Музея железнодорожников, на ул. Декабристов сзади дворца Юсуповых — в больницу, в этих двух местах до 40 человек убитых и раненых, на Исаакиевской пл., в гомеопатическую аптеку на канале Грибоедова и т. д. Всего не упомнишь и не перечтешь.

Сегодня по Садовой после бомбежки стали ходить трамваи — №№ 2, 9 и 22, очевидно, по их маршруту сеть тоже повреждена, и ничего точно никто не знает, так, собираю все от очевидцев. На пл. Нахимсона напротив собора бомба попала в трамвай № 17, от которого и следа, говорят, не осталось. Но публика успела выйти, и только многие получили ранения стеклом. Видел два пожара — на Невском, угол Рубинштейна, и еще где-то поблизости. Это,

очевидно, результат тех взрывов, что вызвали содрогание полов в институте.

Тревога кончилась, под эту «музыку» написал письмо сыну — жив, здоров, спокоен. Последнее все же достаточно точно отвечает моему состоянию, только, конечно, нервы на подъеме, но надо привыкать. Впереди еще предстоит этих ощущений достаточно хлебнуть, и если не держать себя в руках, то будет хуже.

Идя со службы, встретил грузовик, весь наполненный свежескопченными гробами — «есть убитые и раненые», вот и последний показатель этой трафаретной фразы. Убитых, думаю, не одна и не две сотни за эти краткие дни.

Двенадцатый час, тревога длилась 1 ч. 50 мин. Что-то даст завтрашний день? Сегодняшний — прожит.

Оказывается, еще не прожит, через 10 мин. — снова тревога, и вот 12 ч. 20 мин. — отбой.

Ну, теперь спать, день, надеюсь, кончился. Ошибки с сигналом тревоги, ошибки с отбоем. Днем сегодня дали сигнал [отбоя] в момент взрыва бомбы. Теперь я слышал гул самолетов, и только через 2–3 минуты дали сигнал. Что-то с сигнализацией, видно, неладно стало. [Кулябко]

Из документов Городского штаба МПВО: Полностью сгорел военный госпиталь на Суворовском пр., д. 50. После попадания в здание фугасной бомбы рухнули междуэтажные перекрытия и возник пожар. Спасение пострадавших с верхних этажей было крайне затруднено. Разборка завалов продолжалась три дня. Было извлечено 90 трупов. Убито и ранено 442 человека, в том числе 160 сотрудников госпиталя.

В тот же день в 9 часов 05 минут вечера в правое крыло здания Театра оперы и балета имени Кирова попала 250-килограммовая фугасная бомба. Здание получило серьезные повреждения. В 16 часов разрывами пяти фугасных авиабомб разрушены дома 12, 14 и 16 по Стремянной ул. Ранено 130, убито 39 человек. В 16 часов 05 минут фугасной авиабомбой разрушен дом на ул. Правды, 14. Ранено 84, убито 2 человека. В 19 часов фугасной авиабомбой разрушен дом на Республиканской ул., 28. Ранено 40, убито 33 человека. В 21 часа 55 минут двумя фугасными авиабомбами разрушены д. 1/а и 1/б и на Новосивковской ул. прачечная. Ранено 30, убито 6 человек.

20 сентября

Как странно — сегодня тихо — ни самолетов, ни артиллерийского обстрела, которого я ожидал, так как день с утра был дождливый, затем густая и низкая облачность, так что самолетов ждать не приходилось, значит, восполнить надо обстрелом орудийным. Но его не было, возможно, что батарея подавлена. Но день еще не кончен и поэтому воздерживаюсь лечь спать. Да, вчерашняя бомбежка много дел натворила: на Петроградской стороне два пятиэтажных дома разрушены, раскапывали, а теперь экскаваторы разгребают щебень, мусор и пр. Улицы Стремянная и Кузнечная (со стороны Владимирской пл.) представляют собой руины, бомбой разрушено убежище при нашей поликлинике и т. д. Трамваи 2, 9 и 22 больше не ходят по Садовой. Возможно, пути их изменены. Адмиралтейство повреждено; около моста [Лейтенанта] Шмидта на Васильевском острове упали на мостовую две бомбы, но вреда, кроме воронок и стекол, нет. Жертв много, и пожаров порядочно. Еще разрушено здание около Смольного на Советском проспекте, кажется, там был госпиталь. Видел две команды с ломami, лопатами, идущих на раскопки. <...> Сегодня город живет своей обычной жизнью — полны трамваи, улицы, бесконечные очереди и пр. <...>

Спать не вышло, только лег, согрелся (в комнате холодно, 11 градусов по Реомюру [около 13 °C]), как в 11 часов 15 минут тревога. Пришлось быстро одеться и прождать 45 минут до отбоя. Ни стрельбы, ни взрывов не слышал. Но опять странно — за 10 минут до тревоги я слышал отдаленный шум самолетов и все ждал сирены, успокоился, взял книгу, и вот тебе — тревога. Ну, теперь лягу, наверное, уже не потревожат. [Кулябко]

21 сентября

Не доезжая до Финляндского [вокзала] — тревога, влез в парадное. Там предложили пройти в бомбоубежище. Зашел из любопытства. Неплохое, дал несколько мелких, но существенных указаний по конструкциям, поблагодарили, сказали, что обязательно сделают. Только приехал домой — тревога. После, в первом часу — Д.К. приходит, а я как раз собрался полакомиться картофелем. Обращался очень, сварил и на его долю и с постным маслом, как он ни отказывался, заставил его позавтракать, и сам — тоже. Поговорили часа два, пришли к выводу, что с Ленинградом положение,

чувствуется, что улучшилось. И действительно, можно уже через Лигово добраться до Володарской, это 19 км, значит, в Лигово немцев уже нет. <...>

Во время тревог наблюдается многими пускание ракет (их так и называют — ракетисты, и гоняются за ними). На заводе Д.К. во время тревоги осветили четыре окна, и свет погас только тогда, когда окрестности стала стрелять в освещенные окна. Была сигнализация в доме около моста [Лейтенанта] Шмидта и т. д. Все же в городе наблюдается много случаев, когда всякая сволочь помогает немцам за счет жизни населения. Но кто они — недовольные, или нанятые шпионы, или и те, и другие — нам не дано знать, но факт остается. <...>

На Сенной народ говорит — воздушный бой; смотрю, два самолета кружат и петли делают один над другим, а в это время один большой, очевидно, бомбардировщик, быстро уходит от них на север, и окраска его была темная. Странно, и тревога прекращена.

Зашел в керосиновую лавочку — тревога. Взял керосин, вышел к воротам в Таиров пер., поругался с милиционером — уж очень он громко кричал, чтобы я дальше от ворот ушел. Но через 2–3 минуты я все же вышел и быстро пошел к себе. На углу милиционеру буркнул, мол, иду в бомбоубежище напротив, и пришел к себе. Сделал все дела, хотел все поспать, но не вышло, снова тревога, под которую я напил кофе, — не разогревать же его вновь, когда керосину дают так мало. Почистил картофель на завтра — отбой. Будет ли еще — так хочется выспаться. Взрывов отдаленных слышал три. Хотел кое-где осмотреть сегодня разрушения, да так и не было времени. А Н.И. все удивляется — что это вы все по городу ездите, когда все время тревоги? Ну, а что я буду все время дома сидеть? <...>

Сегодня с Д.К. решали, что лучше — артиллерийские обстрелы или воздушные тревоги с бомбежками. Все же и я, и Д.К. на основе имеющихся разрушений пришли к выводу, что практически обстрел лучше, хотя и сильнее действует на нервы. Странная жизнь заставляет обсуждать.

Лягу, почитаю, а через час, если ничто не помешает, — спать. [Кулябко]

22 сентября

С 7 часов утра до 6 вечера — тревоги и снова бомбы, хотя сильных взрывов слышал 2–3; один — исключительной силы — в 4 часа,

снова задрожал пол. Мне показалось, что взрыв на территории института, потом оказалось — в Гостином дворе, часть стекол вылетела в угловом помещении Апраксина двора. О жертвах пока не знаю, но вообще за эти немногие дни статистика дала не менее 500 человек убитых и, по крайней мере, двойное количество раненых.

Беседовал с одним из начальников пожарных команд. <...> В особенно тяжелый день 19 сентября было много жертв. Он говорил о людях, придавленных лестничными ступенями и стонавших о помощи, о группе детей, заваленных грудой обломков разрушенного здания, о людях, разнесенных на части, которые он собирал, и пр. Ужас цивилизации, культуры и прочих достижений человеческого разума. Говорил о пятиэтажных домах, буквально превращенных в груды мусора в той части, в которую попала бомба, и еще на большом расстоянии. Спасения нет для тех, кто живет на пространстве чуть ли не 20 метров по длине дома, куда угодит бомба. Потопки, балки превращаются в щепки и летят на большие расстояния. Сила взрыва ужасна, а плюс к этому — бомбы комбинированные — фугасные и зажигательные.

Еще одно бомбоубежище, кажется, на Петроградской стороне, обрушилось. Кого благодарить за такие «убежища»? [Кулябко]

Из документов Городского штаба МПВО: В 14 часов 43 минуты разрывом фугасной авиабомбы разрушено пять торговых помещений в Гостином дворе. Ранено 134, убито 98 человек.

23 сентября

Сегодня день тревог. Началось с 8 ч. утра и продолжалось пока до 7 ч. вечера. 10 тревог было, измучили народ, не давали работать; под конец многие в домах уже не обращали на них внимания, тем более, что взрывов не было слышно. Говорят, что где-то на Петроградской стороне все-таки сброшена бомба. Был слышен сверху почти непрерывный шум самолетов.

Так много слышишь о разрушениях, что запоминаешь только малую часть их. На ул. Правды бомбардировщик сбросил весь свой груз — 9 бомб (упали на улицу), причем ряд домов разрушен сверху донизу только от действия взрывной волны. В Гостином дворе в центре большие разрушения и очень много жертв. Сегодня с нашего чердака видели, как два немецких самолета загорелись

в воздухе и рухнули вниз. Аэростат с двумя наблюдателями напротив Витебского вокзала был прострелен немецким самолетом из пулемета и загорелся в воздухе. Наблюдатели выбросились на парашютах. <...>

Сегодня попал в милицию. Я шел на работу после тревоги, в дороге опять тревога, а я уже дошел до Фонтанки, еще 3 минуты, и я был бы в институте, но тут меня сцапали и грубо, как это теперь часто бывает, обошлись. Я тоже заорал: не делайте глупостей и не грубите! Ну, и посидел в милиции. По дороге еще одну женщину захватили. Обошлось без штрафа. А вообще милиция стала очень груба. <...>

11 часов 30 минут. Кончилась тревога, а началась она в 9 часов 50 минут, т. е. продолжалась 1 час 40 минут. Как всегда, надел пальто, калоши и, приоткрыв дверь на лестницу, слушаю. Зениток не слышно, послышались самолеты. Через некоторое время — свист — один, второй, значит, — мимо нас. Взрыв один, другой, потом еще и еще. Самолеты не жужжат. Почти спокоен, но напряжен. Решил спуститься по парадной лестнице вниз — безопаснее. Захлопнул квартиру, парадную и ушел. На улице звездная ночь, светло от звезд. Проехали по Демидову к Мойке санитарные машины, прозвенели пожарные по Сенной площади. Разговоры дежурных постовых — холодно.

Много прошло времени — снова самолеты; раздалась стрельба зениток — видны сперва отблески света на домах, затем — выстрел. Много было стрельбы, наконец, все стихло. Пошел к себе. Шура возвратилась, тоже была, как и многие, внизу, только на черной лестнице. На парадной тоже с верхних этажей сидели люди. «Не жизнь, а малина». Кто мог предполагать хотя бы за 4–5 месяцев, что все это случится?

Через 5 минут по приходе — отбой. Лягу спать, думаю, что эта 11-я тревога — последняя. Завтра узнаю, куда попали бомбы. А где-то в это время раздаются стоны раненых, а убитым уже ничего не надо — для них все кончилось. [Кулябко]

С 21 по 23 сентября массированным налетам, в которых участвовало до 400 самолетов, подверглись город Кронштадт и корабли Балтийского флота.

Противнику удалось нанести серьезный ущерб. Были потоплены лидер «Минск», сторожевой корабль «Вихрь», подводная

лодка «М-74», сел на грунт транспорт «Леваневский». У линейного корабля «Марат» разрушило и оторвало носовую часть до второй башни и он вышел из строя. Различного рода повреждения получили линейный корабль «Октябрьская революция», эскадренные миноносцы «Грозящий», «Славный», «Стерегущий», посыльное судно «Пионер», ряд плавсредств. Пострадал и сам город Кронштадт. Серьезные повреждения причинены Морскому госпиталю, Морскому заводу (разрушены два цеха), выведен из строя Завод артиллерийских приборов, повреждены здания, доки, городские коммуникации. Погибло несколько сотен военных моряков и жителей города.

24 сентября

Сегодня пасмурно, поэтому только две тревоги и как будто бомб сброшено не было. Взамен идет артиллерийский обстрел, правда, окраин — южной части примерно от окружной железной дороги, через Международный и, как говорят, — Васильевский остров. Упорно говорят, что три дня бомбили Кронштадт, говорят, что есть ряд пожаров.

Вчера было много жертв. На Лиговке, около Московского вокзала два или три дома разрушены, на углу Фонтанки и Измайловского проспекта разбит четырехэтажный дом, одна бомба не разорвалась в Гостином дворе. Говорят, 180 убитых и раненых, и снова «бомбоубежище» завалилось. Это уже третье. Вот забота тех, кому надлежит думать о жизни людей. Преступники, которых нужно стрелять, а непонимающий народ лезет в эти массовые гробы.
<...>

Как хорошо было бы, если бы не было ночных тревог — от них чувствуется большая нервная усталость. В комнате по-прежнему 11 градусов, на дворе — от нуля до плюс пяти (по Реомюру). Осень. Хоть бы зима скорее. Хочется думать, что зимой немцы будут значительно слабее, чем теперь. [Кулябко]

25 сентября

Какие иногда случайности бывают при взрывах бомб: когда бомба ударила в трамвай, то задний вагон был разбит в щепки, также и значительная часть переднего, кусок рельса со шпалами был оторван и далеко выброшен, стекла поранили многих пассажиров,

уходивших от трамваев на тротуар. А вагоновожатый и два кондуктора на передней площадке — целы и невредимы. Второй случай — рухнул дом от взрыва, и женщина на верхнем этаже съехала вниз вместе с домом, отделавшись только царапинами. [Кулябко]

26 сентября

Смотрел сегодня разрушения на соседней с институтом улице Правды. Много жертв там было в тот день, 19 сентября 1941 года. Говорят, до сих пор там не найдена при раскопках одна девочка. Видел пятиэтажный дом, бомба попала через крышу. В результате взрыва осталась только коробка дома, ни перекрытий, ни перегородок; раскопки продолжаются, свалены обломки кроватей, пианино, прочего скарба. Следующий дом почти в таком же состоянии. Дальше с боковой стороны бомба попала в стену, шла под углом около 40 градусов, что внутри — не видно. Осколки, как оспой, покрыли дом напротив выгрызами кирпичной стены. Дальше четырехэтажный дом, угол которого разрушен. Большие участки мостовой выдолблены (бомбы частью упали на улицу, разбив водопровод). Два квартала домов с выбитыми стеклами. Тяжелая картина, пожалуй, больше не буду смотреть.

Во двор больницы Эрисмана упала бомба, но не взорвалась. Разрядить ее не могут, как говорят, и какая-то стрелка там крутится. Может быть, бомба замедленного действия? Всех больных перевели, жильцы окружающих домов выехали кто куда. И теперь ждут — взорвется или нет, и когда. Хорошее состояние.

Были обстрелы города, но не такие сильные, как те, которые я отметил раньше. А город шумит, все движется, бегают в погоне за жалкими крохами выдаваемых продуктов. [Кулябко]

Тревожная ночь была как никогда. Два раза спускались в бомбоубежище. Юра волновался. Сидели, прижавшись друг к другу, напряженно вслушиваясь, вздрагивая от каждого удара зениток. [Ивлева]

27 сентября

Мы сегодня опять пережили жуткие минуты. Опять этот пронзительный свист, удары, скрежет и грохот, земля дрожит под ногами. Опять думала, что всё — конец, нет, это только рядом с нами, мимо нас пока пронесло.

Павел, родной, всегда ли счастье будет с нами? Я хочу жить, хочу видеться еще с тобой, хочу слышать твой голос, видеть любимые глаза. Мы должны еще быть вместе, должны всё вынести и победить всё нашей любовью. И Юрка — это символ нашей любви. Мы еще будем все вместе втроем. Хочу этого, верю в это.

А ночь была беспокойная, артиллерийская стрельба, свист снарядов и тяжелые взрывы где-то. Жалко Юрика: вот он спит так хорошо, и вдруг этот ужасный вой сирены, и мальчик вскакивает, дрожа, одевается, сонный спускается вниз. А ведь были ночи, когда не один раз... Вот и сейчас — боюсь лечь спать, чтобы не проспать тревоги, а спать хочется очень. Ну, ничего, только скорей бы все это кончилось. Скорей бы! [Ивлева]

Сегодня сравнительно тихо; в 7 часов утра — тревога — 45 минут; в девять с половиной — тревога — 30 минут; днем — тревога — час, сброшены бомбы на пр. К. Маркса у Бабурина пер., бомба упала на мостовую, жертв нет, вторая — тоже на мостовую у Литейного моста, кажется, тоже без жертв. Последняя тревога — в шесть с половиной часов. Есть ли последствия — не знаю. Ночью — обстрел города с 11 до 7 утра, так под выстрелы и заснул. Обстреливали преимущественно Васильевский остров, движения по Среднему проспекту почему-то не было, почему — не знаю.

Бомбоубежище в Гостином дворе все же выдержало, и еще вчера выводили оттуда людей, через пролом спускали им воду и пищу. Представляю себе их состояние. Все же бомбежка — ужас и преступление, и дело последующего устройства — уничтожить такой способ войны, если нельзя ее вообще ликвидировать. <...>

Только что объявили, что сегодня было сброшено много мелких осколочных бомб с целью максимально увеличить число людских жертв. Стоять в подворотне опасно.

29-го предложено провести занятия в противогазах. Думаю, что и это придется еще испытать ленинградцам.

Соседка рассказала, что в районе Литейного моста и Финляндского вокзала сброшены бомбы — масса стекол и, говорили ей, много жертв. Она как раз была там во время дневной тревоги. [Купябко]

28 сентября

Только что окончилась тревога, не помню уж, какая по счету, длилась полтора часа; пожалуй, самая ужасная из ночных. Почти все

время слышал жужжание немецких самолетов (как всегда, стоял в дверях парадной). Все время — смена нервных состояний: удаляется — спокойно, жужжит, как кажется, над домом — с растущим напряжением ждешь взрыва. Слышал свист одной бомбы и счет потерял взрывам. Во время одного из них дверь моей комнаты раскрылась. Взрывы казались очень близкими. Слышал — проехала карета скорой помощи. Оглушительная стрельба зениток, это длилось около часа. Потом стихло — отбой. В соседней квартире у дверей все плакал ребенок, каково-то их нервам выдерживать этот ужас, когда и наши с трудом его выдерживают. Вышел на улицу — пожар слева по Международному, пожар в направлении Никольской церкви и третий пожар — утверждают, что горит Московский вокзал. <...>

Прихожу домой, по дороге догоняет Д.К., очень обрадовался, поговорили, поиграли в шахматы, переждали тревогу, около 4 утра он ушел домой, а я поехал на Лесной посмотреть квартиру сына. Оказывается, что в дом вчера попала бомба со стороны, противоположной Лесному. Убитых трое, ранено семь или девять, в том числе есть тяжелые — оторвана нога, разворочено бедро и пр. Кроме того, около Финляндского вокзала — бомба, много жертв, так как попала в толпу.

Пришел домой и через 20 мин. — тревога, но для меня тихая, ну, а потом начался ужас. Говорила Вера, что из родильного дома сводили женщин в подвал, даже она поражалась, что мать шатается, а ей еще дают ребенка, и она, шатаясь, доходит до подвала и потом сидит на скамье. Разве нельзя было это для них устроить поудобнее, никто об этом не думает; да и кто об этом будет думать? В их убежище во время налета и взрывов было очень беспокойно — плач, вскрикивания, чуть ли не истерики. Да, воевать больше так нельзя, может быть, когда уничтожим эту гадину, то удастся до чего-либо договориться, чтобы как-то ограничить средства и способы убийств.

Хотелось бы, чтобы эта ночь прошла спокойно — хватит и без того. Вот уже скоро месяц, как не знаем почти ни одного спокойного дня, а тут еще, как назло, лунная ночь, и нет никаких намеков на облака и дождь.

1 час 10 минут — тревога; 1 час 40 минут — отбой, ночь перебита. Возможно, еще будет, приходится одеваться. Вера ушла в убежище. [Кулябко]

Из документов Городского штаба МПВО: В 20 часов 30 минут фугасной авиабомбой разрушена большая часть дома на ул. Дзержинского, 40. Ранено 99, из них 12 детей, убито 11 человек.

29 сентября

Сегодня тихо. В 5.30 была тревога, был в институте, сидел в подвале, длилась час. Пришел домой и вскоре тоже тревога — в 7.35, окончилась в 9 ч., была стрельба зениток, как будто слышны были 2–3 взрыва.

Вчерашний ужас не кончился нашим районом. На Гороховой, между Садовой и каналом Грибоедова, повреждены два дома, говорят, много жертв. Бомба сделала огромную воронку между садиком у памятника Екатерине и павильонами Аничкова дворца. Павильоны ободраны, без стекол. В Инженерном замке — две бомбы: одна попала в сад, другая срезала поподину двух- или трехэтажного домика у замка со стороны, выходящей на Садовую. Во Дворец пионеров и около, на Невский, — две бомбы. Все стекла по Невскому от Садовой до Аничкова моста и несколько дальше — вылетели. На Черниговской, на Выборгской, у Балтийского вокзала, на Охте и еще, не знаю где, тоже разрушения.

Налет кошмарный. Повторится ли он сегодня? Все говорят — ах, хотя бы туман или дождь, а барометр стоит как проклятый, к вечеру было облачно, а принес же черт немцев.

Я не хочу уже ходить по опустошенным местам — тяжело, и мысль, что столько людей в этих местах нашли смерть, переносят страдания от ранений, иногда тяжелых, оставляющих их калеками, сильно действует на нервы, которые надо беречь для дальнейших испытаний. А сколько же их еще придется пережить? [Кулябко]

30 сентября

Как чудесно я выспался прошлой ночью! Дождался, как всегда, 11 с половиной часов и лег спать. Тревог не было, и я проснулся, как обычно, в 6 часов, прослушал сводку и заснул до половины восьмого. Хорошо. День прошел тихо, с утра густой туман, затем слегка проглянуло солнце, потом небо покрылось ровной высокой облачностью, но, как говорят, видимость хорошая, знал, что налет будет. <...>

Так и вышло. В пятом часу тревога, но сравнительно тихая, изредка слышны зенитки. В начале шестого кончилась. Поспешил домой, захватив из столовой несъеденные две оладьи и микроскопический кусочек свинины с макаронами. Полежал, и чувствую — есть хочется. Долго думал, есть или не есть. Решил все же расстаться с двумя маленькими картофелинами из своего двухкилограммового запаса и только что их вымыл, предвкушая, что через полчаса буду сыт.

В 7 час. 35 мин. вновь — тревога. Вскоре раздалась сильная стрельба зениток, через некоторое время слышу — жужжит проклятый, куда-то ты прожужжишь, на чью голову сбросишь свой смертоносный груз? Ушел, потом вернулся, но, очевидно, сбросил бомбы далеко, так как трудно было отличить отдаленный взрыв от дальних глухих зениток. Стало тихо, пошел, свернул папиросу, слышу — опять стрельба, и опять прожужжало уже несколько самолетов — вторая волна. Ушли — легко стало, стрельба зениток впечатления не производит. Вновь вернулись, где-то далеко раздалась как будто взрывы, постепенно стрельба стихла, через 20 минут — отбой. Все длилось 1 час 20 мин. Что-то наделали в этот налет?

Вот уже три недели подряд, как нет покоя от бомбежек. Каждый день несет волнение всем, одним смерть, другим мучение тяжелых или легких ран. Масса и серьезных ран стеклом.

Точно узнал, что в Гостином дворе бомбоубежище все-таки рухнуло и много народа раздавило. Немногие из него спаслись. Вытащено уже 102 трупа и это еще не все. Как мы не готовы к бомбежкам! А было время — комиссии ходили, смотрели и допускали. Я лично смотрел часть их, в том числе три — в Апраксином дворе. До ужаса сделано безграмотно и исключительно небрежно. Когда мне предложили войти в бомбоубежище и я увидел, что оно из себя представляет, я вышел из него и стал под арку снаружи, а на настоятельное требование войти в убежище резко заявил, что в гроб я не пойду. Это большое преступление — так относиться к людям в такое тяжелое время. [Кулябко]

Из документов Городского штаба МПВО: в сентябре на город было совершено 23 налета. В них участвовало 675 самолетов противника. Погибло 556, ранено 3 853 человека. От зажигательных бомб возникло 282 крупных пожара, 11 250 загораний было ликвидировано населением.

1 октября

Вчера — обстрел города. Сегодня начали с двух часов дня и до шести. Кировский завод пострадал сильно — до 20 снарядов попало в него, обстреливался и Международный проспект до Райсовета, по Обводному и Загородному немного попало, а может, и по ближайшим улицам. Я не раз бывал на Марсовом поле по делам и не менее 20 мин. ждал трамвая под звуки обстрела. Неприятно, публика нервничала. <...>

Тревога началась в 7 часов 40 мин., а закончилась в 10 часов 30 мин. Около трех часов — такой еще не бывало. Защита — только стрельба зениток, под которую они преспокойно летают и делают свое дело. Много раз раздавалось их жужжание, слышал свист двух бомб, но взрыв один, верно, вторая не разорвалась. Против обыкновения был равнодушно спокоен и даже свист уже не казался страшным, хотя кому-то он нес ужас, страдания, смерть. Устал, хотя в минуты затишья сидел на железном пруте, стягивающем обе [входные] двери. Когда затихло, поставил кофе, и к моменту отбоя он был готов. [Кулябко]

2 октября

Сегодня пока тихо, бомбежки нет; взамен идет обстрел города, начавшийся еще вчера и продолжавшийся сегодня часов до 4–5. К этому тоже привыкают, и улицы полны народа. Обстреливают от Лиговки к кольцу автобуса, мясокомбинату и вообще весь Московский район, район Нарвской заставы, Кировского завода, где, говорят, много жертв. Вчерашняя бомбежка тоже дала свои результаты: разрушен четырехэтажный дом на ул. Красных Командиров, что-то около Варшавского вокзала. Сбросили бомбы около ул. Воинова, на Исаакиевской площади в гостиницу «Астория» и здание бывшего Государственного совета (напротив собора). Но пожары легко были потушены. Где еще — не расспрашивал, тяжело это, да и неохотно говорят. Притерпелись, как видно. [Кулябко]

3 октября

19 час. 40 мин. — тревога. Через 2–3 минуты неподалеку упали три фугасные бомбы. Вышел на улицу. Прекрасный вечер. Чистое небо без облаков. Над станцией разрывы зенитных снарядов. Слышен прерывистый гул немецких бомбардировщиков. В сторону

Смольного упали зажигательные. Поднялся густой черный дым. Ветром облако дыма относит вверх по реке. Конец улицы закрыт дымом. На фоне светлого неба дым кажется мрачным черным оружием.

Постепенно дым окрашивается в розовый цвет. Зарево разгорается. Горит «Петрозавод». Справа от нас падают зажигательные бомбы. Вспыхивает новый пожар.

Поднялся на крышу станции. Город при полной луне неестественный, как макет. Ни души. Перспектива улиц. Внезапно свист бомб. Яркое пламя. Сильный звук разрыва. Страшное зрелище — возникшее среди домов высокое пламя и грохот разрывов в такой тихий почти южный вечер на фоне освещенных луной домов. Постовые на крышах испуганно жмутся в кучу. Километрах в двух на чердаке высокого дома возникают и гаснут световые сигналы вражеского сигналиста.

Спускаюсь вниз. Выхожу во двор. Гул самолетов все нарастает. Ищут прожектора. Разрывы зениток все ближе. Опять резкий свист бомбы. Отбегаю за угол здания. Сильный близкий разрыв. Толчок. Ветер относит во двор станции густое облако порохового дыма. Трудно дышать. Бегу в вестибюль, закрываю за собой дверь, но дым просачивается и сюда.

Через несколько минут выхожу. Все тихо. Погасли прожектора. Умолкли зенитки. Чуть пахнет дымом. Во рту ощущение сладковатого.

В полной тишине слышны крики и стоны раненых из разрушенного дома.

Чувство ярости и личного бессилия. Устал, как от тяжелой работы. Звоню домой — не отвечают. Поврежден кабель АТС. [Ходорков]

Из документов Городского штаба МПВО: В ночь с 3 на 4 октября более десяти часов продолжалась воздушная атака на Главную водопроводную станцию. Было сброшено 35 фугасных и не менее 200 зажигательных бомб. В цехах и сооружениях станции были вырваны двери и оконные рамы, стены иссечены многочисленными осколками. Вся территория вновь была залита водой. Из-за повреждений станция была остановлена. Для восполнения убыли в подаче воды в городскую сеть были включены резервные мощности, расположенные в других районах.

4 октября

Жуткий вечер, ночь, да и день сегодня. Хотя день еще не прошел и обещает много. Вчера со второй половины дня длительные тревоги, по три часа просиживали, слушая грохот, треск, удары. А под утро угодило и к нам, но меня пока опять пощадило. Бомба упала по другую сторону лестничной площадки, прошла через квартиры напротив и застряла между 2-м и 3-м этажами. Счастье, что не разорвалась, — вытащили, увезли.

А день сегодня, как нарочно, ясный, золотой осенний день. Вот и кружит злой коршун. Что-то будет? Что будет? [Ивлева]

5 октября

Два дня не вел записи, но эти два дня, вернее, две ночи были исключительно необычны. Днем, как обычно, тревоги, особенно 4-го — одна за другой. Небо совершенно чистое, ночи ясные, все светло как на ладони. Я предчувствовал, что бомбежка ночью будет. Об обстреле как-то забыл — привык к этой музыке, но 3-го, кажется, он был. Обстреливают нас шестидюймовыми снарядами, но для меня, т. е. для квартиры, это безопасно — защищают отдаленность и дом со стороны канала Грибоедова, так как обстрел ведется из Лигово или немного ближе.

3-го только пришел домой, лег полежать (устаёт спина за день, а я так боюсь обострения ишиаса), как в половине восьмого — тревога, и до 11 час. где-то далеко была бомбежка, стрельба зениток вовсю, в общем, обычные аксессуары налета с чувством полной беззащитности города, так как ночных истребителей нет, зенитки, как говорят, стреляют плохо, и немцы летают с сознанием почти полной своей безнаказанности. Около 3 час. ночи снова тревога до 5 или 5.30, точно не помню, снова далеко. Заснул, проснулся около 7.30 и пошел на работу усталый и невыспавшийся.

Говорят, что были сильные пожары на Выборгской стороне и Охте — от Литейного моста и за Охтенский, целое кольцо. Да на ул. Желябова разворотило пятиэтажный дом, пролет между двумя лестничными клетками, все внутрь обрушилось. Конечно, есть жертвы. Пожары начали тушить, но начался второй налет уже с фугасными бомбами. Не знаю, что пострадало. Я, как всегда, стоял в дверях, когда слышались самолеты, в состоянии полной готовности двинуться вправо внутрь или на лестницу. Все же в случае

68

Вражье плечо! Навер не доучаюте. Драгоцен
судан с прочей силой, лютими по
ружьиной катили; но такой поборо не
примели на свое гоним.

Могли как германские овцы Вресса:
Обиде мессажа в излучающем маро-
дистах Кисов, Нилуи подальши с Грел-
наши Силу. Мудро. Могли Вресса
пелиши урдуи. Верит. Столман Кисо-
када делосител сабве оторон. Грел по-
тврил свеза с родной сибриной. Ули в
Калове Врессекая сил. Врел силон, но
силе на родна, не победил - силе на род-
на, победит.

22/12-41г.

В городе у нас сейчас "васили", пожалуй даже
очень велика. Мрачно думо, светит как дна,
под кожей урдуи земля. Милли раднели в
Кирпичи обидно гасто города Сибриной
на сибриной, обидривают Крестом Крестом
сидрели, а все же как не доучаюте. Они
урачуют стобрат нас с силой земли, но это
также Милли урдуи коучают. Силое стобрат-
ное для нас драмистил кабала. Сегодня обид-
вали с паделии Кисов - это милое. Милли
наш милое судит брат на сода обидной
урдуи. Ну что? Поставил за славное силе
и в гости города!

5/12-41г.

Урдуиная нора с силой гасов Вресса
начали делосител обидривают города.
Вресса Вресса делосител, госте в от-
нелиной Калове. Милли подальши оти-
дети милое из нас не победил.
Силаго силе госте в в госте урдуи Кисо-
дан отидай.

Вресса милое силе в обидривают Вресса

Из дневника А.Ф. Евдокимова

22
 пишу. Предвидя возможной случай я еще
 сбегает всекакого место в Каруаты, ко-
 торой мне дал мой мастер Вальварин.
 Да вчера пришел мне доставлено карти-
 ми, но я не отпустил и вчера она ит.
 свет.

Сегодня мне какой-то сказал, что
 нашив из Мурама эвакуируют дальше.
 О Ураки. Знаю то ли что столько людей

ты пришли за свои пирожки? Чужда ли
 мне Вадим тебе мой билет и кому уж
 еще билет и поделывать тебе.

Ваша да я, вот что чем и куда пошел
 тебе. А отдал да тебе пошедшего еще
 поднадши Вудж. Слышали вы тех сбер-
 ская? Как то он? ... Может быть в
 этот час или так же поедут как и я.

15 Января. 11.

Пилимо старинные обидеки и арт. Бетти-
 лов, в хроне каковы сберенной галог. Везде
 дают на индивидуалов, сумки и детей по 150 гр.
 Работы свои получают 300 гр. Никого из предосты,
 уже в Каруаткам, что невозможно найти.

Каруаткам от галог. В мой мастер-
 ская Вадим рудного 2^е галог, с собой уна-
 м еще для человека. В столовой Краме
 марганца бурека из хроне уже вонше на-
 тиркеви много хроне. В сутки обидеки

50 г. невозможно получить. (непросто, и впрямь)
 Я пока еще сполу, но думаю, что если вы
 чем подберете, не бесси, то через пару дней
 тоже сполу. Но я рад что нет обидеки
 Лили и Вадим. Как скрывается смотрю на
 сполу от галог. невозможна детей.

20 Января.

Лили снова бавим. Сумки получают 125 гр.
 работы 250 гр. Сегодня в лесу на работе - Вадим

катастрофы на какую-то сотую часть увеличивается возможность спасения, тем более, что состояние спокойное и голова работает четко. Но, конечно, в случае чего — кто же может поручиться за себя в такой острый момент, тем более, что для действия останутся только доли секунды. В остальное время, когда не слышно самолетов, я сижу или на пруте, или на сундучке.

Вчерашний же день особенный, тревоги ежечасные, так что не смог даже поехать в Воено-медицинскую академию, где перед войной служил сын, по вопросу о бронировании квартиры (хотя и знаю, что это было бы бесполезно).

После тревоги ушел домой, и вот с 7.30 вечера началась музыка. Зенитки палят во всю, самолеты жужжат непрерывно. За ночь насчитал 10 взрывов, а дальше считать бросил — сбился. Слышен был свист и какой-то шипящий шелест сбрасываемых бомб, затем взрывы. Так продолжалось до 11 часов, под конец заварил какао, выпил его еще до конца тревоги, а после ее окончания лег спать. Просыпаюсь — тревога, 12 часов. Одедся, и вновь повторение предыдущего до 3 часов. Вновь разделся, надеюсь, что на этом конец. А луна, как назло, льет свой белый свет на все, в том числе и на жертв бомбежки. Около 5 часов вновь тревога до 7. Лег, уже не раздеваясь, накрылся с головой — холодно; заснул и с перерывами проспал до 11 часов, благо воскресенье. [Кулябко]

Опять тревожная ночь. Хорошо, что пораньше покормила Юрку. В 7 часов как спустились в газобезопасище, так и не вылезали: тревога одна за другой. А сегодня опять только налила супу себе и Юрке, как вдруг захохотали зенитки, и мы кубарем скатились с лестницы. А потом пришлось есть холодный суп — керосину в обрез, да и торопились, чтобы не прогнал сигнал из дому опять голодных. [Ивлева]

На дворе пасмурно, тревог ждать как будто не приходится часто. Трамваем, да еще на далекие расстояния, неохотно езджу, так как во время тревог сидеть в подворотне либо в бомбоубежищах, гробах, не люблю.

Около трех часов дня слышу самолеты — наши, потом снова самолет, и вдруг начинают стрелять зенитки, потом услышал пулеметную очередь в воздухе, и только потом — сигнал тревоги. Это теперь часто бывает.

У Тучкова моста неразорвавшаяся бомба зарылась в землю, ждут — взорвется или нет. Каково-то тем, кто живет по соседству!

Бомбу в больнице Эрисмана, тоже неразорвавшуюся, извлекли и обезвредили. [Кулябко]

Из документов Городского штаба МПВО: На территории складов завода «Красный треугольник» было сброшено большое количество зажигательных авиабомб. Возникло 17 крупных пожаров. Горели механический, столярный и кузнечный цеха, три навеса по 600 кв. м каждый, где хранились резина в штабелях и другое сырье и материалы. Пожар был ликвидирован к 5 часам утра 5 октября.

Ночь с 5 на 6 октября

За ночь пять тревог. Ночи поразительные, небывалые в это время года в Ленинграде. Яркая луна, ни одного облачка.

Недалеко от станции поймали ракетчика. Сын бывшего служащего станции.

Ежедневно город обстреливается из дальнобойных. Снаряды ложатся в Московском и Нарвском районах. Значительная часть жителей этих районов эвакуирована на Выборгскую и Охту.

На 1-й ГЭС снарядом убит помощник машиниста на паровозе. На 3-й ГЭС упало три снаряда, имеются жертвы и повреждено оборудование. Подавляющее большинство рабочих не боятся обстрелов и бомбежек. Обстрел и бомбежка не приводят к резкому падению настроения. Хуже с питанием. На станции оно плохо организовано. Кроме того, станции не получают, как военные заводы, дополнительного питания. Плохое питание и беспорядок в этом деле — вот что сильнее бомбардировки снижает производительность труда. Этому участку нет должного внимания. [Ходорков]

6 октября

Только что кончилась тревога, начавшаяся в 7 часов 30 минут, причем был получасовой перерыв. Все, как обычно, сильная стрельба, где-то взорвалось две бомбы, остальные, видно, далеко — не слышал. Вчера, конечно, ночи спокойной не было, даже забыл уже, сколько было тревог и сколько раз я вставал и ложился.

На дежурстве во время тревоги уже надеваю шубу и даже воротник поднимаю. В последний раз лег спать уже часа в 4 утра и сверху укрылся той же шубой, чтобы скорее согреться и уснуть, голову укрываю, а то холодно — получил уже насморк и кашель.<...>

На наш институт сегодня, точнее, вчера ночью было сброшено 6 зажигательных бомб. Все были потушены и пожара не было. В непосредственной близости в последнее время бомб нет, правда, для немцев около нас нет и интересных объектов. Больше страдают все же заводы Выборгской стороны, вокзалы, по преимуществу — Варшавский и Балтийский, где в основном и сыплют бомбы.

Обстрела нет вот уже ряд дней, т. е. батареи либо подавлены, либо их отогнали подальше. Ничего не знаем, бродим в потемках. И к этому привыкли. <...>

Сегодня узнал, что еще одно бомбоубежище провалилось, но не всё, так что многих удалось вывести, причем болван-милиционер, как говорят, не хотел позволить людям выйти, так как во время тревоги выходить запрещено. Если это так, то какой же он дурак, и можно ли таких остолопов ставить на такие посты. Господи, сколько же у нас есть еще таких типов! Учат, учат, а как были, так и остались дубьем. Завтра месяц непрерывной бомбежки Ленинграда. [Кулябко]

7 октября

12 часов 15 минут ночи. Тревога длится вот уже 5 часов и конца ей не предвидится. Ужасающая стрельба: зениток, судя по новым их звукам, прибавилось. Взрывы бомб, вначале один, затем шесть подряд. Думаю, что это немец удирал от зениток и сбросил бомбы куда попало. Потом тишина — ни одного звука. Изредка — гудок санитарной кареты, конный патруль процокает по Демидову [переулку]. Затем снова жужжание самолетов, опять стрельба, и вновь тихо.

Урывками (прерывала канонада) сварил и трижды подогревал кофе, наскоро проглотил два стакана, помыл посуду. В комнате не сижу, только когда тихо, а так, как обычно, стою в дверях парадной. Странные выстрелы были только что: сильный удар, раскатистое эхо и как бы свист или шипение какое-то. Стрельба пулеметная. Странно, ничего не пойму. Но налет небывалый — вот уже 12 часов 40 минут, а конца нет.

В три приема я это все написал, так как лечь спать нельзя. В комнате вообще находиться нельзя, так как если от близкого взрыва лопнут стекла, то они дают массу ранений, часто сильных, и бывают случаи потери глаз. Что-то они натворили за эту бомбежку? У меня с этим невольно ассоциируются пожары, смерть, страдания.

Сегодня шел на работу, встретил группу, человек 15 сестер с повязками Красного Креста. Очевидно, направлялись к арене предыдущей бомбежки. Да, это ужасный способ ведения войны. <...>

Пишу и прислушиваюсь — не гудит ли немец. Тогда сейчас же — на свое место. Устал уже, хотя и сижу частью на пруте, частью на сундучке. Конечно, и куришь больше, так как больше часов в сутки бодрствуешь. Идет второй час ночи и через 10 мин. будет 6 часов с момента начала тревоги. Видно, действительно, не повезло ему на сухопутном фронте, и он решил донять нас бомбами. Когда же придет время, когда мы сможем придушить его самолеты и владеть воздухом так, как он владеет им теперь?

Сейчас половина второго, а конца тревоге не видать. Спать и не хочется, и все же опасно. Буду читать газеты, благо получил их сегодня сразу две — за 5-е и 6-е.

Около Волкова кладбища разбомбили сразу четыре деревянных домика, случайно, конечно, — метили на станцию Витебскую товарную. На Лесном пр. — новые разрушения. Да куда теперь ни глянешь — везде следы. Я теперь только случайно смотрю на это, уже присмотрелся. Только что по Демидову проехала пожарная машина.

Сегодня месяц непрерывных бомбежек Ленинграда.

1 час 40 минут — отбой тревоги. Итого 6 часов 20 минут, но что-то не верится, что уже конец, — еще минут 15–20 назад была стрельба. Могут вернуться, а так не хочется зря раздеваться.

Около 5 часов проснулся от непрерывной сильной стрельбы; через 10 мин. — тревога; встал, разбудил остальных. Через 25 мин. отбой. Слушал — самолетов не слышно. Стреляют наши тяжелые орудия. Не происходит ли наступление на Ленинград? А вчерашняя бомбежка могла быть подготовкой. Стрельба и, видимо, ураганная, продолжается. Лягу, быть может, засну, раздеваться не буду, только разуюсь. [Кулябко]

9 октября

12 часов 20 минут ночи. До ужаса хочется спать. Шестой час тревога, и ложиться не рекомендуется. Сейчас тихо — пишу. В промежутках, когда тихо и самолеты не кружатся над головой, успел в три приема сварить и выпить какао. Потом, тоже в промежутках, сварил и съел немного ломаных макарон, а то обед был

легкомысленный, правда, сдобренный двумя стаканами чая с четырьмя ложками сахара. Это у нас стали многие практиковать.

Взрывов пока не было слышно, видно, делали свои дела в порту, на Выборгской стороне, на Охте, и стрельба была не такая интенсивная, как в прошлую длительную бомбежку. Сегодня это 4-я или 5-я тревога плюс обстрел Московского района в течение около трех часов. Снова «удовольствие» обстрела. Отгоняют да отгоняют, а он все сидит на месте и долбит, долбит без конца вот уже второй месяц. <...>

Около порта много домов разбомбил, сволочь. Одна женщина, спасаясь из полуразрушенного бомбоубежища, рассказывала, что почти все жильцы погибли. 42 трупа найдены да плюс те, что находились в разрушенной части дома. Раскопки еще продолжаются и все еще находят уже начавшиеся разлагаться трупы. Не жуть, а ужас. Задумываться нельзя, надо отбрасывать эти события, что большинство и делает. И я уже только случайно узнаю кое-что из той ужасной трагедии, которую переживает сейчас Ленинград. И конца этой трагедии не видно, и я даже не могу сейчас представить себе, в какую сторону она обернется. Тьма, ни зги кругом не видно, бродишь, как слепец.

12 часов 50 минут, отбой нет — тишина. Буду читать о трагедии Севастополя (Сергеев-Ценский, «Севастопольская страда»). Интересно написано). [Кулябко]

Из документов Городского штаба МПВО: От сброшенных зажигательных авиабомб загорелись склады декораций Театра драмы им. Пушкина. Огонь полностью охватил два склада и чердаки соседнего здания. Из-за высокой температуры загорелись оконные переплеты семиэтажного жилого дома. Пожар был ликвидирован в течение часа.

10 октября

<...> 12 часов 20 минут. Отбой тревоги, начавшейся в 11 часов. Я только что улегся, слышу — метроном остановили, а через минуту — сигнал тревоги. Послал немцу сто чертей, быстро оделся, надел шубу, калоши и — на пост. Стрельба слабая была, но, судя по звуку, самолетов было несколько и, странно, зенитки не стреляли. После уже по одиночкам была стрельба, и то не интенсивная.

Ложиться или ждать? А что, если его минут через 20 снова черти принесут? А ночь светлая, облака исчезли, луна взошла, хоть и на ущербе. Буду раздеваться, хочется спать и вообще лечь, дать покой радикулиту. Взрывов не слышал, видимо, вдали бросал бомбы, приносил смерть и страдания. Как ни одной ночи нет без этого. Как неизбежный рок.

Снова тревога. Половина второго ночи, отбой, ложусь спать. А как выматывают силы у народа эти постоянные ночные тревоги!

Не удалось поспать. Только разделся, улегся, потушил свет, снова метроном стал, сигнал тревоги. Снова оделся и на дежурство, и до 2 часов 30 минут.

С работы пришел рано, в 4 часа 15 минут, и сразу же укрыл ноги шубой, снизу ковриком и улегся дать отдых своим нервам. Потом заснул часа на полтора и в 7 часов 20 минут по тревоге встал, оделся и ушел на свой обычный пост. Надел бурки, хотя еще и рано, но боюсь нарушить свое неустойчивое ишиасовое равновесие. Сейчас снова лягу, не раздеваясь, почитаю. [Кулябко]

Из документов Городского штаба МПВО: В 23 часа 10 минут фугасной авиабомбой разрушено здание детского сада по Международному пр., 90. Ранено 29 человек.

11 октября

12 часов 30 минут ночи. Отбой, это уже второй. Через 20–30 минут, уверен, что вновь будет сигнал тревоги. Началось, вопреки обыкновению, не в 7 часов 20 мин., а в 11 часов. Я уж думал, неужели такое счастье, что не будет сегодня тревоги. Держался все, но в половине одиннадцатого разделся, лег, потушил свет, и не успел заснуть еще, как тревога, и пришлось одеваться. После я уже не раздевался и, сняв бурки, читал в постели, так что не так обидно было снова вставать. Не знаю, что бомбили в прошлый раз, говорят — Финляндскую дорогу, Московскую, вероятно, порт. <...>

Много детей заболевают, простуживаются, когда их с кровати одевают и тащат в бомбоубежище, а в 2–3 часа ночи — обратно. Дальше, когда наступит зима, еще резче будет сказываться такое положение. <...>

Наступают холода, с топливом, очевидно, будет плохо, следовательно, и с температурой в квартирах тоже, в том числе и в домах

с центральным отоплением. Вновь появятся самодельные «буржуйки» и пр. Часто встречаю теперь идущих со связками щепок, палок, обрезков и прочего, что может пойти на топливо.

1 час 25 минут, отбой, но думаю, что это не конец.

Странно, только первая тревога сопровождалась сильной стрельбой зениток, вторая — меньше (недалеко был один взрыв), а в эту и вообще ни единого выстрела, хотя самолеты летали. Наши тоже вылетали, тогда понятно отсутствие стрельбы, а когда наши не вылетают, тогда почему не стреляют зенитки?

Луна, по небу плывут крупные барашковые облачка. Как было бы хорошо, если бы не было того, что есть.

Странно началась тревога: сперва слышу отдаленный гул самолетов, затем сигнал тревоги и еще до его окончания — сильная стрельба зениток. Сейчас тихо пока. Когда стреляют зенитки, слегка колеблются двери — волна воздуха.

2 часа. Если будет отбой, лягу спать. Уже 3 часа, как «тревожимся», и немцам тоже дрыхнуть пора, хоть и холодно. Ну, пусть померзнут получше.

Третий час. Последнюю папиросу и — по сигналу — спать. [Купябко]

12 октября

9 часов вечера. Сегодня день прошел спокойно; в 7 часов небольшая тревога, я как раз поставил макароны сварить, послал немцев к чертям и решил варить — не портить же. Выстрелов не было, на парадной болван-дворник зажег свет, я сказал Николаю Ивановичу, он ответил, что это не его дело. Пошел сам вниз, нашел выключатель, повернул — свет погас. Господи, Боже мой, какой же он полнейший идиот — говорю ему, что если сосед дает в окно свет, а вам, Николай Иванович, бомба на голову свалится, упрямо отвечает, что это не его дело. Как можно жить с таким ослом. Такой же и его сынок. С такими соседями еще острее чувствуется полнейшее одиночество. Казалось бы, такие переживания сближают людей, даже Вера стала со мной человеком, но это не человек. Ну, и черт с ним.

Сегодня утром обстрелян Московский район и где-то был пожар, говорят, сильный, но не все же быстро тушат. Бомбы наделали разрушений на Кирочной и 6-й Советской. Случайно это слышал.

В Кронштадте несколько домов разрушено и между прочим, говорят, в Морской госпиталь угодили. Сволочь, это уже восьмой, если не больше, госпиталь. Один налет был особенно сильный, охотился на наши корабли. Налетело их штук 60, и 15 штук сбито нашей зенитной артиллерией. Жаль, что мало. Серьезных повреждений, говорят, нет. Корабли много помогают, обстреливая немцев тяжелыми снарядами весом чуть ли не до 60 пудов. Также панику наводят и краснофлотцы, перед которыми немцы сразу же показывают пятки, бросая все вооружение. [Кулябко]

13 октября

1 час 25 минут ночи. День прошел тихо. Не удалось полежать, сколько надо бы, а спина болит, а тут в 7 часов — тревога. Конечно, встал, оделся, стал между дверьми, весь — слух. По лестнице спускаются жильцы верхних этажей (отбой тревоги) торопливо, тихо переговариваются, собираются внизу на лестнице. Все замерло в каком-то напряженном ожидании. Громко не говорят, вполголоса, а больше шепотом. Насторожилось все и затихло, как затихает иногда природа перед грозой. Отдаленный гул самолетов, ближе, кружатся над нашим районом, нарастающая стрельба. Сижу на своем пруте весь как бы собранный в комок. Свист, постепенно нарастающий, один, второй, третий, взрывы, качнулись двери, форточка у меня раскрылась, окно в кухне — тоже. На улице говор, топот людей, залаяла испуганная собачонка. Суета у нас во дворе, оказывается, взрыв где-то поблизости, на нашем доме — зажигательная бомба, еле затушили. На мостик через канал по Демидову [переулку] ряд зажигательных бомб попал. Быстро было все ликвидировано. Стихло. Время от времени вновь самолеты, снова стрельба. Через 1 час 20 минут — отбой.

Сварил какао, выпил и лег полежать. Не хотелось ни читать, ни думать — лежал в какой-то полудремоте. В 11 часов лег, не раздеваясь, лег, думал, авось, будет тихо. Но как-то все прислушивался к метроному и не мог заснуть. Метроном замер, смотрю на часы — без пяти минут двенадцать — сирена. Встал, оделся — и на свое место. Снова повторение обычного. Сегодня самолеты облюбовали наш район. Несколько свистов, несколько взрывов, во время одного стена, у которой я стою, дрогнула, как бы качнулась. Очевидно, где-то близко. Несколько заходов было, наконец, тише, зенитки перестали

бить. Гудят самолеты — наши. Вчера мне говорили, что появились у нас американские ночные истребители. [Кулябко]

Из документов Городского штаба МПВО: В 19 часов 28 минут фугасной авиабомбой разрушена часть здания по наб. канала Грибоедова, д. 81. Ранено 102 человека, убито 19 человек.

14 октября

Вот уже месяц как я боец 1-го взвода 13-й роты Комсомольского противопожарного полка по охране Ленинграда. По поступлению в полк мне сразу, как и всем остальным, выдали комбинезон, ботинки, фуражку, а немного позже — ватник. У каждого имеются: рукавицы, каска, пояс.

Находимся на казарменном положении и питаемся в столовой, только карточки надо сдавать. Имеются все постельные принадлежности. Питаемся в день три раза. Кормят по военному времени и, принимая во внимание теперешнее положение, когда Ленинград окружен, хорошо. Ребята во взводе хорошие и я с ними быстро сошелся.

На очаги поражения выезжал 8 раз. Взвод разбит на два караула, я в первом. Дежурят по 24 часа. По сигналу воздушной тревоги дежурный караул приводится в боевую готовность, т. е. надевает каски, пояса, рукавицы и находится в сборе. Из свободного караула высылаются четверо дежурных по двум маршрутам и двое на крышу. Дежурный караул дежурит сутки у телефона, каждый боец дежурит два часа. Во взводе имеются и девочки, некоторые служат медсестрами. [Капранов]

Из документов Городского штаба МПВО: В 0 часов 20 минут фугасной авиабомбой разрушена часть здания по ул. Марата, д. 74. Ранено 34 человека, убито 13 человек.

При попадании зажигательных авиабомб на территорию Военно-морской медицинской академии (Загородный, 47) возникло три очага пожара. Для его ликвидации было направлено восемь пожарных подразделений.

15 октября

Сегодня выпал первый снег. Крыши стали скользкими, и надо быть осторожным, а то легко упасть, так как ботинки на резиновой подошве. Во время пожара придется осторожнее быть с водой.

Можно облиться водой и обледенеть. Погода значительно ухудшилась, и налетов, я думаю, будет меньше.

Третий взвод распался и пока его укомплектуют — будет два взвода. Вчера вечером была бомбежка. Наблюдались пожары во всех концах.

Некоторые ребята были на пожарах. Сегодня мы семь часов работали на Винном заводе, возили битые стекла на автомашине. Деньги пойдут на сапоги. Сегодня в ужин хотят дать по 400 г конфет за деньги. [Капранов]

16 октября

Днем была тревога и в 7 часов 30 минут — тоже; налетели самолеты, заговорили зенитки, словом, обычная картина. Я, как всегда, на своем месте. Час длилась музыка орудий и самолетов. Услышал один свист и один сильный взрыв. Через некоторое время обратил внимание, что на дворе как-то светло, все видно в окно передней. Почему светло — не понимаю. Думал, что где-то окно не замаскировано. Оказывается, близко, в стороне Театральной площади вспыхнул большой пожар, где точно, не знаю.

Видел сегодня часть дома на углу Международного и Фонтанки, разрушенную 13 октября.

Бомба попала в мостик через канал Грибоедова в конце Сенной площади, рядом с нашим домом. Это и была та самая бомба, от которой закачалась стена, в проеме которой я стоял 13 октября.

В одном из домов снова разрушилось бомбоубежище — еще ни одно не выдержало прямого попадания. Как и кто будет реагировать на эти массовые преступления с так называемыми бомбоубежищами, которые служат только гробами для легковерных людей? Какое преступное отношение к несчастным баранам, называемым жителями, обывателями города! Это бомбоубежище уже, кажется, пятое по счету. Даже этого мы не захотели, не смогли, даже уж не знаю, как сказать, сделать. Как всегда, опоздали. А сколько криков, комиссий, обследований было по этому вопросу! Сужу по тому, как меня теребили с этим по институту. Но у меня сделано на совесть, и теперь еще продолжаю крепить ряд помещений института.

1 час 30 минут ночи, отбой тревоги. Началась в 12 часов 30 минут. Я почти спал, когда услышал сигнал. Не успел штаны надеть,

как поблизости раздался сильный взрыв; самолеты я услышал, как только вскочил с постели; в момент надел пальто, калоши и — на пост. Самолеты жужжат, какой-то массовый шелестяще-свистящий звук — зажигательные сбросил. Ну, потом самолеты, стрельба и все прочее в обычном порядке. В затишье вышел, свернул папиросу и провел время между постом и сундучком: самолеты — на пост, нет — на сундучок. Иначе нельзя — устаю. Стрельба стихла, у нас больше ничего не было, верно, где-то подальше. Потом слышу — наши залетали и, наконец, отбой. Не верю, и ложусь, не раздеваясь, т. е. в штанах, носках и шерстянке. Не жизнь, а малина, слава Богу, не задевает нас пока последним ужасом. Как-то дальше будет?

2 часа 20 минут — отбой. Не успел снять один сапог — метроном замер, надел сапог — тревога в 1 час 40 минут. Стрельба, самолеты, все по программе. Потом появились наши и через 20 минут — отбой; всего — 40 минут. Немец, вероятно, решил брать людей измором, не давая им спать. [Кулябко]

Из документов Городского штаба МПВО: Очень сильный пожар возник в результате взрывов нескольких авиабомб на территории Госнардома. Одновременно загорелись аттракционы «Американские горы», «Стеклянный театр», столовая и кинотеатр «Великан». Пожар быстро принял катастрофические масштабы, угрожая зоопарку, Театру им. Ленинского комсомола и филиалу оперного театра. Огнем были повреждены кровля, покрытие и конструкции чердачных перекрытий над залом филиала оперного театра, столовой и чердак кинотеатра «Великан».

17 октября

Снаряд разорвался на площади у Дома Советов. Срочно был вызван туда. Осенний, пасмурный день. На асфальте площади лужи крови. Вот убитый ребенок: мальчик 7–8 лет. Он шел через площадь со своей матерью. Осколком снаряда ему раздробило череп. Он лежит с открытыми мертвыми глазами, а мать, загнанная в цель, дикими возгласами зовет о помощи, но никто ее ребенку уже не поможет — он мертв.

Сотни рассыпанных свежих газет «Ленинградская правда», обильно залитые кровью, и рядом с оторванной головой старик-

газетчик. Несколько минут назад он торопился доставить газеты по назначению.

Памятник Кирову. У основания постамента труп военного командира с расколотым черепом. Выброшенные на асфальт мозги плавают в луже крови.

Слышу слабый голос, окликающий меня по фамилии. Спешу туда. Сотрудница отделения Союзпечати. Оторваны обе ноги. Просит сообщить в райком партии о ее ранении. Немедленно отправляю ее в больницу. Как она сохранила сознание при таком тяжелом ранении? Жажда жизни или иной стимул? Через несколько часов она умерла.

Так от одного снаряда пострадало 15 человек и из них 7 было убито. От этого же снаряда получил ранение в левую руку заведующий райкоммуналделом т. С-в, который в это время переходил площадь, хороший товарищ, бок о бок с которым я живу уже несколько месяцев.

Ленинград привыкает к обстрелам и к воздушным налетам. Все это повторяется ежедневно, чередуясь друг с другом. То воздух оглашается пронзительным звуком сирены, возвещающим налет, то до слуха доносится голос диктора, предлагающего укрыться в бомбоубежищах и щелях в связи с начавшимся обстрелом района. <...>

Противник хочет измотать ленинградцев, но едва ли это ему удастся. [Назимов]

9 часов 30 минут вечера. Только что окончилась вторая тревога, начавшаяся в 7 часов 10 минут. Вблизи от нас сброшены только зажигательные бомбы, а взрывов близких не слышно. Видимо, вдаль все же что-то сделано. <...>

Пожаров много. Были и фугасные бомбы вблизи Витебского вокзала (он тоже горел в одну из предыдущих тревог), были и жертвы. Сегодня мне говорили, как были ранены две девушки. При разрушении дома у обеих были сломаны ноги, а их мать убита. Отец, узнав о катастрофе, сам прибежал на раскопки. Там была команда уборочная. Как она работала — покопают минут 10–20, «ну, покурим». <...>

Слышен крик раненой под обломками; начали копать, но не докопали и бросили; уже после ее раскопали, она была в обмороке, а те подумали, что умерла, и бросили. Отец сам начал раскапывать гру-

ду обломков, где, как он думал, должна была находиться его жена. Наконец, он выпросил дать ему двух «одров» из команды; ему дали, и он вскоре нашел жену, но уже мертвую. И здесь все то же — покопали малость и кое-как — покурили, а там, быть может, последняя искра жизни замирает. Но кому до этого дело — равнодушие, отсутствие хоть какой-то сознательности без помощи дубины. <...>

Каждый день стучу по барометру, сегодня снова идет на «ясно», а для нас это снова перспектива ночной бомбежки. Все радуются, если дождь идет или снег срывается и густые тучи.

Ко мне привязалась картина — бомба красная, злая врывается ко мне в квартиру, задерживается в окне, злобно все оглядывая, летит внутрь и разрывается, уничтожая все. Вот уже несколько дней эта навязчивая картина привязалась ко мне, и никак от нее не отвязаться. Надо все же выбросить ее из своего мозга, а то будет не совсем ладно; вероятно, нервы постепенно начинают сдавать. 40 дней непрерывных бомбежек. А сколько же еще впереди? Хорошо, что никого из моих дорогих нет здесь со мной. Я, следовательно, в полном одиночестве. <...>

12 часов ночи. Еще отбыл то ли две, то ли три тревоги; первый раз без стрельбы, слышал наши самолеты; потом — со стрельбой, наших не было. В окно прихожей дважды был виден сильный отсвет пожаров, но вскоре исчез. Лягу, не раздеваясь, а то еще будут тревоги, придется вставать, одеваться. [Кулябко]

18 октября

Сейчас так напряжены нервы, что от каждого резкого звука приходишь в раздраженное состояние. Это когда отдыхаешь. Идя в дозор, не обращаешь внимания на бомбы, настолько привык. Когда свистит летящая бомба, то ждешь, когда она упадет, где и скоро ли. [Капранов]

Проспал одетый всю ночь, налетов больше не было. Несколько раз просыпался и все же проспал. Вера разбудила в 8 часов, на службу попал вовремя.

Были пожары, снова досталось Петроградской стороне. Горели Сытный рынок, фабрика киношная, какой-то завод, около нас, ближе к Невскому, сброшена «фугаска». Выборгская сторона горела. Всего не перечислишь и не запомнишь. Днем пока что тихо. Пасмурно, все небо в тучах, к 6 часам вечера падал редкий снег. Может,

и ночь пройдет спокойно? Дал бы Бог. Говорят, многие, не только пожилые, но и молодые воинствующие безбожники обращаются к Богу. Никому и ничему это не вредит, предоставьте каждому находить себе поддержку и укрепление своих моральных сил, утешение в своей горе там и так, где каждый найдет это для себя наиболее приемлемым и возможным. [Кулябко]

Из документов Городского штаба МПВО: В 16 часов 05 минут разрывами фугасных авиабомб разрушен дом на углу улицы Красной конницы и Суворовского проспекта, который в результате пожара сгорел. Ранено 111, убито 105 человек.

20 октября

В 5 часов, несмотря на густую облачность, тревога — налет. Снова зенитки. Я стоял на балконе в сад с директором, и такого сильного рева пикирующих самолетов, спускавшихся очень низко, я еще не слышал. Но увидеть самолет немца не удалось, видимо, облачность очень низкая, и он не мог ее пробить, не рискуя разбиться. Кажется, все же было несколько взрывов. Через полтора часа отбой, я пошел домой. [Кулябко]

31 октября

Дней десять была передышка от налетов, но числа с 29-го опять начались бомбежки. На пожар не выезжали. 29 числа в восьмом или девятом часу вечера произошел нехороший случай. Он нас очень ошелолил и вызвал какое-то подавленное настроение. Я позвал К-на сыграть партию в бильярд. В самый разгар игры раздался сильный взрыв. Зазвенели разбитые стекла и на улице на миг все осветилось. Я подумал, что перед домом бросили фугасную бомбу. Выбежав в коридор, увидел, как из соседней комнаты, из той в которой мы спали, идет дым. Оттуда пробежал О-в... За ним выбежал К-в с обгоревшим черным лицом, зажав глаза руками. Затем Ш-ко, у которого отекла левая сторона лица, и Л-в с зажатыми глазами — у него осколками ранены глаза. К-в тащил политрука роты с обгоревым лицом, и на нем тлела одежда.

В комнате был едкий дым. Горели подушки, матрас, одеяло, ватники. Все тащили ведра с водой. Девочки плакали, потому что пострадавшие были все свои люди. Политрук получил тяжелые ожоги, и его лицо кое-как обмыли в коридоре и разрезали одежду, так

как она тлела. Пострадавшим оказали помощь. Б-р вызвал скорую. К-ва, Л-ва, Ш-ко увели в комнату девочек, а политрука туда перенесли. Орлов, как только выбежал вниз, встретил санитарку-дружинницу, которая отвела его в глазной госпиталь на Моховую. Приехала скорая помощь и пострадавших, наскоро перевязав, увезли в больницу во Дворец пионеров. Прибежало много милиции, бригадмиллов и дело начало разъясняться. Командир роты и Ч-в, находившиеся в момент взрыва в этой же комнате, дали показания в отделении.

Оказалось, что бойцы задумали истопить печку зажигательной бомбой, которую пронес командир роты. Политрук принес от него бомбу и передал ребятам. О-в положил ее в печку и обложил дровами. Политрук сел против дверки. Корнилов был около. Ш-ко и Л-в в стороне. Они шутили, что бомба не взрывается долго, и только О-в наклонился, чтобы пошевелить дрова, как раздался взрыв и термит вылетел из печки. Вероятно, в ней был аммонал. Всех контузило. Политрук поднялся и опять упал. К-в не пострадал и сразу же бросился тушить политрука и его выносить.

Ш-ко и Л-в отделались легко и уже вернулись. О-в, К-в и П-ва в больнице. У них дело очень скверно, особенно с политруком.

Мы перебрались в дежурное помещение и спим пока там. [Капранов]

В октябре общее число налетов выросло, а их интенсивность снизилась. При общем числе налетов 38 над городом совершили полеты 377 самолетов противника. На город было сброшено 43 290 зажигательных бомб. Немецкое командование намеревалось вызвать в городе массовые пожары. Произошло 258 пожаров. 1 280 очагов огня было ликвидировано бойцами команд МПВО и жителями.

К борьбе с артиллерией противника активно подключился Балтийский флот. Целью более трети стрельб дальнбойных орудий флота стали осадные батареи врага.

2 ноября

В сентябре в день было по 9–12 тревог. Теперь после десятидневной передышки налеты вновь участились.

Вчера под вечер была тревога. Очень сильно били зенитки. Кое-где сбросили бомбы. Ночью тоже была тревога, но прошла спокойно.

Сегодня пришли с ужина во время тревоги и как только она кончилась, еще не успели мы попить кипятку, а дозорные вернуться, снова начался налет. По словам политрука, сбили один самолет.

От нас ушли четыре девочки. Командир их отпустил, так как, по его мнению, они были не нужны. Одна ушла самовольно. Мальчиков он не отпускает, и когда один хотел уйти, то командир накричал на него, что он посадит в холодную комнату, и не отпустил. [Капранов]

4 ноября

Сейчас уже пятая тревога в течение дня. За окнами бьют зенитки. Дрожит земля. Раздаются глухие взрывы, и дом вздрагивает. Часть ребят в очагах поражения. Вызывали второй взвод, но тревога была ложной. Во время третьей тревоги были пожары. Горело около Литейного моста на улице Каляева и еще где-то. На райком упала одна зажигательная бомба. Фугасных бомб противник бросил много. Когда я был на крыше, то слышал свист и целый ряд взрывов. То же самое повторилось спустя некоторое время.

Тревога продолжается, а времени 9 часов вечера. Вот уже более трех часов длится тревога. Сбили один самолет. Как только он попал в лучи прожекторов, по нему сразу открыли огонь. Целились все в одну серебристую точку. Когда зенитчики видят, то бьют метко.

Снаряд попал в самолет. Красивое и радостное зрелище. Моторы подбитого самолета взревели с бешеной силой. Потом стало тихо и спустя мгновение вновь, как будто в смертельной агонии, взревели моторы. Светящийся комок падает вниз — и, наконец, глухой удар. Дом вздрогнул. Одним стервятником стало меньше. Лыжи от него упали рядом с нашим домом, во двор казармы. Думаю, что летчик выбросился с парашютом. Тревога продолжается. Бьют зенитки, свистят бомбы. [Капранов]

Из документов Городского штаба МПВО: В 19 часов фугасной авиабомбой разрушен жилой флигель на Нижегородской ул., 12. Ранено 39, убито 30 человек.

5 ноября

У нас новый командир отделения Айзикович, который надеется укрепить расшатанную дисциплину и, думаю, ему это удастся. Сдвиги чувствуются. Вчера, например, был такой случай.

Приходит командир отделения П-с и посылает меня менять дозорных. Я ему соврал, что только что вернулся, и, хотя он знал, что я дежурил час назад, он посылает Лебедева. Тот сказал, что ему нельзя напрягать зрение, и не пошел. Кто-то посоветовал послать девчонок, и П-с ушел. Разве это командир? Он вообще плохо командует.

Сейчас идет артиллерийский обстрел города. Снаряды рвутся вблизи. Дом все время дрожит. Где-то рвутся бомбы. Ожесточенно бьют зенитки. [Капранов]

Из документов Городского штаба МПВО: Разрушена часть здания больницы им. Куйбышева. Одна из наружных стен деформировалась и грозит обвалом. Пожар возник на всех трех этажах. Раненых удалось эвакуировать в самом начале воздушной тревоги. Огонь потушен усилиями 12 пожарных команд. Пожарным вместе с персоналом больницы удалось спасти часть ценного медицинского оборудования и приборов.

Фугасной бомбой разрушен четырехэтажный дом по Большому проспекту, 33/38а. Ранено 38 человек, убито 4 человека.

6 ноября

Днем был в гостях у деда в Апраксином дворе. Внезапно завывала сирена. Я достал пропуск и собрался уходить, но дед не отпускал, пока не поем картошки. Наскоро поев, я направился в казарму пешком. Движение на улице прекратилось. Отдельные люди прижимались к стенам домов. Слышался шум моторов, ожесточенно били зенитки. Я шел, держась ближе к стенам. Одна за другой рвались бомбы.

Подходя к цирку, я увидел зарево. У меня замерло сердце. Я испугался, потому что должен был идти в дозор. Если это горит по моему маршруту, то мне попадет, так как я должен был сообщить. Добежав до очага поражения, я увидел жуткую картину. Это — Моховая, 44. Дом в пять этажей был пробит до подвала. На земле валялась груда кирпичей и битые стекла. Верхняя часть дома разгорались все больше и больше. С шумом падали доски и кирпичи. Жители бегали по улице с узлами, а женщины плакали. Милиционеры отгоняли людей от горящего дома. Не найдя телефона, я побежал домой в казарму. Зайдя в дверь, я сразу же услышал: «Капранов, одевайся!»

Вбежав в комнату, надел каску и пояс, взял рукавицы. Пять человек во главе с П-ом пошли на угол Саперного и Радищева, где ждал А-ч. На всей улице было полно стекол. Придя в очаг поражения, П-с пошел в разведку, а я на связь в жакт. Оказалось, что бомба упала на улицу и одну женщину убило, а шесть человек ранило. Дали отбой. Тревог больше не было. [Капранов]

7 ноября

Мы сегодня завтракали в 9 часов. В дежурном помещении чистота, по стенам плакаты, столы накрыты салфетками и газетами. На расчете нас поздравили командир роты, политрук и командир взвода с наступающим праздником 24-й годовщины Октября. Зачитали приветственный приказ, в котором некоторые бойцы и командиры получили благодарности и ценные подарки. Отпустили домой на полтора часа. Бомбардировки не было, но обстрел не прекращался. [Капранов]

8 ноября

За окном свистят снаряды, где-то рвутся невдалеке, мы видим, как взлетают столбы снега. Сегодня пришлось спуститься в газоубежище. Я попробовала заниматься и там продолжать урок. Кое-что сделала. Ребята охотно слушали, разбирали. [Ивлева]

Дома также страшно. Последние дни идет безжалостный артиллерийский обстрел, и попадает снова Выборгской стороне и, в частности, нашему углу. Эта неделя вообще страшная: бомбежки, налеты, обстрел. Разбили дом рядом с нашим — много убитых и раненых. Измучились в газоубежище за эти дни. Оно переполнено — встать негде. Не спали несколько ночей. Да уцелеем ли мы? Живешь и не знаешь, что будет с тобой каждый час, каждую минуту.

Вчера не было ни одной тревоги, а сегодня пока одна. Во время тревоги было сброшено много зажигательных и фугасных бомб, из которых некоторые не взрывались. Мы встречаем 24-ю годовщину в суровой обстановке, когда враг у ворот и почти каждый день бомбит и обстреливает Ленинград. Окружив, он хочет заморить нас голодом. [Капранов]

Из документов Городского штаба МПВО: Фугасная авиабомба попала в здание военного госпиталя на наб. Обводного канала, 19. Разрушены все четыре этажа центрального корпуса.

Рухнула стена дворового фасада. Возник пожар. В борьбу с огнем вступили восемь пожарных подразделений. В ходе тушения рухнули сводчатые междуэтажные перекрытия. Под обломками погибли 5 человек, тяжело ранено 10.

В 16 часов 56 минут фугасной авиабомбой разрушен до основания дом на Коломенской ул., 28. Ранено 53, убито 5 человек.

В 17 часов 05 минут фугасной авиабомбой разрушен дом на ул. Плеханова, д. 52. Ранено 65, убито 11 человек.

12 ноября

На Володарском горел дом. Бомба разрушила пять этажей, через полтора часа возник пожар. На Соляном тоже лежат три бомбы, как поросята. Они, наверное, замедленного действия. Вообще он теперь бросает бомбы большого калибра, которые пробивают по пять этажей. [Капранов]

Из документов Городского штаба МПВО: 12 ноября в 19 часов 15 минут фугасной авиабомбой полностью разрушен д. 10 по Уральской ул. Ранено 19 человек, убито 18.

В 23 часа 55 минут фугасной авиабомбой разрушено здание по Моховой ул., д. 10, завалено убежище. Ранено 53, убито 30 человек. 15 ноября в 19 часов 29 минут фугасной авиабомбой разрушены опытные оранжереи Ботанического сада с растениями мирового значения. Погибли папоротники 4 000–5 000-летнего возраста, уникамы мирового значения, которых в настоящее время в природе нет.

17 ноября

Новый налет с поражением Кировского района. Бомба весом тонну падает около 2-го корпуса 33-го домохозяйства, близко от 197-х яслей. Ночь — опять муки. Выхожу с Командного пункта в очаг поражения. Шум вражеских самолетов. К нему уже привык ленинградец — быстро отличая его от своих самолетов. Падают со свистом бомбы. По крышам стучат осколки от зенитных снарядов. Убийственный огонь. В разных местах зарево пожаров от зажигательных бомб.

Расстояние до очага небольшое, но время на это трачу много. Опять несколько раз падаю. Чувство страха сменяется безразличием. В такие моменты как-то сама собой ослабевают жажда

к жизни. Тобой начинает руководить желание как можно скорее и лучше оказать помощь этим случайным жертвам войны. <...>

В очаге огня 50 раненых. К счастью, по какой-то случайности нет убитых. Организовываю помощь пострадавшим. Доставляю всех в поликлинику № 23. Там устанавливаю порядок. Какой ужас на лицах раненых! Опять дети, старики, мужчины и женщины.

Как много страданий переносят ленинградцы, и еще сколько их впереди! <...>

Немцы совсем близко от города. С 12 сентября они начали артиллерийский обстрел и, в первую очередь, Кировского района. Боевой район, он выдерживал и выдерживает самый отчаянный натиск врага. Район, которым гордится весь город, район баррикад и заградительных сооружений. <...>

От авиабомб и снарядов пострадало немало медицинских учреждений. Вышли из строя: Детская больница, 1-й родильный дом, больница им. Володарского, 2-й родильный дом и все ясли, расположенные с южной стороны виадука. <...>

По моему настоянию вывезли больных из больницы им. Володарского, ибо положение их там стало небезопасно. Снаряды падали во дворе и вокруг здания. Один снаряд пробил крышу и разорвался на третьем этаже. Такие же эвакуации были произведены из родильных домов. Открытый Хирургический госпиталь по ул. Якубенниси пришлось через четыре дня после открытия закрыть. Крупный госпиталь по Балтийской ул., д. 35 в силу тех же причин эвакуирован в другой район. Снаряды попали в поликлинику № 23. Пробиты стены в зале собраний, пробиты крыша и паркет. Почти все здания лишены стекол. Приступили к забивке окон. Вместо стекол — доски. Так в медицинских учреждениях, так и во всех зданиях района, так по всему городу.

Обстрел города и нашего района продолжается. Снаряды рвутся около яслей. Возможны большие жертвы среди детей. Что делать? Закрывать последние четверо яслей? Лишить надлежащего ухода этих беспомощных маленьких граждан? Нет! Выделили для яслей бомбоубежища. Спасаем ребят тем, что во время обстрелов переносим их с южной стороны на северную, забили с песком окна. <...>
[Назимов]

Из документов Городского штаба МПВО: Самолеты противника сбросили фугасно-зажигательные бомбы на текстильную

фабрику имени 1-го мая. Пожар распространился стремительно. Огнем были охвачены четвертый и пятый этажи здания. Несмотря на решительные действия пожарных, сбить пламя долго не удавалось. Локализовать пожар удалось лишь через четыре часа.

18 ноября

Вчера было семь тревог. Ночью нас разбудили и приказали быть в боевой готовности, так как возможен вызов. Мы оделись и легли спать. Началась и кончилась тревога. Мне надоело лежать одетым и, раздевшись, я лег под одеяло. Уж, думаю, попадет, так попадет. Но вызова не было. <...>

Сегодня была небольшая тревога. В районе нашего наблюдения было спокойно. Я был на чердаке вместе с Кошкиным. Опять тревога. Воеет сирена. [Капранов]

21 ноября

Рабочие валяются с каждым днем все больше и больше. Вчера в бригаде Н-ой не вышел ни один человек. Вся бригада обессилила и заболела. [Евдокимов]

Из документов Городского штаба МПВО: В 18 часов разрывом фугасной авиабомбы разрушен дом по адресу: Невский проспект, 30. Ранено 83, убито 98 человек.

25 ноября

На 5-й ГЭС упало шестьдесят снарядов. Повреждена подстанция и топливоподача. Убито четверо и ранено семь человек. [Ходорков]

Из документов Городского штаба МПВО: 26 ноября 1941 года в 13 часов 55 минут фугасной авиабомбой разрушен флигель дома 66 на 5-й линии. Ранено 19, убито 18 человек.

В ноябре общее число налетов — 38, в них участвовало 388 самолетов противника. На город обрушились 1 256 фугасных бомб, более чем в полтора раза больше, чем в октябре. Объектами нападений стали заводы имени Сталина и Ленина, фабрика им. 1 мая, военный госпиталь, жилые дома. Убиты 522 человека, ранено 2 505 человек. Возникло 98 пожаров, ликвидировано жителями 249 возгораний.

2 декабря

Последнюю неделю измучены артиллерийским обстрелом и налетами. К счастью, хоть не было налетов по ночам и можно было спать даже и под разрывы снарядов. А сейчас снова 3 ночи, подряд ночные налеты, и я так измучена, что нет сил ползти по лестнице. Если бы не Юра, даже не стала бы выходить. Что будет? Что будет? Неужели гибель? Не хочу гибнуть, страстно хочу выдержать и снова быть с Павлом. Но как? Физических сил все меньше и меньше. [Ивлева]

27 декабря

Позвонил Сашка. Просил помочь. Позвонил, что прийти не может, ноги не слушают. Был у него 26 декабря, принес поесть. Еще два-три дня — умер бы. Как его спасти? При выходе из института в вестибюле в темноте наткнулся на тело умершего студента. Кто-то прикрыл лицо газетой. Длинный, в черном.

Сашка страшный. Шел с Чернышева [переулк] от Сашки. [Ходорков]

В декабре противник совершил на город 9 налетов. В них приняли участие 59 самолетов. Сброшено 260 фугасных и 1850 зажигательных бомб. Возникло 20 пожаров. 91 очаг поражения ликвидирован бойцами МПВО.

Для ведения контрбатарейной борьбы командование 42-й армии образовало артиллерийскую группу дальнего действия в составе 41-го корпусного арtpолка и дивизиона железнодорожных батарей. В течение месяца огнем нашей артиллерии согласно отчету было подавлено 14 батарей и 7 отдельных орудий. Одна из батарей находилась на Средней Рогатке.

В декабре в городе умерло около 53 тысяч человек.

1942

4 января

Иду домой. Угол Некрасова и Володарского. Ящик с песком для тушения зажигательных бомб у стенки дома. В ящике снег. На снегу навзничь лежит девочка 10–11 лет. Умирает. Стонет перед смертью. Равнодушно проходят.

У Дома Красной Армии замерзает плохо одетый мальчик. Рыдает, кричит: Мама! Мама! Никто не обращает внимания.

Вечером иду к Саше. Несу покушать. Сильная метель. Темно. Иду с трудом. Промок весь. Отдыхал у него час. Не было сил идти на станцию. Кажется, спасу. Вышел. Улицы пустынные. Мрачно. Кучи снега. Оборванные, свисающие на мостовые провода. Разрушенные дома. Нигде ни человека, ни огонька. Еле добрался к себе. Кто-то украл обед. [Ходорков]

5 января

Остановил на улице незнакомый — назвал меня по фамилии, назвал себя — П-н. Что с ним стало за четыре месяца! Узнать невозможно. Распух, лицо серо-зеленое, в отеках, зарос, глаз почти не видно.

На улице либо распухшие, либо изможденные. Здоровых лиц очень мало, главным образом — женщины. <...>

Госпиталь. Вечер. В палате темно. У больного идет кровь. Врач на ощупь делает перевязку. Нет света. Все палаты переполнены. Больные лежат в верхней одежде и обуви, температура в палате — 10 °С.

Все коридоры заставлены койками. Больные руками сталкивают кашу с тарелки в рот.

На лестнице, на площадке носилки с покойниками в кальсонах и рубахах попадают в луч моего фонарика. Сестра говорит: «Вам неприятно, а я привыкла, смотришь как на дрова».

Палата. Сестра принесла кипяток. На всех койках зашевелились: сестра — мне, сестра — мне. Давно не давали кипяток — дня три. [Ходорков]

7 января

Воздушных налетов давно нет. Артиллерийский обстрел продолжается. На перекрестках улиц, у мостов, в центре города, даже

у Литейного моста — доты. На окраинах окопы. Наши отвечают. Орудия стоят у Московских и Нарвских ворот.

Весь день болит сердце. <...> На попутной машине завез Сашке каши, хлеба, котлет из конины. Ему лучше. Пытался даже выйти на улицу. Правда, безуспешно. [Ходорков]

11 января

Посетил больницу им. Володарского. При ней мною организован районный морг. Свыше 500 трупов. Большинство мужчин — цветущего возраста. Женщин и детей мало. Трупы не умещаются в закрытом помещении и лежат прямо во дворе под открытым небом. Большинство раздетых. Мороз сковал их в самых причудливых положениях. Согнувшись, с запрокинутой головой, с разведенными руками, оскаленным ртом, открытыми глазами, согнутыми ногами и др.

Трупы до крайности истощены. Обтянутые кожей скелеты. Они какие-то все маленькие, щуплые, жертвы голода, жестокого, беспощадного, отправляющего в могилы главным образом молодежь, голода в результате блокады Ленинграда. <...>

Трупы в морге, на улице, в домах, общежитиях, учреждениях. Везде и всюду трупы, трупы, трупы. Они вопиют о мести.

Каждый день в районный морг поступает 100–200 трупов. Доставляют больше, чем есть возможность вывозить. Хоронят в братских могилах. Были хищения детских трупов. [Назимов]

Из докладной записки начальника Городского управления военизированной пожарной охраны: Ночью на 11 января возник серьезный пожар в шестиэтажном жилом доме № 5 по Гесперовскому проспекту. В обычных условиях тушение этого пожара не представляло бы никаких трудностей. В данном же случае пожар принял затяжную форму и большие размеры. Распространению пожара способствовали следующие обстоятельства. Во-первых, в процессе тушения пожара из-за израсходования бензина пришлось несколько раз менять на главнейших позициях автонасосы с приостановкой подачи воды. Во-вторых, бойцы из-за усталости и истощения очень долго проводили боевое развертывание, а позднее вяло работали в сфере пожара. Многие бойцы вышли из строя, причем троих в карете «скорой помощи» пришлось отправить в больницу. На смену долго

работавшим бойцам из разных концов города были посланы пешком четыре отделения, т. к. из-за неимения бензина их нельзя было отправить на автомашинах. Сегодня, 12 января, этот пожар еще не ликвидирован, так как у бойцов недостает сил разобрать огромные груды обрушившихся и тлеющих конструкций, а также вскрыть междуэтажные перекрытия на значительной площади.

12 января

На станции создан новый стационар на 15 человек для восстановления. Кормить там нечем, вряд ли в этих условиях поможет. [Ходорков]

Из документов Городского штаба МПВО: Полностью сгорело здание общежития Университета по адресу: Зоологический пер., 4. Пожар продолжался семь дней. Тушить его было нечем.

22 января

На улице ни одного нормального лица. Голод влияет по-разному: опухают ноги, руки, лицо; затекают глаза; цвет лица серо-зеленый; худеют руки, ноги, тело, лицо; западают глаза; руки становятся тонкими до страшного; заостряется нос; у некоторых лицо темнеет — делается черным. На прохожих с нормальным розовым лицом оглядываются. По улицам страшно ходить. Бесконечные покойники на санках. Худые, длинные, не похожие на людей, и страшные лица. [Ходорков]

26 января

В 12 часов дня сегодня по Дому Советов выпущено семь тяжелых снарядов. Один снаряд пробил стену кухни и ранил четырех сотрудников. Пробит карниз. Выбито много стекол. В течение нескольких минут в Доме Советов творилось нечто невообразимое. В это время я был там и мне нужно было через двор перейти на командный пункт. Настроение минусовое, но все же перешел. [Назимов]

27 января

В 12 часов дня вновь обстрел района. Скоро ли это прекратится? Нарушается вся работа. Беспокоят ясли и стационары. Могут пострадать невинные дети и больные. [Назимов]

Из докладной записки начальника Городского управления военизированной пожарной охраны: В январе авианалетов не было. Противник подтянул и приступил к обстрелам из орудий калибра 180–210 мм.

За последние двое суток в городе возникло более 60 пожаров, из которых почти 20 % распространились и причинили большой ущерб горевшим объектам.

Пожарные команды города едва справляются с тушением пожаров. Основной причиной такого положения является резкая потеря трудоспособности личного состава и значительное число больных (свыше 1 500 чел.) на почве истощения, а также острый недостаток горючего для боевых автомашин.

30 января

Случайно обнаружил отек на ногах. Худо. Сдаёт сердце. Что будет дальше? Нужно что-то предпринимать. Но что? Лучше питаться. Но как? Жить нужно. Жить, чтобы работать, жить, чтобы увидеться вновь со своими. Как жду я этого часа. [Назимов]

У Волынского на ногах черные пятна — цинга. Рабочие, вышедшие из стационара, частью снова уходят по бюллетеню. Разговоры — от голода уже умерло 700 000–1 000 000. Не думаю, что это правда, но не менее 300 000 во всяком случае. [Ходорков]

31 января

Сердечный припадок. Почувствовал, как человек умирает. [Ходорков]

1 февраля

У отца явно неблагополучно с психикой. Собирается лететь на самолете и варить варенье из черной смородины. Что делать? Как его спасти? Мама поправляется. Сегодня угостил их шоколадом. Достал плитку и разделил на двоих. [Назимов]

3 февраля

Кружится голова, трудно ходить и не могу стоять (не могу стоять более трех минут). Если суждено упасть, передайте эти записки моей жене. Она должна знать, что и в последние минуты жизни в сердце я с ними. [Евдокимов]

6 февраля

Мама вышла из больницы. Чувствует себя хорошо. Вновь пытаюсь обеспечивать ее питанием. Как мне это удастся, не знаю. Папа пока в больнице. [Назимов]

8 февраля

Несколько дней тому назад умер отец Полины Глезер. Мать ее больна. Хоронить некому. Помочь бессилён. Труп лежит на квартире.

Вчера в Доме Советов умер один работник райфо. Около двух часов дня он обедал. К двум с половиной часам был уже труп. [Назимов]

9 февраля

Срочно вызвали в больницу им. Володарского. С отцом очень худо. Бросил все и побежал. Состояние его действительно ухудшилось. Он находился, когда я пришел, в состоянии протрации. Истощен донельзя. Пролежни на бедрах, спине, локтях. Слез не мог удержать и выбежал из палаты. Спазмы сжимали горло. Как тяжело! Теряю отца из-за голода! Он стал как ребенок.

Разносили обед. Вернулся в палату. Я накормил его. Он стал несколько бодрее. Спросил, нет ли писем. Выразил беспокойство за мою семью и всех находящихся вне Ленинграда. Заплакал. Я вновь вышел из палаты. Не мог. Нервы напряжены до крайности. Владеть собой становится все трудней и трудней. Где конец всем страданиям? Где предел испытаниям? Крепко поцеловав отца, я ушел. В это время пришла мама. Она осталась у него. Вечером прислал ему спирт и красное вино. Надежд на его выздоровление почти нет. [Назимов]

10 февраля

Мое самочувствие стало лучше. Табелъщицы нет-нет подбрасывают мне лишний талон на обед. Только это поддерживает мои силы. Цех наполовину отогрели. Жить продолжаю в цехе. Смертность в городе все увеличивается. Появились заразные болезни. [Евдокимов]

Среди наших родных первой жертвой Ленинградской блокады стал мой брат Николай Николаевич, высококвалифицированный

корабельный мастер с верфи [завода] Марти. Еще летом он отправил свою жену с дочкой-школьницей на свою родину в с. Троицкое. В связи с начавшимися налетами фашистской авиации и артобстрелами он в сентябре перебрался к своим родителям в нашу квартиру, считая, что здесь, на нижнем этаже в старинном сводчатом доме, он будет в большей безопасности, чем в своей комнате, расположенной на верхнем этаже одного из домов на ул. Толмачева.

Перед Новым годом он отправился в Старую Деревню к тетке своей жены, Анне Матвеевне, рассчитывая помыться в домовой бане. По возвращении 1 или 2 января он слег, истратив все свои силы на дальний многочасовой тяжелый путь, проделанный им пешком по снежным заносам.

Из дома он вернулся в свою комнату на ул. Толмачева. Он послал ко мне свою соседку, которая сказала, что Николай слег и просит меня прийти к нему. Когда я вошла в его комнату, он лежал в постели в плохом состоянии. Я спросила его: «Коля, что с тобой»? Он ответил: «Сестра, я умираю». Я попыталась его успокоить, но он в ответ сказал: «Мои дни сочтены, приходи, хоть отходную вместе прочитаем». Заплакав, он стал повторять: «Не оставляй в беде меня, несчастного».

Действительно, его положение было очень тяжело: он настолько ослаб, что даже не мог встать с постели в течение месяца. Я почти ежедневно ходила к брату: топила печку, кипятила чай, кормила его. 30 января я видела Колю в последний раз. Его состояние, и это было заметно, улучшилось, и по его словам, накануне он без посторонней помощи четыре раза вставал с кровати.

В тот день я находилась у него до наступления темноты. Перед моим уходом он сказал: «Хотя мне лучше, но все же ты, Соня, приходи и завтра». Я ему это обещала.

Но свое обещание, к сожалению, я не могла выполнить. 31 января неожиданно пришел мой сын Виктор, отпущенный из воинской части в краткосрочный отпуск. На несколько часов пришел домой мой муж Алексей Иванович, которому было дано знать о приходе сына. При таком стечении обстоятельств у меня не оставалось времени, чтобы сходить к брату.

Когда на другой день я пришла к брату, дверь его комнаты оказалась запертой. Его соседка, вышедшая ко мне, сказала: «Случи-

лось большое несчастье — 31 января умер Николай Николаевич». Мне было тяжело и больно, я горько заплакала. На мою просьбу открыть комнату она ответила, что ключи находятся у квартуполномоченного. До темноты, сидя у комнаты брата и время от времени начиная плакать, я тщетно ждала его прихода.

Возвращаясь домой, да и дома, сообщив эту горестную весть своим родителям, я все время думала о том, почему умер мой брат, если накануне он сам мне говорил об улучшении состояния его здоровья. В голове рождалась и все сильнее укреплялась мысль о совершенном злодеянии. Незадолго до своей смерти он мне сам говорил, что дал доверенность своим соседкам на получение карточек. Получив карточки, а это ежедневно 600 граммов хлеба, эти женщины не удержались от искушения и, по-видимому, насильственно лишили его жизни. И сколько я не ходила в последующие дни, комната брата оказывалась закрытой, и соседка продолжала издевательски уверять, что ключи находятся у квартуполномоченного, а ее местонахождение неизвестно.

Со слезами я умоляла соседку найти ключ, чтобы я могла по-христиански подготовить покойника к похоронам. Много раз ей объясняла, что я была в церкви, совершила отпевание, принесла крест и землю, чтобы возложить это на покойного. Однако мои слезы и просьбы на нее не действовали. Вероятно, женщины опасались, что, войдя в комнату, я увижу следы насильственной смерти брата. Спустя примерно неделю, они мне сказали, чтобы я больше не приходила: покойника увезли на похоронной автомашине, а ключ сдан в жакт. О месте захоронения брата нам ничего неизвестно. [Бирюкова]

Идя на работу, наткнулся на труп женщины. Насильственная смерть. Пробит череп. Труп, по-видимому, подброшен. <...> Морг больницы им. Володарского почти освобожден. В день вывозим по три-четыре машины. [Назимов]

11 февраля

Был в городе. Узкая дорога. Машина останавливается. Впереди сани с платформой. На санках сложены трупы. Оскаленные зубы. Перекошенные лица. Голые ноги. Сложены, как поленья, в 5-6 рядов, туго перетянуты двумя веревками. Рядом с головой торчат ноги, голые в черных носках. [Ходорков]

12 февраля

Вчера был очень загруженный день. Здорово устал. Нервы сдают. Не мог долго заснуть. Пришлось прибегнуть к 50 г спирта. Это помогло. <...>

Мое физическое состояние становится лучше. Питание в яслях сказывается, а дело доходило до обмороков, резкой слабости и пр. Сытому трудно воспринять ощущения голодного — сытый голодного не разумеет. А как это ощущение неприятно! Оно не дает тебе возможности спокойно разговаривать с людьми, работа не клеится, мысли путаются, память слабеет и все время клонит ко сну. Разговаривая, начинаешь дремать. Сознание же того, что это может привести к твоей гибели, заставляет искать пути улучшения питания.

И что стоит в такие периоды сытно поесть. Это высшее блаженство, ни с чем не сравнимое.

Голод — голодная смерть, что может быть трагичнее этого конца!

А люди продолжают умирать. Скоро ли придет конец этому? Вымирают целые семьи. Много семей. Тяжело видеть весь этот кошмар.

К отцу сегодня зайти опять не удалось. Не хватило времени. Но ему все же лучше. Жалею маму. Она, бедняжка, измучилась и все время в одиночестве. Как она еще крепко держится? [Назимов]

13 февраля

Умерли Ковенчук, Петя Кудрявцев, Ваня Голубев, Худоба, Егоров и многие другие из моих близких друзей. В цеху работать почти не с кем.

В бараке № 1 завода № 5 рабочий Барановский задушил свою жену, один ребенок умер с голода, другого он убил и наполовину съел. Барановский арестован и через день, сойдя с ума, умер сам.

Случаи продажи человеческого мяса и поедания мертвецов и своих детей резко стали учащаться. Кошек и собак в городе давно нет, и их так же ценят, как и хлеб. [Евдокимов]

14 февраля

Как приспособливается человек. Враг бросает фугасные бомбы — человек прячется в бомбоубежище; начинается артиллерийский обстрел — человек прячется на необстреливаемой зоне

или падает на землю; прекращена подача электротока — появляются свечи, импровизированные светильники, различные растительные масла и пр.; не стало воды — приступили к растапливанию снега, использованию [воды] из различных водоемов и пр. Не работает центральное отопление — отепляются железными печами, буржуйками, кирпичными лежанками; прекратились радиопередачи — информацию получаем через связных; прекратилась телефонная связь — устанавливаем живые связи; не стало продуктов — пошли в ход дуранда, кожа, клей, казеин, целлюлоза, хлопок, кишки, конина, кошки, собаки, горчица и многое другое.

Городские бани заменены уборными; парикмахерские — безопасными бритвами; трамваи и автобусы — санками; развлечения — работой.

Все заменяется, ко всему приспосабливаются. Человек борется за жизнь. Он хочет жить и не останавливается ни перед чем, вплоть до людоедства. Сильный побеждает, слабый погибает. Таков закон.

Сегодня хорошо помылся и выпил горячего чая. Чувство голода начинаю забывать. Питаюсь вполне удовлетворительно.

Заходил домой. Мамы не застал. Встретил ее в магазине в очереди за 125,0 г мяса. Устроил для нее пол-литра молока и двести граммов каши. Нужно поддержать. [Назимов]

15 февраля

С утра навестил отца. Его состояние стабилизируется. Настаивает на эвакуации. Но разве его силы достаточны для этого? Он не стоит на ногах. <...>

С трех с половиной до пяти часов отдыхал. Я плохо сплю по ночам. Сон поверхностный, беспокойный. Этим отдыхом доставил себе большое удовольствие.

Вечером зашел к маме. Посидел около нее около часа. Жаль ее, она здорово мучается.

Часов в семь вечера начался слепой артиллерийский обстрел города. Были пострадавшие. Сажу в своей маленькой комнате. Горят свечи. Растопил печь. Время 12 ночи. [Назимов]

Весь день сильнейшая артиллерийская канонада.

Хватились одного фабзайчонка. Искали. Нашли мертвым в машинном зале у маслоохладителей. [Ходорков]

16 февраля

У большинства женщин Ленинграда в течение нескольких месяцев нет менструаций. Врачи ожидают массовой гибели женщин к весне. Угроза страшной эпидемии весной. Вши, нечистоты, трупы, отсутствие воды, грязь в столовых. Свиристует дизентерия, которая стремительно выматывает. Один-два дня — человек неузнаваем. [Ходорков]

С утра вызвали в больницу. С отцом опять плохо. Начались галлюцинации. Видит несколько предметов вместо одного. Вид ужасный. В чем только теплится жизнь! Накормил его завтраком. Ест хорошо. Посидел больше часа и ушел. Много забот, много работы. [Назимов]

18 февраля

Умерли тетя Шура и Александр Горбачев. Дочь не успела их похоронить — трупы были похищены и бесследно исчезли. Неизвестными похищен мертвый ребенок, оставленный соседями для поедания. Умер нормировщик Гладышев. Бесследно исчез Алексей — сын Анны Николаевны Петровой. Смертность в цехе начала уменьшаться. [Евдокимов]

Отец умер у меня на руках. В 5 часов 40 минут вечера был его последний вдох. Я прибежал за 20 минут до его смерти. Отец уже был без сознания и меня не узнал. Кислородная подушка была бесполезной, как и другие средства. Было до боли жаль смотреть на это исхудавшее тело. Слезы градом лились из глаз. Как ему в этот день хотелось видеть меня. Как часто он об этом спрашивал, а умер, не зная, что я около него, что его голова покоится у меня на руках.

Он жадно ловил воздух. Дыхание становилось всё реже и реже. Вот и последнее. Смерть сразу же наложила свой отпечаток. Тело стало холодным и пожелтело. Черты лица заострились и худоба выступила еще резче. Жизненный путь оборвался на семидесятом году. А он мог бы еще жить! Проклятое время. Тяжелые испытания. Кто из ленинградцев еще не познакомился с горем? Подыми-те руки! Никого. Нет таких. <...>

Маму взял ночевать к себе. Сколько она перетерпела! Как ей тяжело! Она переносит все молча. Горе изменило ее. Она плачет тихо про себя, чтобы никто этого плача не слышал. Я не оставляю ее ни на минуту. Буду жить с ней. Потерять и ее невозможно.

Бедная родная мама! Я буду с тобой. Все невзгоды и лишения мы будем переносить вместе. И мы доживем, моя старушка, до веселых дней.

Прости меня, родной отец! Прости за все, что я сделал тебе плохого. Я любил тебя, но помочь тебе был не в силах.

Пишу и плачу. Мама рядом в постели. Я уложил ее. Она, конечно, не спит. Тихо. Тихо плачет. Слабо мерцает светильник. [Назимов]

19 февраля

Мама настаивает на том, чтобы похоронить отца на еврейском кладбище. Я не могу ей в этом отказать, хотя во много раз было бы лучше похоронить на Митрофаньевском кладбище в нашем районе. Приступили к организации похорон. Если бы кто видел, как сейчас в Ленинграде хоронят! Не стоит об этом много говорить. [Назимов]

21 февраля

Население страдает от дистрофических поносов. Есть много случаев дизентерии. Нужно немедленно принять категорические меры к предотвращению вспышки эпидемии. Нужно срочно очистить район от грязи, мусора и нечистот. Это основная задача настоящего дня, и этим я сейчас занимаюсь.

Вопрос, что требуется срочно осуществить, это поголовную иммунизацию всего населения района против дизентерии, к чему уже приступил. Кроме того, требуется быстрое развертывание инфекционной больницы, что будет осуществлено в первых числах марта-месяца. Эти мероприятия дадут возможность, так же как и стационары для дистрофиков, спасти сотни и тысячи жизней. <...>

Отца еще не похоронили, завтра идем в синагогу, как настаивает мама, оформить захоронение. Его труп пока находится в морге. Я не могу туда пойти. Тяжело! [Назимов]

24 февраля

В четверг мы отвозим труп папы в синагогу, которая будет его хоронить. Какая падаля работает на этом деле! Жулики, спекулянты. Они дерут за похороны сумасшедшие деньги, причем последние попадают в карман небольшой группы мошенников. Мои доводы

похоронить папу на Митрофаньевском кладбище маму никак убедить не могут, хотя она знает, что через синагогу хоронят только в братской могиле, без гробов. Здесь же можно было иметь индивидуальную могилу и лично его захоронить. Знать место его погребения. Как глупы и дики традиции. Как часто они заставляют разумных людей попадать под власть негодяев, широко этим пользующихся и набивающих себе карманы.

Сегодня труп папы занесен в теплое помещение. Его оттаивают. Завтра наденут на него белье.

Вместе с председателем исполкома собрались ехать. Машина была подана. Но уехать мы не смогли. Внезапно начался сильнейший артиллерийский обстрел района. В течение 15–20 минут было выпущено по разным улицам более 200 снарядов. Один снаряд попал в дом на пр. Газа, 52, пробив несколько этажей. Вновь случайные, ненужные жертвы без различия пола и возраста, положения и пр. Свыше 15 убитых и около 25 раненых. [Назимов]

26 февраля

Петроградская сторона, щель в парке. В щель брошен завернутый в тряпки труп мужчины. Спотыкаюсь. У входа в щель небольшой сверток, перевязанный бечевкой, лежит на земле. Разрываю бумажную оболочку. Выглядывают детские ножки в шерстяных носочках. На помойке голый труп мальчика лет 12–13. Губы, щеки, шея объедены крысами.

Сильный артиллерийский обстрел города, три снаряда легли на Марсовом поле. [Ходорков]

28 февраля

Последние три дня идет артиллерийский обстрел города. Вот сволочи. По-видимому, беснуются перед своей кончиной. Конец им придет и придет скоро! К себе в Германию они не вернуться! [Назимов]

28 февраля

Вчера отвезли папу в синагогу. Достал машину. Сам туда не поехал. Простился с прахом отца в больнице. Он почти не изменился, только глубоко запали глаза. Его одели в чистое белье, завернули в простыню и одеяло.

Последние секунды. Запечатлеваю в памяти его облик. Еще раз прости, дорогой отец, за все обиды, которые я тебе принес. Я был преданным сыном и любил тебя. Не уноси в иной мир обиду на меня. Крышка гроба закрыла твой прах. Стук молотка, и все кончено. Отца больше нет. Плачу — пытаюсь сдержаться, но не могу.

Выносим гроб и устанавливаем на машину. В это же время начался артиллерийский обстрел, но продолжался недолго. Гроб в синагоге, по рассказам мамы, в помещение не занесли. Он остался во дворе и сколько так простоит — неизвестно. Глупая религиозная традиция. За справкой о захоронении предложили прийти через две недели. [Назимов]

В феврале смертность в Ленинграде достигла максимума — 107 477 человек. Авианалетов в течение месяца не было.

9 марта

На Петергофской улице найден труп. Голова отсечена, рук и ног нет. Грудная и брюшная полости вскрыты. Явные признаки людоедства. На рынках уже несколько раз обнаруживали продажу человеческого мяса в вареном виде. Чаще обменивают на хлеб. [Назимов]

10 марта

Улучшение общего положения сказалось и на дисциплине, и порядке в госпитале: руководство стало требовательнее и жестче, что благоприятно стало отражаться на распорядке лечения, питании и общем уходе, что в итоге благоприятно стало отражаться на больных, которые стали лучше питаться, выглядеть и чувствовать себя.

Общий электросвет дается с 0 часов до 6 часов утра. Появился местный электросвет на времянках. Этот свет дан на лестницы, кухни, места общего пользования и др. Но коптилки <...> прочно держатся в отделениях. [Лившиц]

11 марта

Заболел 8 марта. Будучи дежурным по цеху, я почувствовал себя слабо и очень скверно. В 9 вечером была температура 39,2. Всю ночь мучил понос. Пытался вынести болезнь на ногах, но чувствовал свое бессилие. Сегодня большой упадок сил (температура 35,1). Пошел к врачу. Доктор Панина выдала бюллетень и кроме

сухарей да рисового отвара есть ничего не велела. Интересно, откуда сейчас я могу достать рис или тех же сухарей? Вот формалисты-лекари. Их дело сказать да написать, а лечиться все же изволь сам. Раз так, значит, буду лечиться своими средствами. [Евдокимов]

13 марта

Третий день кроме хлеба с солью ничего не ем. Чувствую себя слабо, но желудок начало крепить. Пришлось купить себе хлеба, и от премии денег уже не осталось. <...> Деньги сейчас мне могут решить жизнь. <...> Завтра иду к врачу. Если желудок сегодня за ночь закрепит, то, несмотря на слабость, буду просить выписаться и пойду в цех. Дома скучно и к тому же еще не время сидеть. В цеху мое отсутствие заметно, и там я буду себя чувствовать лучше. [Евдокимов]

У сотрудницы райздравотдела Т-вой ребенок эвакуирован в город Котельнич. Пришла телеграмма о его болезни. Разрешаю [ей] выехать. По приезде на место она ребенка не застает. Он уже похоронен. В Ленинграде ее ждут новые страдания. С фронта письмо — убит брат. Через день — письмо из города Калинина. Во время налета осколком бомбы убивает ее мать, сестру и тяжело ранит отца, который вскоре тоже умирает. Муж в Ленинграде на грани гибели от голода. Но его она все же спасает. Направляю по ее просьбе в стационар ее единственного оставшегося в живых друга.

В одной семье из шести человек осталась жить девочка тринадцати лет. Остальные все умерли.

На Ординарной улице Петроградской стороны высится большой многоэтажный дом. В одной из квартир живут две родные сестры — служительницы искусства — скрипачки. Они окончили консерваторию, пользовались у жителей дома большой любовью и уважением. Но в последнее время проживающие в нижних этажах жильцы стали жаловаться управхозу, что в квартире этих музыкантш по вечерам ежедневно рубят дрова. Они настаивали, чтобы управхоз пошел и предупредил сестер о недопустимости рубки дров в квартире, но управхоз не внял просьбам. Он не пошел и не предупредил.

Однажды днем жильцы дома увидели, как сестры внесли в квартиру труп ребенка лет двенадцати-тринадцати. Вечером того же дня вновь началась рубка дров. Тогда общественность домохозяйства

решила сама пойти и выяснить, что делается в этой квартире. Долго пришлось стучать, и только после угроз сломать дверь их впустили. Обе сестры были заняты разделкой трупов. Куски мяса были сложены между окнами. В комнате найдено несколько мешков с человеческими костями.

Это не легенда — это факты — это действительность. Такие люди не вызывают жалости, если получают самые суровые наказания. Их нужно уничтожать. <...>

Немцы пытаются сеять среди ленинградцев панику. Шквальные обстрелы города почти ежедневно. Но вместо паники они пожнут ненависть и злобу, жгучую злобу. День расплаты наступит. Он близится, и народ, перенесший столько страданий, не останется в долгу.

Когда говорят, что человека постигло то или иное горе, то в прошлом это понятие ассоциировалось с тяжкими переживаниями. Горе — это тяжкие моральные страдания. Теперь же тяжесть страданий настолько велика, что, применяя термин «горе», не отражаешь в нем всей сути, всей глубины исключительных по своему характеру, разнообразию переживаний, посеянных войной. [Назимов]

16 марта

В госпиталь ночью попало два снаряда — один в прачечную, второй — у приемного покоя. Могло быть хуже. Несмотря на обстрел, в ординаторской заседала выездная коллегия военного трибунала. Судили больного, растратившего на фронте продукты. Приговорен к расстрелу. [Лившиц]

19 марта

Выписался с бюллетеня. Хотя и очень слаб, но решил идти в цех. Работал хорошо, чувствовал себя нормально. [Евдокимов]

22 марта

Обстрелы продолжают, но жертв мало. Люди стали более осторожны. Все, наконец, поняли, как нужно себе вести. Скорей нужно обеспечить население витаминами. Открыл новые ясли. [Назимов]

24 марта

Игры со смертью продолжают. Осколок вражеского снаряда впился в радиатор машины, на которой я ехал в город. В течение

нескольких минут по району было выпущено свыше ста снарядов крупного калибра. Два снаряда разорвались вновь около поликлиники и вновь вывели из строя часть здания. К счастью, пострадавших никого не было. За исключением одной медсестры тубдиспансера, контуженной взрывной волной. Она совершенно оглохла, но слух, по-видимому, восстановится. [Назимов]

29 марта

Ночь сменилась ужасным днем. С вечера противник начал обстрел района, нащупывая наш завод. Снаряды рвались все ближе. Будучи дежурным по цеху, выставил около зданий посты, проверил маскировку и под утро лег спать. Стрельба продолжалась.

В 6 часов 15 минут раздался ужасный взрыв. В конторе вылетели стекла, сорвало рамы, двери разлетелись в щепки. Я остался невредим. Взрывы, сотрясающие землю, повторились несколько раз. В направлении пятого завода поднялся столб огня и дыма. Распорядился о выводе людей и обошел цех и был поражен масштабами разрушений.

В десять часов получив разрешение на час сходить домой, я воочию увидел кошмарную картину, которой не мог даже вообразить. Всюду раненые и убитые, снег обгажен кровью, слышны стоны и отдаленные разрывы снарядов. От станции Ржевка остались одни угли и обломки железа. Стальные рельсы, вагонные колеса, части паровозов были разметаны взрывом в разные стороны. Отдельные детали улетели, ломая все на своем пути, на сотни метров.

До дома добрался благополучно. В своей квартире обнаружил ту же картину полнейшего разгрома. Рамы и двери сорваны, мебель отброшена от стен и перевернута, на полу груды битых стекол. От моего небогатого жилища остались одни побитые осколками стены да кучи мусора. Немилосердный мартовский ветерок, не встречая преград, вольно гулял по комнатам. Не час, а целый день был я вынужден потратить на латание дыр. [Евдокимов]

Оперативная сводка Штаба пожарной службы МПВО Ленинграда о пожарах и загораниях с 9.00 29 марта по 9.00 30 марта 1942 года: Докладываю, что 29 марта 1942 г. на железнодорожных путях станции Ржевка произошло 3 взрыва исключительно большой силы — первый взрыв в 6.20, второй — в 6.30

и третий в 6.38. Взрывы произошли в стоящих на железнодорожных путях вагонах.

На месте взрыва образовались воронки: первая глубиной 8–10 метров, длиной 50 метров, шириной 50 метров и вторая — глубиной 5–6 метров, длиной 120 метров и шириной 15–20 метров.

В результате взрывов:

1. Разрушено железнодорожное полотно.
2. На заводе № 5 от действия взрывной волны частично разрушены корпуса №№ 143, 146 и 147 сушильного цеха.
3. На Охтинском химкомбинате, фабрике «Пятилетка», заводе Воровского вырваны рамы и частично оконные переплеты.
4. Значительные разрушения произведены в жилом секторе Ржевки и Пороховых. Совершенно разрушено — 50 жилых домов. Повреждений, требующих капитального ремонта (выбиты простенки, сорваны кровли, расшатаны печи), — около 300 жилых домов. Повреждений, требующих текущего ремонта, на сумму около 1,5–2 млн. рублей. Общая сумма убытков от разрушений жилых домов около 8 млн. рублей. Кроме того, от действия взрывной волны выбиты стекла в нескольких объектах и жилых домах Красногвардейского и Смольнинского районов.
5. Обнаружено значительное количество пострадавших: легко раненых — 564 чел., тяжелораненых — 222 чел. Пострадавшим оказана помощь на месте и произведена их эвакуация в больницы. Точных сведений о количестве убитых нет.
6. В очаге поражения работали силы и автотранспорт 21-го, 22-го и 26-го участков МПВО, 28-й ВГПК, пожарная команда завода № 5 и бойцы 4-го полка МПВО.
7. Работы по оказанию помощи пострадавшим к 19.00 продолжались. На самой станции Ржевка работ не производилось, так как взрывы снарядов в железнодорожных вагонах продолжаются. За истекшие сутки с 9.00 29 марта по 9.00 30 марта 1942 года от воздушного налета и артобстрела пожаров и загораний не было. За этот же период времени в городе от бытовых и других причин возникло 8 загораний и 2 пожара. Все загорания и пожары, возникшие в результате взрыва примуса, опрокинутой керосиновой лампы, от выпавших горячих углей и пр., были быстро ликвидированы, не причинив при этом почти никакого материального ущерба.

31 марта

Стали появляться жертвы взрыва. Очень жаль Тамару Петрову, Фаину и Наумову. Они все погибли. Половина рабочих цеха ранены осколками стекла и обломками. Большинство осталось без крова. Два дня восстанавливаем цех, убираем стекла и обломки. Выявляем уцелевших работников. Завтра возобновим выпуск продукции. [Евдокимов]

В марте налеты авиации немцев на город не возобновились. Смертность в сравнении с февралем пошла на убыль, она составила 98 966 человек. Наступал перелом. Труженики ледовой трассы день ото дня наращивали объемы перевозимых грузов. Увеличивались нормы продажи продуктов. Хлебозаводы прекратили подмешивать в тесто суррогаты, улучшилось снабжение высококачественными продуктами, мясом, маслом и т. д. Ленинградский фронт получил от Ставки Верховного Главнокомандования две отдельные корректировочные эскадрильи, две звукометрические батареи, два дивизиона артиллерийско-инструментальной разведки. Это позволило перейти к тактике уничтожения дальнобойной артиллерии противника.

4 апреля

Рядом с Герасимовым в машине убило шофера. На нем пробита шинель. Бомбардировщики пикировали на корабли Балтийского флота на Васильевском острове. Крупный налет, участвовало не меньше 50 машин. Награда — 4 письма. [Ходорков]

Сегодня после долгого перерыва был вновь массированный налет на город. Самолеты в количестве 58 штук тремя волнами между семью и восемью часами вечера появились на небольшой высоте над Ленинградом и сбросили много фугасных бомб. Опять жертвы, опять разрушения. Одновременно велся интенсивный артиллерийский обстрел шрапнелью. [Назимов]

Устал от ходьбы. Нас таких много: бюллетень лежит в кармане, а мы топаем из одного конца города в другой, чтобы сделать что-либо полезное для дела, для фронта. Попал под артобстрел. Но все обошлось благополучно. Многие усвоили себе весьма примитивное утешение: мимо нас — и слава богу.

На верфь пришел еле живой. Ноги не стоят. К тому разболелся живот. Не помогли никакие грелки. Думал, что окочурюсь, до того

меня скрючило. Сказалась дневная голодовка вчерашнего дня и относительно плотная еда вчера вечером и сегодня утром. <...> Теперь мне понятны рассказы о гибели эвакуируемых. Получив в эвакуопункте неплохой обед и более килограмма хлеба на дорогу, они съедали его сразу и тут же погибали.

За последнее время на верфи еще кое-кто богу душу отдал.

Умер хороший корабельный специалист П-в, электросварщик М-в, кладовщик Г-в, работница П-ва (накануне потеряла карточки), охранник Никитин, инженер Киселев, рабочий Богомолов. Последний пришел на работу за карточками, купил хлеба и тут же съел, заночевал на верфи. Утром его нашли мертвым. <...>

Многих ленинградцев мучает цинга. Болят руки и в особенности ноги. Кровоточат десны, шатаются и выпадают зубы. Ноги покрываются черными точками, переходящими в язвы. Появляется отечность с багрово-синим оттенком. Больные еле передвигаются. Радио и печать усиленно рекомендуют пить настой из хвойных игл, есть проращенный горох и сырое мясо. Но главного лекарства — аскорбиновой кислоты найти трудно. Прежняя стоимость 1 г — 13 руб., а теперь я бы сам уплатил 350 руб. за 1 кг хлеба. Многие обладатели аскорбиновой кислоты нажили немало денег. Витамин С вырабатывается на некоторых полузаводских установках. Но это все мало. Но одним лекарством не спасешься. Необходимо питание. К тому же возня с хвоей весьма канительная: ее надо мыть, стричь, настаивать, процеживать. И все же многие одобрительно отзываются про это горькое питье. <...>

По делам отправился на верфь. Солнце уже успело кое-что растопить. Большие поля асфальта на центральных улицах очистились от льда и подсохли. Приходит конец санкам, которыми так широко пользовались ленинградцы в эту зиму. Но тележек еще мало и санки еще в ходу.

Вот дворник везет по Невскому два трупа. Они навалены друг на дружку и перевязаны веревками. Внизу труп женщины. Ее волосы растрепаны и волочатся по мокрому асфальту. Дворник устал. Он останавливается, достает кисет с табаком, садится на трупы и, не торопясь, скручивает себе самокрутку. Не спеша докурив, дворник встает и продолжает свой путь к месту сбора трупов. Эта жанровая сценка вряд ли привлекает внимание прохожих. Горожане, к несчастью, на них слабо реагируют — привыкли. [Лившиц]

5 апреля

Весенние голоса 1942 года — это режущий слух звук падающей бомбы или артиллерийского снаряда. Сколько новых «весенних» жертв. Ночь на 5 апреля 1942 года. Резкий звук сирены. Канонада зениток. Город освещен как днем. С самолетов немцы сбрасывают осветительные ракеты на парашютах. Они медленно опускаются, превращая ночь в день. Бомбы поражают цели, от взрывов дрожит земля. Взрывы, стоны и опять кровь и смерть. Таковы весенние голоса 1942 года. [Назимов]

Из документов Городского штаба МПВО: В 2 часа 40 минут фугасной авиабомбой разрушена столовая здания Академии художеств. Ранено 50, убито 14 человек.

7 апреля

Непродолжительный, но интенсивный обстрел района. Снаряды ложатся около поликлиники, 197-х яслей, 6-й школы. В поликлинику поступили раненые. Есть и убитые.

Вновь начался шквальный артобстрел. Снаряды ложатся где-то совсем близко. Бросаю писать. [Назимов]

Немцы непрерывно обстреливают город. Возобновились бомбардировки. Больше всего достается нашему району. <...>

Погода скверная, совсем не весенняя и холодная. Хотя дыры в комнатах мне удалось заделать, остеклил даже одну раму, но холод невозможный; страшно раздеться и страшнее всего вставать.

В технологической фазе № 17 умерли рабочие Кузьмин и Иванов. Дойдя до цеха, они не нашли сил вернуться обратно домой. Смерть от голода тихая, бесшумная и, пожалуй, самая спокойная. Только как не хочется умереть этой смертью.

Спасибо Марусе. На этот раз она меня поддержала. Она мне дала четыре пачки папирос, овсяных лепешек и пять купонов на крупу. На купоны я мог взять пять порций супа. Часть папирос не утерпел и скурил сам. Нервы все же нет-нет да и зашалят. [Евдокимов]

8 апреля

Под вечер пошел пройтись по набережной с командиром краснофлотцев. Прошли километра три в оба конца.

Дорожные сцены: у фабрики-кухни ничком на талом снегу, головой в грязи умирает женщина. У рта — кровавая пена.

Несколько мальчишек, оживленно переключаясь, указывают на что-то, лежащее в снегу на берегу реки. Подходим — оскаленная голова торчит из-под снега, как на блюде. Снег по шею. Грохот разрывов на левом берегу. С недолетом рвутся снаряды. Встают облака дыма.

Идем дальше. Муж и жена выносят на веревках невероятно худое тело ребенка, завернутое в лоскуты ткани. В семье — дети и иждивенцы, принимают решение, кто должен умереть. Докормливают, чтобы жили остальные. Как ужасно! Ребенок осужден. Он хочет жить. Подбирает каждую крошку. Рыдает, взрослые озлоблены и готовы убить себя или его.

В других семьях находят моральную силу делить поровну.

Надо помнить, сколько горя и глубокого смысла кроется за каждой коротенькой строчкой записи. [Ходорков]

9 апреля

Был в поликлинике. Народу — тьма. Очередь грандиозная. У входа давка, крики и ругань. Некоторые больные голосят в полный голос. Врачи почти не выслушивают больных и сами изнервничались и издергались, и не мешало бы их самих подлечить. Посетителей много, получив продовольственные карточки, многие вновь садятся на больничный, а в конце месяца вновь выходят на работу, получают карточки и опять бюллетенят. Значительная часть не симулирует, так как нет сил не только работать, но и просто передвигаться. Я сужу по себе: пройти одну трамвайную остановку, подняться на второй или третий этаж — труд, требующий большого напряжения. [Лившиц]

13 апреля

Вчера был ураганный обстрел города и особенно нашего района. Обстрел с перерывами продолжался несколько часов. Много убитых и раненых. Сегодня пока тихо.

Что будет ночью, посмотрим. Усиленно готовимся к противохимической защите. То, что немцы будут применять ОВ, в этом уже никто не сомневается. [Назимов]

Через каждые десять минут раздаются взрывы. Немцы обстреливают район Ржевки. Земля дрожит, дом того и гляди развалится. После взрыва 29 числа нервы стали заметно пошаливать и ощущать

подобные неприятности. Время позднее, но спать ложиться как-то неприятно. Неужели сегодня нам снова повторяют тот фейерверк, который мы не успели еще выкинуть из головы? Все же будет легче спать. Чует сердце сегодня беду. [Евдокимов]

14 апреля

Обстрел длился всю ночь. Снаряды рвались на полигоне Ржев-ки, и у нас в рабочем поселке возник пожар, но я все же пролежал всю ночь в постели и в траншее не прятался. Не пострадал, значит, ночь прошла благополучно.

Подписка на заем в цеху проходит как никогда хорошо. За первый день подписки мы охватили весь наличный состав, и подписка достигла ста тысяч рублей. Это небывалый успех. [Евдокимов]

18 апреля

Нет дня, чтобы противник не обстреливал город. Снаряды рвутся день и ночь. Очевидно, туго достается немцам.

Готовимся к противохимической обороне. Противогаз, так же как ложка и котелок, всегда с собой. Химическая атака или обстрел химическими снарядами вполне возможная вещь. На такие пакости немцы горазды. Тем более, когда их бьют без пощады. [Евдокимов]

19 апреля

Время 18 часов 30 минут. Вновь начался артиллерийский обстрел района. Весь день испорчен. [Назимов]

21 апреля

Такого обстрела, какой был вчера, 20 апреля, ленинградцы еще не знали. Шквальный, ураганный огонь. Снаряды ложились около поликлиники, исполкома, больницы им. Володарского и в других местах района.

Еще не закончился обстрел, как мне нужно было выйти в поликлинику и больницу им. Володарского. Рвалась шрапнель. Стреляли наши орудия. В поликлинике не осталось ни одного целого стекла. Два снаряда разорвались на чердаке, разворотило крышу. Доставили раненых, среди них трое врачей...

В больнице им. Володарского горел гинекологический корпус. В него попало три снаряда. Все больные были выведены. Шесть

больных ранено. Из них двое тяжело. Дал необходимые указания и, получив заверения, что все будет в порядке, направился на командный пункт.

Перспектив Стачек весь разворочен. Везде воронки от снарядов. Стекла в домах все выбиты. Около ограды Сада им. 9 января изуродованный труп, на другой стороне дороги тоже. Лужи запекшейся крови. На командном пункте принял все меры к скорейшей эвакуации пострадавших. Вызвал три машины скорой помощи. Договорился об эвакуации больных из сгоревшего здания. Сегодня 73 больных вывезены в другие больницы. [Назимов]

22 апреля

Сплошная канонада. Трудно понять, где наш, где вражеский обстрел. Город в напряженной лихорадке. Все чего-то ждут. Всем чудится, что в эти дни решается судьба Ленинграда и ленинградцев. [Евдокимов]

Немецкое командование предприняло операцию «Айсштосс» («Ледовый удар») с целью уничтожения вмерзших в лед кораблей Балтийского флота. 24 апреля в крейсер «Киров» попали две 250-килограммовые бомбы и один крупнокалиберный снаряд. На корабле начался пожар, стали рваться зенитные боеприпасы, но через 45 минут огонь удалось потушить. Одновременно на корабле были выведены из строя все 100-мм орудия, повреждены кормовая труба и грот-мачта, разрушены отделение вспомогательных котлов и камбуз, 82 человека погибли, а 42 получили ранения. Убитые похоронены на Пискаревском кладбище.

Из документов Городского штаба МПВО: В 14 часов 15 минут фугасной авиабомбой на углу Среднего пр. и 21-й линии разрушен д. 18. Ранено 15, убито 5 человек.

26 апреля

Последние дни обстрелы и бомбежки каждодневно. На город налетает большое количество самолетов, до 30–50 штук.

24 апреля бомба попала в одно портовое здание. В морг больницы им. Володарского с места взрыва доставили 16 совершенно изуродованных трупов. Фашистские летчики бомбят город с пикирования. Во многих районах большие разрушения и жертвы. Вчера

в помещении 19-й пожарной команды попал снаряд — один убитый и трое раненых.

Странно как-то сегодня, не слышно обстрелов, нет налетов. Наша квартира от обстрела 24-го несколько пострадала. Выбиты последние стекла. Много осколков, пробив доски, влетели в комнаты. В нескольких местах отбита штукатурка на стенах, потолке, пробит буфет, повреждена люстра в столовой и др.

В городе трудно найти дома, в той или иной степени не пострадавшие. Фасад нашего дома весь изранен. В Кировском районе все дома несут на себе признаки войны. [Назимов]

28 апреля

У нас опять в семье несчастье. 27 апреля умер еще один брат — Гриня, тринадцати лет.

На днях закончатся занятия в ВУПе, я получаю специальность станковый пулеметчик, к маю, наверное, меня возьмут в армию. Я хотел бы справить 1 мая и свой день рождения, а потом 5 мая уйти в военно-морскую школу. [Владимиров]

С декабря 1941 года по апрель 1942 года в 15 районах города силами Медико-санитарной службы МПВО обнаружено и вывезено в лечебные учреждения 9 979 больных дистрофией.

Из документов Городского штаба МПВО: Всего в апреле было 7 авианалетов с участием 118 самолетов.

1 мая

Не писал давно, не было свободного времени и уставал. Несмотря на объявление 1-го мая рабочим днем, чувствуется праздник. Как ни странно, сегодня не было обстрела, а готовились ленинградцы к большим неприятностям. Предшествующие 1-му мая дни были днями налетов и обстрелов. Были пострадавшие и разрушения. [Назимов]

Из документов Городского штаба МПВО: 2 мая. На заводе «Автоген» в результате разрыва снаряда на складе ацетилена и испытательной станции возник пожар. Взорвалось более 100 баллонов с газом.

7 мая. Попадание снарядов в главный корпус ткацкой фабрики «Равенство» вызвало пожар на нескольких этажах. Огонь, подгоняемый сильным ветром, быстро распространился по зданию. Установленные на верхних этажах здания ткацкие станки

проламывали прогоревшие перекрытия, что увеличивало зону распространения пожара. При тушении пожара погибли начальник караула Р. Тиханов, боец Н. Петров и две девушки из МПВО. Обстрел района продолжался с 4 часов пополудни до 2 часов ночи. Взрывами снарядов были убиты шестеро бойцов пожарных команд. Четверо пострадавших умерли от ран в больницах.

7 мая

Что за чертова весна? Холодина невероятная. Вот уже четвертый день идет снег, вьюга, ветер, как в феврале, и, кроме того, восьмиградусный мороз. До сих пор приходится под пальто носить теплую фуфайку. Хуже всего, что погода отнимает от нас даровую пищу — крапиву, которая была нашим большим подспорьем.

Цинга снова свирепствует. С зубов течет кровь, во рту лущится небо, тело покрывается кровяными пятнами. Ноги подкашиваются, ломота во всех суставах такая, что нет никакого терпения. Врачи помочь не могут. Настой хвои не помогает.

Как ни печально, но я всерьез начал курить. Стало трудно держать нервы, и целыми ночами я не могу уснуть. Ну, что же. [Евдокимов]

9 мая

Рядом в заброшенном доме валяются трупы. Народ продолжает умирать. Умирают в меньших количествах, но умирают. [Ходорков]

13 мая

Сегодня взвесился на медицинских весах. Мой вес вместе с одеждой и ботинками оказался только 69 кг. А ведь мой чистый вес составлял когда-то 78 кг. За эту зиму я похудел на 13 килограммов. Это моих ожиданий все же не превзошло, так как и по настоящий день чувствую себя очень слабым. [Евдокимов]

17 мая

Почти ежедневные обстрелы и налеты. Наш район весь изранен. Едва ли осталось хотя бы одно здание, не пострадавшее от снаряда или бомбы.

Не так давно у жены Н-ва осколками снесло череп. Он с трудом нашел ее труп в морге и опознал по одежде. Гибнет при каждом обстреле по 10–15–20 человек. [Назимов]

22 мая

Время 22 часа 5 минут. Небо в тучах. Моросит дождь. По радио передают отрывки из оперы «Аида».

Только закончил составление проекта решения о закрытии временно некоторых медицинских учреждений, расположенных по ул. Калинина. Этот район особо пострадал от обстрелов, и жителей улицы переселяют в другие места. Дотла сгорела фабрика «Равенство». Какие дикие сцены разыгрались во время пожара. Пожар начался от снаряда. В огне сгорело восемь пожарных. Две девушки в это время находились на наблюдательной вышке, на высоте 8–9-го этажа. Море огня бушевало под ними. Помочь им было невозможно. Они так кричали, что их слышали на пл. Стачек. Убедившись, что помощи ждать бессмысленно, они бросились вниз и разбились. Так каждый день жертвы! Светлых промежутков нет. А что еще будет? Химическая война! Ужас! Сколько еще погибнет людей, сколько станет нервно- и душевнобольных?

Авианалетов давно не было. Странно! Сейчас с нашей стороны появилось много самолетов. Это радует. Осень 1941 года была гораздо хуже. Тогда немцы почти безнаказанно разрушали город. [Назимов]

Из документов Городского штаба МПВО: Активность авиации противника резко снизилась. За май было всего 2 авианалета, над городом были замечены 2 самолета.

Начало июня

За полкило хлеба в месяц мы сняли маленькую уютную мансарду. Большое итальянское окно выходило в сад, в котором вместе с фруктовыми деревьями росли березы и ели. Ветки их глядели прямо к нам в окно. <...>

Около нашей прелестной дачи с мансардой воинская часть поставила дальнобойные орудия. Ранним утром оглушающий шум потрясал окрестности — наши снаряды неслись в район Петергофа, Ораниенбаума и др. Но с этим легко было бы примириться, достаточно было себе представить, как снаряды попадали немцам на завтрак, но беда была в том, что немцы скоро нащупали стоянку наших орудий и тогда началась ответная стрельба.

Близко от нашей дачи ложились вражеские снаряды, вот они уже в саду соседнего дома, вот они уже на улице перед нашим домом,

и так уже каждый день, вернее, утро. На грани ночи и утра, когда одуряющая сила сна была так велика и упоительна, врвался безумный грохот, домик наш трясся, как в лихорадке, и стены мансарды ходили ходуном.

И так уже каждое утро. Но мы стоически терпели. Чувство страха перед рвущимися снарядами заглушалось муками вечного сосущего, режущего голода. Кажется, мы решили привыкнуть к ним, к этим рвущимся снарядам, и никуда не уходить и не покидать приютившее нас жилище.

Однажды снаряд с потрясающим грохотом разорвался уже на нашем дворе. Со звоном вылетели стекла нашего дома и комья сырой земли шлепнулись в разбитые окна. Но, кажется, и это не испугало нас.

Это было грозное испытание судьбы, и, не знаю, удалось бы нам выдержать его, если бы не случилось совершенно неожиданное нечто, что резко изменило наши судьбы: нам вручили повестки в военкомат. [Миронова]

Из документов Городского штаба МПВО: 4 июня. Почти сутки бушевал пожар в здании книжной базы «Печатный двор». Здание было буквально забито печатной продукцией. Температура в здании была столь высока, что возникла серьезная опасность возгораний в рядом стоящих зданиях. Пожарные команды были вынуждены основные силы бросить на их защиту. Пожар удалось локализовать к середине следующего дня.

18 июня

Днем прилетели первые снаряды. Они ложились близко. Здание верфи сотрясало от разрывов. Я распорядился перевести сослуживцев в общежития. Через 7–8 минут обстрел нашего района прекратился.

Позднее я увидел последствия сегодняшнего арналета. Пара снарядов разорвалась на Невском у «Пельменной». Осколки пробили витрину у кинотеатра «Титан». Несколько снарядов попали в Фонтанку. Один снаряд взорвался у Куйбышевского райкома партии. Кругом битые стекла, изъезженные осколками здания, черные дыры оконных проемов. Проходя в конце дня мимо Дворца пионеров, я слышал ритмичные звуки матросского танца — дети-участники танцевального кружка продолжали прерванное занятие. [Лившиц]

Из документов Городского штаба МПВО: 22 июня. В 12 часов 48 минут артснарядом пробита стена дома по Большому пр. П.С., 62. Ранено 11 человек, из них двое детей, убито 2 человека.

В июне немецкая авиация совершила три налета, в которых участвовало всего 7 самолетов и сброшено на город 5 фугасных бомб. Убито 10 человек, ранено 46.

8 июля

В субботу 4 июля был шквальный обстрел района. Снаряды рвали на Нарвской площади. Было 12 убитых и 32 раненых. Трупы и раненые временно были собраны во дворе нашего дома. На маму это произвело ужасное впечатление. Один снаряд попал в квартиру Р-и. От квартиры осталось одно воспоминание. К счастью, там никого не было. <...>

Много людей погибло на трамвайной остановке. Бедные дети и невинно погибшие матери и отцы. Как жаль всех вас. Только минуту назад вы бодро шли по площади, о чем-то думали. Таили в себе надежду на скорое окончание всех несчастий и лишений. А сейчас вас уже нет. Оторванные конечности, черепа, внутренности, мозги, разбросанные по всей площади. Лужи запекшейся крови и осколки разорвавшегося снаряда, еще теплые, покрытые кровью.

Мама немного прихворнула. Она много пережила, но еще стоически держится. Что делать с ее эвакуацией? [Назимов]

С 5 по 8 июля был нанесен первый комбинированный удар по трем батареям противника. В атаке на вражеские позиции участвовали артиллерия и авиация. Артиллеристы провоцировали немцев на ответный огонь. После этого по засеженным целям удар наносила авиация.

Из документов Городского штаба МПВО: 14 июля в 1 час 14 минут от разрыва морской мины, сброшенной на парашюте, разрушены д.д. 9, 11, 13 по Диагональной улице. Ранено 19, убито 6 человек.

14 июля

9 июля состоялось решение Горкома ВКП(б) о переводе меня на работу в Горздравотдел. В ближайшие дни придется распрощаться с Кировским районом, где я проработал семь лет и из них один год Отечественной войны. Работа в аппарате Горздравотдела меня

устраивает мало, но необходимо выполнять принятое решение. Мои шаги противодействия ни к чему не привели. [Назимов]

Летом 1942 года в Ленинграде было относительно спокойно. Активность вражеской авиации резко снизилась.

Из документов Городского штаба МПВО: В июле 1 налет с участием 1 бомбардировщика, в город попало 12 фугасных бомб.

В августе налетов не было. В сентябре — 1 налет с участием 7 самолетов. 5 человек погибло, 94 ранено.

8 октября

Становится холодно. Пасмурно, сыро. Тоскливо. Физически чувствую себя плохо. Опять здорово похудел. Ощущаю голод. Кормить стали хуже, работаю много. [Назимов]

23 октября

Каждый день обстрелы — частые с короткими промежутками. Из тяжелых орудий. К ним мы уже привыкли, как и к налетам с воздуха. Налеты стали реже, но обстрелы — ежедневно. Это теперь постоянный компонент нашей блокадной жизни. Они пострашнее. О приближающихся к городу вражеских самолетах предупреждают заранее — сигнал воздушной тревоги, а об обстрелах никаких предупреждений нет, да они и невозможны. Население узнает о них по жуткому свисту в воздухе, когда уже летит снаряд, и не может от него укрыться своевременно в бомбоубежище. На некоторых улицах появились предупреждающие надписи: «Во время обстрела эта сторона улицы наиболее опасна». [Берман]

Из документов Городского штаба МПВО: 23 октября в 15 часов 30 минут прямым попаданием фугасной авиабомбы в здание — Правый берег Невы, д. 178, ранено 85 человек, из них 56 красноармейцев 341 отд. гор. батальона, убито 5 человек.

28 октября

Сегодня был обстрел города. Артиллерия немцев била по центру города. Снаряды свистели над Горздравотделом. [Назимов]

15 часов 30 минут — сильная бомбежка района станции. Вышла из строя линия передачи Октябрьская II-я. В поселке убито и ранено много народа. Воронкой от бомбы перерезана дорога вдоль Невы в город. [Ходорков]

29 октября

Ночью производился обстрел тяжелыми снарядами района станции. Все здание ходило ходуном. Спать совершенно невозможно. [Ходорков]

3 ноября

Восемь утра. Сегодня нас рано поднял звук сирены. Вчера вечером тревога была дважды. На улице был слышен звук мотора одиночного самолета. Били зенитки, сбрасывания бомб не было. Начало тревогам положено. [Назимов]

Из документов Городского штаба МПВО: 8 ноября фугасная авиабомба разорвалась в пятиэтажном жилом доме на Боровой ул., 26. Пламя быстро охватило деревянные конструкции разрушенного здания. Не хватало воды, автонасосы работали с перебоями. Под обломками внезапно рухнувшей наружной стены погибли 17 пожарных. Бойцы саперных и медицинских команд МПВО спасли 58 раненных жильцов.

14 ноября

Последние 7–10 дней — ежедневные налеты вражеской авиации на город. Ежедневно по 2–4 тревоги общей продолжительностью 5–7 часов. Несколько раз бомбы падали в районе станции. Разбиты перила Аничкова моста и дворец на углу Фонтанки. Зенитчики безрезультатно ведут обстрел. [Ходорков]

15 ноября

Вновь начались налеты на город. Тревоги по несколько раз в сутки. Вновь невинные жертвы, гибнут взрослые и дети. Праздник был омрачен. Пострадали Дворец пионеров, Аничков мост и ряд близко расположенных домов. Сволочи! Уничтожение, полное истребление всех до единого немца — задача нашего народа. [Назимов]

В конце 1942 года под Ленинград были переброшены из Крыма дальнбойные орудия осадной артиллерии, в том числе мортиры калибром 220 мм и 420 мм («Толстая Берта», вес снаряда 800 кг), 400-мм французские гаубицы, стрелявшие 900-килограммовыми снарядами. Из Франции, Чехословакии и Германии прибыли орудия калибром 210 мм и 240 мм с дальностью стрельбы 36–45 км и 177-мм пушки с дальностью до 30 км.

1943

23 января

Стучит метроном по радио. Время десять с половиной вечера. Уже три часа длится воздушная тревога. Сегодня сброшено 18 бомб, 9 очагов, около 100 пострадавших. Враг не перестает терзать Ленинград и его население.

Жалкие попытки внести панику в его среду. Что могут сделать они с крепко сплоченным советским народом. Жалкие потуги, за которыми последует расплата, и расплата более жестокая. [Назимов]

Из документов Городского штаба МПВО: В январе противник совершил 23 налета, над городом было замечено 33 вражеских самолета.

По городу было выпущено 5 000 артиллерийских снарядов.

В 20 часов 30 минут фугасной авиабомбой на мостовой пр. Карла Маркса у дома 32 ранен 61, убито 8 человек.

24 января бомба разрушила торцевую часть жилого дома по пр. К. Либкнехта, 88. Взрыв повредил водопроводные магистрали. Хлеставшая из них вода быстро застывала на морозе, осложняя пожарным доступ к очагу пожара. Из двух уцелевших лестничных клеток одна была завалена обломками, другая сильно задымлена, что также ограничивало действия пожарных. Пожар тем временем быстро разгорался. Пожар ликвидировали только к 8 часам утра следующего дня.

12 февраля в 16 часов 30 минут возник пожар в семиэтажном производственном корпусе Мясокомбината. Неподалеку от здания проходила линия фронта. Прибытие пожарных команд не осталось незамеченным противником, который открыл шквальный оружейный огонь. Был убит водитель пожарной машины, ранены начальники караула и пожарной команды, поврежден автонасос, перебиты пожарные рукава. Главной задачей пожарных расчетов было отстоять нижние этажи здания, где хранились боеприпасы. По просьбе руководства пожарной охраны города наша артиллерия втянула противника в контрбатареиную борьбу. Под грохот своих и чужих орудий пожарные продолжили борьбу с огнем. Около восьми часов вечера пожар был локализован.

13 февраля на станции Купчино загорелись железнодорожные вагоны с боеприпасами. Всего вагонов было семь, два горели.

В них начали рваться снаряды. Пожарные и солдаты вручную раскатили состав. Горящие вагоны потушили. Выяснилось, что внутри горела деревянная обшивка. Пренебрегая смертельной опасностью, пожарные выносили ящики со снарядами и заливали внутреннюю обшивку.

3 марта в результате артобстрела загорелось со 2-го по 4-й этажи пятиэтажное здание инфекционного отделения госпиталя на Приютской ул., 3. Тушение приходило под непрерывающимся артиллерийским огнем. Среди пожарных было трое убитых и трое раненых. Осколками повреждены механическая лестница и автонасос.

1–6 марта

В один из февральских вечеров меня вызвал к себе секретарь нашего Выборгского РК ВКП(б) и передал мне, что было принято решение Военного совета Ленинградского фронта, подкрепленное указанием тов. А.А. Жданова, о том, что Выборгскому райкому поручалось ответственное и в тоже время печальное задание.

Наступала весна, и в городе могла вспыхнуть эпидемия из-за того, что сотни и даже тысячи трупов ленинградцев, погибших от голода, болезней, бомбежек и т. д., скопились на улицах, в подвалах домов, в квартирах жителей города, среди этих погибших были как взрослые, так и дети.

Хоронить тела погибших разрешалось в небольшом количестве на Богословском и Серафимовском кладбищах, но это не было выходом из положения... И было принято решение производить массовое захоронение погибших ленинградцев на Пискаревском кладбище, которое находилось на границе Выборгского и Калининского районов и считалось как бы за территорией города (в черте города, за редким исключением, хоронить воспрещалось).

Этим решением было выделено в распоряжение Выборгского райкома ВКП(б) шесть экскаваторов, подразделение подрывников — верхний слой грунта нужно было взрывать, подразделение бойцов 4-го полка НКВД и батальоны МПВО. Кроме того, было предложено для этих работ мобилизовать необходимое количество гражданского населения. Мне было поручено руководить выполнением этого задания и ежедневно отчитываться о ходе работ секретарям райкома.

По рекомендации тов. Г.Т. Кедрова мы осмотрели подступы транспортировки к Пискаревскому кладбищу и продумали необходимую технологию захоронения погибших с расчетом, чтобы к 5 марта 1943 г. эти работы были закончены. Одновременно нами было предложено по возможности уточнить фамилии погибших и определить количество захороненных на кладбище.

В тот же день т. Г.Т. Кедров и я проехали по Б. Спасской улице и увидели следующее: примерно от угла Б. Спасской и Гражданского пр. и далее почти до территории Пискаревского кладбища были разгружены с машин и саней трупы погибших, скованные морозом. Их было очень много... Они заполняли всю дорогу и всё вокруг, и на это трагическое зрелище невозможно было смотреть без слез. Было принято решение немедленно, на следующий же день, транспортировать их на кладбище.

На территории самого кладбища сразу же после прибытия экскаваторов начали рыть котлованы, в которые и укладывались трупы погибших. Экскаваторы были расположены, для ускорения работ, уступами, одновременно вырывая котлованы, они сразу же зарывали вырытые ранее. <...>

Однако вторая часть задачи (установка личности погибших) была невыполнима. Никаких списков и документов о них не было, хотя вначале мы отказывались принимать без каких-либо данных, но затем были вынуждены отменить это решение, так как убедились в полной невозможности в этой обстановке определить личности погибших. Особенно много привозили трупов с бывшего ипподрома, куда вначале свозили трупы из центральных районов города.

По той же причине было невозможно определить точное количество людей, захороненных на Пискаревском кладбище.

Военные бойцы МПВО и 300 женщин (выделенных по указанию райкома работниц текстильного предприятия района) оказывали помощь и в захоронении погибших командиров на соседнем (военном) кладбище. <...>

Однажды мимо кладбища проходила большая колонна прекрасно экипированных бойцов и командиров, прибывших, как мне стало известно, с Урала. К нам подошел один из командиров и попросил разрешения устроить на территории кладбища маленький привал. Мы не возражали, но нами овладело некоторое недоумение. Скоро все объяснилось. Командир оказался замполитом этой части.

Он решил устроить для бойцов митинг. Влез на экскаватор и сказал: «Многие меня спрашивали, почему нас направляют на защиту Ленинграда, а не на Московский фронт? Товарищи! Оглянитесь вокруг, и, я думаю, вопросов больше не будет». Вокруг стояли бойцы с суровыми, окаменевшими лицами. Вскоре последовала команда к построению и колонна двинулась в город. [Балашев]

7 марта

Сегодня попал под сильный артобстрел, пришлось прятаться на лестнице и в подворотне. <...> У нас в районе временно нарушена подача электроэнергии и нарушена телефонная связь. [Лившиц]

9 марта

7 и 8 марта на станцию упало 136 одиннадцатидюймовых снарядов. Стреляла какая-то новая тяжелая батарея немцев. Станция была выведена из строя и отрезана от города с 11 часов 7 марта до 12 час. 48 мин. 8 марта. Разбиты три воздушные подстанции, четыре железнодорожных пути, северная и южная откатки, вагоны, трансформаторная башня, потенциалы, регуляторы, насосная первого подъема, выбиты все рамы и стекла в котельной, распределительные устройства и многие другие здания, совершенно разгромлено четырехэтажное здание ИТР. Обрушилось перекрытие над котлом № 6 и много других повреждений.

Опасаясь взрыва котлов, Ленэнерго дало распоряжение о полной остановке станции. Однако вследствие обстрела остановка была отменена. Работая непрерывно до 12 час. 48 мин. 8 марта, удалось по примитивной схеме опять подать энергию в город. Благодаря своевременному укрытию ранено и убито только семь человек. Персонал вел себя хорошо и держался стойко, несмотря на очень тяжелую обстановку. Станции передана благодарность горкома партии.

Придя домой, застал разгром. Разворочена стена. В комнате все перебито. Валяются кирпич и штукатурка. Заснул на кровати, усеченной осколками. Интенсивно ликвидируем повреждения. [Ходорков]

22 марта

Днем во время тревоги по телефону сделали запрос, что горит. Но у меня все шло спокойно. Не успел повесить трубку, как явилась

пожарная команда. Оказалось, стекло пожарного извещателя разбито, и от нас был послан вызов. Но кто это сделал? Тут же опрошил всех сотрудников. Никто не признается. Следовательно, имеется злой умысел, диверсия, ложный вызов. По отбытию пожарной команды провожу экстренное расследование. Оказалось, дворничиха сбивала лед и отколовшийся кусок попал в стекло сигнального устройства и учинил самопроизвольный вызов.

Вечером вновь тревога и невероятная пальба. Осколки, падая вниз, жужжат, точно шмели. Долго длится дождь осколков, долго прожектора ощупывают небо. Ночью тревога повторяется. В нашем районе обошлось без потерь, в центре города есть поражения. [Лившиц]

24 марта

Уже который день не прекращаются налеты. Всю ночь шла стрельба. Около 6 часов утра мой дом стал содрогаться от разрывов. С шипением несутся к земле бомбы. Их свист отчетливо слышен. Считаю разрывы: первый — мимо, второй — мимо, третий — мимо, четвертый — мимо. Мимо того дома, где я нахожусь на пятом этаже, которому в случае прямого попадания спасения нет. <...>

Одна бомба упала на мостовую на Невском и не разорвалась. Наутро воронка огорожена забором с предостерегающими надписями: «Тихий ход! Опасно! Неразорвавшаяся бомба». У ограждения дежурит постовой милиционер, жители соседнего дома эвакуированы, трамвайная остановка у улицы Марата временно перенесена.

Днем завязалась артиллерийская дуэль. Немцы стреляют — наши отвечают. Снаряды в обе стороны летят через территорию нашей фабрики. Немцы вели прицельный огонь по н-скому объекту, корректируемый, вероятно, каким-то лазутчиком. Стрельба велась весь день. Возник крупный пожар. Черный густой дым заволоч горизонт. [Лившиц]

Из документов Городского штаба МПВО: 24 марта термитный снаряд пробил резервуар с мазутом на территории 1-й ГЭС. Горящее топливо мощной струей било из отверстия. Загорелась рядом стоящая емкость. Пожарным удалось сбить пламя со второго резервуара. Из-за сильного пожара емкость сильно деформировалась, из многочисленных пробоин било пламя. Пожарные

все стволы сосредоточили на тушении горячей емкости. В результате огонь был побежден.

16 апреля возник пожар от разрыва снаряда на Балтийском заводе.

18 апреля

Стрельба началась около 12 часов. Снаряды ложились близко, то дальше, то ближе, несколько снарядов упало рядом на Лиговке. Ясно, наш квадрат находится в зоне обстрела. Немедленно все рабочие и служащие были эвакуированы в бомбоубежище, вырытое во дворе. Снаряд влетел в окно, ударил под фундамент фрезерного станка, расположенного у капитальной стены конторы. Станок изломан и похоронен под обломками. Фундамент разрушен. Мотор сорван с фундамента и перевернут. Капитальная стена разворочена, перекрытия цеха обрушены, готовая продукция переломана. Выведены из строя помещения бухгалтерии и кассы и моя комната. Последнюю не узнать. Обе рамы выбиты и лежат на моем столе. Стенка разрушена, ее кирпичи валяются на койке, столе. <...>

Этот восьмидюймовый «гостинец» натворил много дел. Потребуются много трудов и времени, чтобы восстановить произведенные разрушения. [Лившиц]

Из документов Городского штаба МПВО: 20 апреля. Подожжен резервуар с мазутом на заводе «Красный выборжец». Борьбу с очень тяжелым нефтяным пожаром вновь пришлось вести под обстрелом противника. Однако уже через 50 минут он был потушен. Большую часть ценного топлива удалось сохранить.

26 апреля. В 15 часов 15 мин при разрыве артснаряда в вестибюле дома по адресу Волковский пр., 106/105 ранено 39, убито 50 человек.

29 апреля

Цельный день шла перестрелка, к концу дня это была сплошная ка-нонада. Наши стреляли из всех орудий, немцы отвечали. Снаряды свалились в центре города, в районе Невского. [Лившиц]

1–2 мая

Вот и 1 мая. Эти радостные даты празднуются сейчас скромно, без блистательных демонстраций, без банкетов и балов. В эти дни

ждешь очередных неприятностей от немцев. Все меры предосторожности были приняты. Никто из казарменников не раздевался. Ночь была ветреная, выпал небольшой мокрый снег. Периодически проверял посты.

День 1-го мая был хмурым и холодным. Воздушных тревог не было. Фашисты решили отыгаться артиллерийским обстрелом. Вместо радостных песен и веселых маршей центр города оглашается звуками разрывающихся снарядов. Эти снаряды летели через нашу голову и рвались в районе «Гостиного двора», у аптеки и «Пассажа». Разбитые вагоны трамвая, трупы убитых ленинградцев, стоны раненых, вот, что в этот день видел Невский проспект. [Лившиц]

Из документов Городского штаба МПВО: 2 мая 23 снаряда попали на территорию завода «Большевик». Возникли многочисленные очаги возгорания топлива и прочих горючих жидкостей. Для тушения пожара прибыли 6 пожарных подразделений и 2 автоцистерны. Место пожара посетил председатель Ленгорисполкома П. Попков. Благодаря героическим усилиям пожарных огонь был потушен через полтора часа.

3 мая

После обеда снова жуткий обстрел. Снаряды рвутся рядом. Эвакуировал рабочих в бомбоубежище. «Бабка Матреша», наша работница, строптивая старуха, заупрямилась и осталась в цехе.

Стоял невероятный грохот от разрывов снарядов и ответных залпов нашей артиллерии. Один снаряд попал к нам на территорию. Столб земли поднялся к небу, стоял густой дым. Побежал к очагу поражения, смотрю, оттуда уже возвращается «бабка Матреша». Оказывается, она туда побежала тушить, полагая, что это загорелась постройка. Вот это да! Настоящая ленинградская «бабка». В цехе, где она сидела, все стекла были выбиты. «Как же ты не боялась остаться?» — спросил я ее. «А я просила: Господи! Спаси и помилуй! И он меня помиловал», — сказала «бабка», осенив себя крестным знамением. Ну и ну! [Лившиц]

Из документов Городского штаба МПВО: 3 мая. В результате интенсивного артиллерийского обстрела на нефтебазе «Красный нефтяник» возник один из самых сложных пожаров в годы блокады. Взрыв первого снаряда разрушил цистерну с соляровым

маслом и поджег его. Последующие взрывы разрушили хранилища машинного и солярового масла. Горящее масло растеклось по территории базы. Поднялся столб черного дыма. По нему продолжала бить вражеская артиллерия. Пожарные расчеты вели борьбу с огнем под непрерывным огнем. Двое пожарных погибли. 17 бойцов ранены, 6 человек контужены, трое получили сильные ожоги и один отравился угарным газом. Были пострадавшие среди бойцов МПВО, рабочих и служащих базы. В тушении пожара приняли участие 25 пожарных команд, личный состав 11-го батальона МПВО, отряд моряков и служащие нефтебазы.

4 мая. Около 8 часов вечера снаряд попал в склад горючего на территории Кировского завода. Враг действовал по стандартному сценарию. Сначала наугад выпускал снаряд в направлении известной ему цели. Когда разгорался сильный пожар и к небу устремлялся высокий столб дыма, немцы, ориентируясь на него, продолжали стрелять в том же направлении, стремясь помешать борьбе с пожаром. Всего на территории завода разорвалось 196 снарядов.

9 мая. В Угольной гавани Морского порта разрывом снаряда подожена емкость с остатками тяжелых нефтепродуктов. Резервуар находился на узкой полоске земли, что затрудняло доступ пожарным. В тушении участвовали три группы. Одна шла по грудь в ледяной воде, другая на шлюпке с мотопомпой, третья на пожарном катере. Огонь был быстро локализован. Однако другой снаряд попал в соседний резервуар и поджег его. Противник усилил обстрел. Появились самолеты противника, начавшие пулеметный обстрел пожарных расчетов. Несколько бойцов пожарной команды оказались ранены, шлюпка с мотопомпой затонула, катер получил пулевые пробоины рулевой рубки, были пробиты пожарные рукава.

13 мая. Фугасная авиабомба уничтожила правое крыло здания Смольнинского райисполкома.

26 июля

Вот уже третий день, как немцы без перерыва обстреливают город. Днем и ночью всюду рвутся снаряды. Чувствуется, что это уже просто хулиганское, истерическое мщение немцев за неудачи. На

всех фронтах наши взяли инициативу в свои руки и перешли в наступление. [Евдокимов]

Спецсообщение начальника Управления НКВД ЛО комиссара госбезопасности Шикторова секретарю Ленгоркома ВКП(б), члену Военного Совета Ленфронта, генерал-майору Кузнецову от 26 июля 1943 г.: На заводе № 522 скопилось значительное количество взрывчатой продукции, в числе которой:

Реактивные снаряды	16 вагонов
Артснаряды и мины	20 вагонов
Морские мины	120 штук
Зажигательные бомбы	1 вагон
Нитроглицериновый порох	40 тонн

В связи с тем, что эта продукция не рассредоточена и не укрыта, в условиях, когда противник ежедневно обстреливает город, создается реальная угроза взрыва и выведения из строя всей группы заводов на Ржевке и склада НКО № 70. Во время артобстрела 7 августа с.г. на территорию заводов № 5, № 522 и склада № 70 упало свыше 60 артснарядов. На заводе № 522 упавшими 19 июля снарядами повреждены энергетическое хозяйство и подъездные пути.

В целях предотвращения серьезных последствий, которые могут быть в случае попадания артснарядов противника в места хранения взрывчатых веществ, необходимо принять срочные меры по рассредоточению и укрытию скопившихся на заводе № 522 боеприпасов и другой взрывчатой продукции. Прошу Вашего вмешательства.

19 августа

Сегодня побывал в кинотеатре, смотрел фильм «Неуловимый Ян». Стал свидетелем бытовой картинки фронтового города. Для ленинградцев она стала обычным явлением. Во время демонстрации фильма начался артобстрел района. Публика спокойно сидела в темном зале. От близких разрывов содрогались стены. Первой моей мыслью была: неужели не удастся досмотреть фильм. Думаю, что большинство зрителей разделяло мои желания. Так хотелось, чтобы администрация кинотеатра «запоздала» с прекращением сеанса и прокрутила фильм до конца. Видимо, администрация не была заинтересована в срыве мероприятия, и демонстрация возобновилась.

Такова каждодневная жизнь ленинградцев. В театрах зрители внимают мажорным звукам оперетты, а рядом за стенами зала рвутся снаряды и гибнут люди. Есть что-то странное в этом постоянном соседстве со смертью.

На окровавленном асфальте лежит убитая женщина, рядом раненная девочка с окровавленной ногой, а чуть поодаль — сетка авоська с овощами с собственного огорода. Через несколько минут их подберут дежурные из медслужбы МПВО. Работа не прекращается, домашние дела идут своим чередом.

Что это — героизм или беспечность, мужество или привычка? Особенность массового героизма ленинградцев в том, что каждый взятый в отдельности ничего героического не совершает. Разве вагоновожатый трамвая, продолжающий движение во время обстрела, становится героем? Разве уличная продавщица газированной воды, застигнутая обстрелом на своем рабочем месте, совершает подвиг? Ленинградцы не ходят в атаки, истребляя фрицев. Они делают свою простую работу, помогая горожанам жить.

Ленинград подвергается обстрелам почти ежедневно. В последние четыре-пять месяцев артыналеты стали массированными.

Два дня тому назад снаряд попал в помещение парикмахерской. Разворотило окна и двери, разбита мебель, повреждены стены. Сегодня оконный проем забит досками, а на них листок бумаги с надписью: «Парикмахерская работает». [В.Н.]

Спецсообщение начальника Управления НКВД ЛО комиссара госбезопасности Шикторова секретарю горкома ВКП(б) Лазуткину от 25 августа 1943 г.: Проверкой состояния противопожарной охраны Ленжиркомбината (Обводный канал, 78) установлено, что в резервуарах, расположенных в непосредственной близости от производственных цехов, хранится 650 тонн пищевого растительного масла. Несмотря на то, что растительное масло является одним из остродефицитных продуктов питания и предназначено для Ленфронта, уже длительное время не принимается никаких мер к его отгрузке.

Учитывая, что на территории Ленжиркомбината, на площадках, в непригодном складском помещении и даже в производственных цехах кроме готовой продукции (растительного масла) скопилось большое количество сырья и отходов, в условиях, когда район ежедневно подвергается артобстрелам, налицо

БУДНИ ПОДВИГА

серьезная угроза возникновения пожара и уничтожения как пищевой продукции, так и зданий Ленжиркомбината.

Противопожарные меры, принятые пожарной охраной города, не могут гарантировать полную безопасность указанного объекта, если в срочном порядке Комбинат не будет разгружен от скопившейся на нем готовой продукции.

4 сентября

Вчера был ожесточенный обстрел. Я был в городе. Застрял в самом неудобном месте на углу Невского и Садовой, где всего строже милиция следит за соблюдением правил поведения во время тревоги. Вместе с толпой 15–20 человек три часа провел в подворотне здания Публичной библиотеки. Обстрел продолжался, но мне удалось улизнуть из-под бдительного присмотра дежурных МПВО. Менее людными, боковыми улицами добрался к себе домой на Старо-Невский. У Московского вокзала где-то рядом со мной снаряд разорвался так близко, что отчетливо слышал звуки падения осколков.

За полчаса до моего прихода домой на чердак соседнего дома — напротив окон моей квартиры попал снаряд. От осколков и взрывной волны вылетели стекла и рамы. Пол двора был усеян обломками. К счастью, в моей квартире выбило всего два стекла. [В.Н.]

Из документов Городского штаба МПВО: 14 сентября. Большой пожар на заводе «Электроприбор».

12 октября в 15 часов 25 минут и 16 октября в 19 часов 14 минут прямыми попаданиями двух артснарядов в трамвайные поезда на углу Лесного пр. и Литовской ул. ранено 49, убито 23 человека.

3 декабря в 16 часов артснарядом на углу Невского пр. и Дворцовой пл. разрушен трамвайный вагон. Ранен 31, убито 50 человек.

24 декабря. Всего за тридцать минут удалось справиться с горением емкости с бензином.

1944

4 января

Хмурое утро. В начале восьмого противник дал по городу несколько залпов. В течение всего дня артобстрел возобновлялся несколько раз на короткое время. Выпало очень много снега, повсюду на гребени большие кучи. Деревья в садах, парках и скверах густо опорошены снегом. Держится небольшой мороз. Ленинград имеет типичный зимний пейзаж. [Горшков]

Из документов Городского штаба МПВО: 4 января в 7 часов 46 минут прямым попаданием артснаряда в трамвайный поезд на углу Нижегородской ул. и Лесного пр. ранено 95 человек, убито 32 человека.

14 января

В шестом часу вечера иду из школы. На площади у «Астории» оглушительный выстрел: один, другой, и все это переходит в гул. Исаакий на фоне вспышек зеленоватого цвета.

— Что это, обстрел? — спрашиваю идущего навстречу морского офицера.

— Да что вы, смотрите, где вспышки! Это наши корабли. [Ползикова-Рубец]

15 января

Ночь сплю и ничего не слышу. Утром иду в школу, и тут началось. Наша артиллерия палила так, что становилось светло как днем. Вспышки ослепляли, следовали непрерывно друг за другом. Подходя к школе, слышу звон стекла. От сотрясения выскакивают стекла. В школе, особенно во 2-м этаже, в сторону Исаакия вылетают немногие еще уцелевшие стекла, открываются рамы. Нам ясно, началось наступление.

Не могу себе найти места от беспокойства. Я, которая сидела при артобстрелах в своем кабинете, не могу в нем оставаться. Спускаюсь в канцелярию как в более людное место. Нервы напряжены. Рисую себе сцены атак и чувствую, что теряю власть над собой.

Вечером заседание в Исполкоме. Туда идет В.В. Б-ко. Вечером узнаю, что П-н на заседании сообщил, что в 9.30 утра мы овладели городом Пушкином. Весь день жили в непрерывном гуле. [Ползикова-Рубец]

16 января

Много тише. Мучает отсутствие известий. [Ползикова-Рубец]

17 января

Жестокий обстрел города. Палит и наша артиллерия. В гуле не разобрать, кто стреляет.

Ученица 10 класса Т-ль говорит: «Ксения Владимировна, Пушкин мы не взяли, я это знаю из Смольного». Что это значит? Очевидно, переходит из рук в руки. И все нет известий. [Ползикова-Рубец]

18 января

Та же картина. Идем на заседание в Аничков дворец под ужасным обстрелом. [Ползикова-Рубец]

19 января

Опять наша артиллерия палит оглушительно. Вспышки и звуки залпов чередуются непрерывно. Окна звенят, стекла вылетают. Девочки наши пытаются внести ясность в звуки: это «Киров», это «Адмирал Дрозд». Спорят. По-моему, разобраться невозможно.

21 час. Наконец, радио заговорило! Приказ на имя генерала армии Говорова. Взяты Красное Село, Ропша. [Ползикова-Рубец]

27 января

Я вышла на набережную у моста Лейтенанта Шмидта. Впервые за тысячу дней в городе сняли светомаскировку, кое-где тускло светили окна домов и отдельные уличные светильники. Из репродукторов раздавался торжественный голос диктора, он зачитал поздравление ленинградцам с долгожданным праздником. Но вот радио умолкло, присутствующие притихли и наступила тишина, все ждали торжественного салюта.

Вечернее небо осветилось вспышкой многоцветного фейерверка, и тут же раздался глухой артиллерийский залп. Высветились осунувшиеся лица ленинградцев. Они кричали «ура!» и были безмерно счастливы. Многие плакали от радости, от осознания того, что кончились блокадные страдания от голода, холода и артиллерийских обстрелов. Залпы салюта следовали один за другим, освещая набережные, израненные дома и тысячи счастливых ленинградцев. Салют закончился, но люди еще долго не расходились. [Павлушкина]

Цена Подвига

Враг, терзавший город, был навсегда отброшен и разбит 27 января 1944 года. Этот день стал последним днем ленинградской блокады.

Цена этой победы огромна. Только по неполным данным:

— безвозвратные потери советских Вооруженных Сил составили около **980 тысяч человек**;

— санитарные потери советских Вооруженных Сил составили почти **2 миллиона раненных, больных, обмороженных, обожженных, контуженных.**

По официальным данным, обнародованным советским обвинением на Нюрнбергском процессе:

— за 872 дня этой героической и трагической эпопеи в городе погибло 632 253 человека.

По результатам исследований историка В.М. Ковальчука и ряда других ученых:

— в городе от голода, холода, снарядов, бомб и болезней погибло не менее **800 тысяч человек**, а с учетом пригородных районов **до 1 миллиона мирных жителей.**

По официальным данным городской службы МПВО:

— артиллерия противника выпустила по городу более **150 тысяч снарядов**, жертвами артобстрелов стало более **17 тысяч человек**;

— на город сброшено **74 289 зажигательных и фугасных бомб**, жертвами бомбежек стали **1 926 убитых, 10 554 раненых жителя города.**

По данным городского треста «Похоронное дело»:

— только в период между 1 июля 1941 года и 1 июля 1942 года в городе было захоронено 1 093 695 человек; эти данные не полные и не точные, герои и жертвы войны захоронены на десятках кладбищ города; крупнейшее место массовых захоронений — всемирно известное Пискаревское мемориальное кладбище, где обрели вечный покой **490 тысяч человек.**

Смерть преследовала эвакуированных ленинградцев и за пределами блокадного кольца. По приблизительным подсчетам только в пути следования через Вологодскую и Ярославскую области за весь период эвакуации умерли **15 тысяч человек**.

Инвалидами стали не менее **100 тысяч жителей города**.

Значительный ущерб был нанесен жилому фонду:

— полностью разрушены **3 174 здания**, общей жилой площадью **2,5 миллиона кв. метров**;

— более **20 %** всего жилого фонда, представлявшего собой деревянные постройки, было разобрано на дрова;

— повреждены **7 143 здания**, среди них десятки выдающих памятников мировой культуры.

Огромен ущерб, нанесенный городскому хозяйству:

— выведено из строя **75 %** ленинградской промышленности;

— общие потери в денежном выражении — **5,5 миллиарда рублей**, что составило четвертую часть довоенного уровня.

...На 1 января 1944 года в Ленинграде было зарегистрировано 551 908 человек, в том числе 116 032 детей до 16 лет...

Десятки тысяч жителей города не смогли вовремя получить хорошее образование и профессию, прочитать нужные книги и накопить необходимые знания, навыки и столь необходимый культурный багаж. Всю оставшуюся жизнь они были вынуждены заниматься тяжелым малоквалифицированным трудом.

Блокада задержала культурный и духовный рост населения, породив в массовой психологии фобии, которые в дальнейшем умело использовала власть в своих целях.

Голод и лишения блокадной поры сказались на состоянии здоровья родившихся после войны детей и даже внуков ленинградцев.

Всем жертвам блокады, всем выстоявшим ленинградцам — вечная слава и благодарность потомков!

Представленные ниже сведения весьма кратки ввиду того, что дневники, фрагменты из которых публикуются в книге, поступили в Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда либо от родственников, либо от соседей авторов или просто от случайных людей, мало знавших тех, чьи самоотверженность, мужество и мудрость позволили создать и сохранить бесценные свидетельства героической трагедии Ленинграда и его жителей.

Балашев И.И. В годы блокады зав. военным отделом Выборгского РК ВКП(б). Воспоминания датированы 21 февраля 1980 года. Фрагмент воспоминаний публикуется по машинописному авторскому оригиналу.

Берман А.Г. С сентября 1941 г. инспектор районного учетного бюро заборных книжек. Выдержки из дневника печатаются по рукописной копии, переданной родственниками в архив Пискаревского мемориального кладбища.

Бирюкова С.Н. До войны домохозяйка, в годы блокады работала сторожем в домоуправлении. Блокадные воспоминания записаны ее сыном кандидатом исторических наук А.В. Бирюковым.

Владимиров В.С. В начале блокады работал на заводе, учился в Военно-учебном пункте. В конце апреля 1942 года призван в действующую армию. Фрагменты дневника публикуются по авторской рукописи. Записи начал вести младший брат Борис, умерший от голода в январе 1942 года.

В.Н. Под этими инициалами публикуются фрагменты дневника Владимира, внучатого племянника великого русского художника Н.Н. Ге. В годы войны находился в действующей армии на Ленинградском фронте, читал лекции на политические темы, был секретарем парторганизации батальона. Фрагменты дневника печатаются по подлинной рукописи.

Горшков Н.П. Родился в 1892 году. В годы блокады старший бухгалтер в Ленинградском институте легкой промышленности. В декабре 1945 года был арестован по обвинению в антисоветской агитации. Умер в лагере в 1951 году. Блокадный дневник был приобщен к судебному делу и долгие годы хранился в архиве.

Дневник был дважды опубликован по инициативе и при участии Управления ФСБ по Петербургу и Ленинградской области. Небольшой его фрагмент взят из издания 1993 года.

Евдокимов А.Ф. Родился в 1917 году. В годы блокады рабочий, мастер участка военного завода «Краснознаменец», передовик производства. Фрагменты блокадного дневника публикуются по подлинной рукописи.

Ивлева В.М. Родилась в 1902 году. В 1925 году окончила Ленинградский институт социального воспитания нормального и дефективного ребенка. В 1938 году закончила вечернее отделение факультета русского языка и литературы Педагогического института им. Герцена. В том же году перешла на работу в 36-ю школу Выборгского района учительницей русского языка.

Во время эвакуации с 1942 по 1945 годы работала учителем русского языка и завучем во 2-й средней школе г. Череповца. После возвращения в Ленинград работала завучем и преподавала русский язык в 115-й школе Выборгского района. Скончалась в 1997 году. Фрагменты блокадного дневника печатаются по машинописной копии.

Капранов Б. Родился в 1924 году. Жил и учился в Колпине. В начале блокады боец Комсомольского противопожарного полка, затем поступил в Военно-политическое училище. В начале зимы 1941 года был отчислен из училища по его настойчивой просьбе. В декабре 1941 — январе 1942 годов жил с семьей в общежитии эвакуопункта. Умер в эвакуации от последствий голода. Фрагменты дневника печатаются по подлинной рукописи, присланной по почте его братом в 1997 году.

Коровкин С.М. В 1942–1945 гг. командир огневого взвода батареи 120-мм минометов 462-го Нарвского стрелкового полка 131-й Ропшинской Краснознаменной стрелковой дивизии. Участвовал в боях по полному освобождению Ленинграда от вражеской осады. Публикуются фрагменты из воспоминаний, написанных к 40-летию освобождения Ленинграда от блокады.

Кулябко В.Г. Родился в 1876 году в г. Хороле Полтавской губернии. В 1903 году закончил Харьковский технологический институт. С 1937 года и до момента эвакуации в феврале 1942 года работал в Ленинградском механико-технологическом институте холодильной промышленности в качестве инженера-консультанта. В декабре 1944 года вернулся в Ленинград и продолжал работать в том же институте до конца жизни. Скончался в Ленинграде 21 октября 1946 г.

Лившиц З.С. В блокаду работал инженером на Фабрике спортивного судостроения. Рукопись дневника открывается рабочими записями, посвященными его производственной деятельности. Далее записи посвящены повседневной жизни и работе в осажденном городе.

Миронова Е.И. С начала блокады до лета 1942 года работала в Ленинграде. Весной 1942 года работала в одном из пригородных сельхозпредприятий, находившемся в блокадном кольце, затем поступила на службу в действующую армию. В составе стрелкового корпуса участвовала в освобождении

Ленинградской области, Прибалтики и Польши. После войны вернулась в Ленинград. Отрывки из дневника публикуются по машинописной копии в авторской редакции 1958 года.

Назимов И.В. В годы блокады главврач 23-й поликлиники, зав. райздравотделом Кировского райсовета, заведующий отделом внебольничной помощи горздравотдела. Фрагменты дневника публикуются по подлинной рукописи.

Нехлюдова Т.П. В годы блокады работала в ансамбле песни и пляски политотдела 23-й армии Ленинградского фронта. Фрагмент дневника публикуется по подлинной рукописи.

Павлушкина А.Г. Родилась в 1917 году. В июне 1941 года окончила Военно-медицинскую академию. Служила в Ленинграде в различных подразделениях Краснознаменного Балтийского флота. В книгу включены фрагменты ранее не публиковавшейся рукописи «Записки военного врача» (1980).

Ползикова-Рубец К.В. Школьный учитель истории, лектор Государственного Эрмитажа. Вела дневник всю блокаду. Фрагменты дневника цитируются в «Блокадной книге» А. Адамовича, Д. Гранина. Умерла в 1946 году.

Рыбина Н.В. В 1941–1942 годах служила медсестрой в звании старшины медицинской службы в военном госпитале в Ленинграде. Летом 1942 года направлена в действующую армию. В составе 124-й стрелковой дивизии участвовала в боях на «Невском пятачке», прорыве и снятии блокады, разгроме финской армии на Карельском перешейке. После победы дивизия была переброшена в Монголию, где вела бои против сил японской Квантунской армии. Фрагмент дневника публикуется по подлинной рукописи в авторской редакции 1979 года.

Самарин П.М. В годы блокады работал заместителем начальника цеха вычислительных машин Ленинградской фабрики машучета. Отрывки из блокадного дневника публикуются по подлинной рукописи.

Соколова Н.Ф. В 1941 году работала врачом-педиатром, зав. отделением детской больницы им К.А. Раухфуса. В осажденном Ленинграде находилась до конца марта 1942 года. Небольшой фрагмент воспоминаний взят из сборника «Медики и блокада: взгляд сквозь годы» (1997).

Ходорков А.Л. В начале войны главный инженер 8-й ГЭС. В годы блокады главный инженер 5-й ГЭС. Фрагменты блокадного дневника публикуются по машинописной копии.

Ниже приведены краткие сведения о художниках, графические работы которых, сделанные ими в годы блокады в Ленинграде, воспроизведены в этом издании. Курсивом указаны страницы, на которых они размещены.

Гагарина Л.И. Родилась в 1902 году. Живописец, график. Первоначальное художественное образование получила в Царицыне (ныне Волгоград). С 1928 года училась в Ленинграде в Художественно-промышленном техникуме и в Институте живописи, скульптуры и архитектуры. Во время войны находилась в блокированном Ленинграде. Работала в Доме Красной Армии. Написала ряд декоративных панно. Автор серии офортов «Ленинград в блокаде». Скончалась в 1984 году. 35

Пахомов А.Ф. Родился в 1900 году. График, живописец, иллюстратор детской книги. Народный художник РСФСР. Профессиональную деятельность начал в Ленинграде в 1922 году.

В блокаду жил и работал в Ленинграде, осенью 1941 года работал над патристическими плакатами для детей, делал зарисовки в госпиталях и городских моргах. В 1942–1944 годах создал знаменитую серию эстампов «Ленинград в дни блокады», которая принадлежит к числу выдающихся произведений отечественной графики. Скончался в 1973 году. 27, 75, 171, 203

Ушин А.А. Родился в 1927 году. График-станковист и книжный иллюстратор. Закончил среднюю художественную школу. Вместе с отцом — известным художником-графиком — оставался в блокированном Ленинграде. Выполнял различные оформительские работы. В возрасте 14-лет был командантом МПВО в своем доме.

Одной из главных в его творчестве стала тема Ленинградской блокады. Скончался в 2005 году. 15, 47, 53, 67, 119, 153, 235, 245, 251, 293

Юдовин С.Б. Родился в 1892 году. График. С 1910 года учился в Петербурге. Профессиональную творческую деятельность начал в 1916 году. В Ленинграде жил с 1924 года.

С первых месяцев блокады до лета 1942 года работал в городе над большим циклом «Ленинград в дни Великой Отечественной войны». Эти работы стали впоследствии основой для создания серии литографий на темы войны. Скончался в 1962 году. 41, 81, 139, 147, 177, 187, 257

Ниже в алфавитном порядке представлены упоминаемые в книге названия улиц, населенных пунктов и другие топонимы Ленинграда и Ленинградской области блокадного времени с указанием даты их упразднения и официальные современные наименования этих объектов.

Бабурин пер. (до 15.12.1952) — ул. Смолячкова
пр. Володарского (до 13.01.1944) — Литейный пр.
Гесперовский пр. (до 15.12.1952) — в составе Чкаловского пр.
Демидов пер. (до 15.12.1952) — пер. Гривцова
ул. Каляева (до 04.10.1991) — Захарьевская ул.
Красногвардейск (до 23.01.1944) — Гатчина
пр. Красных Командиров (до 23.01.1944) — Измайловский пр.
Международный пр. (до 20.12.1950) — в составе Московского пр.
Нарвская пл. (до 1926), устар. назв. — пл. Стачек
пл. Нахимсона (до 10.07.1950) — Владимирская пл.
Новосивковская ул. (до 15.05.1965) — ул. Ивана Черных
Охтенский мост, устар. назв. — Большеохтинский мост
ул. Плеханова (до 13.01.1998) — Казанская ул.
Сергиевский пер. (до 03.12.1956) — ул. Метростроевцев
ул. Скороходова (до 04.10.1991) — Б. Монетная ул.
Слуцк, Слуцкий район (до 23.01.1944) — Павловск, Павловский район
Советский пр. (до 13.01.1944) — Суворовский пр.
Б. Спасская ул. (до 16.01.1964) — в составе пр. Непокоренных
Средняя Рогатка — местность, исторический район у нынешней пл. Победы
Таиров пер. (до 15.12.1952) — пер. Бринько
ул. Тентелевка (до 12.11.1962) — имеется в виду Правая Тентелева ул.
в бывшей Тентелевой деревне, ныне исторический район «Тентелево»
Териоки (до 01.10.1948) — Зеленогорск
ул. Толмачева (до 04.10.1991) — Караванная ул.
Урицк (до 1963) — вошел в городскую черту
Чернышев пер. (до 23.08.1948) — ныне в составе ул. Ломоносова
ул. Якубениса (до 1975) — не существует

Госнардом — Александровский парк, 4, до 1951 года — крупнейший театрально-концертный комплекс
Дом Советов — Московский пр., 212, в блокаду в здании находился наблюдательный пункт командующего артиллерией Ленфронта

Ниже приведены книжные и другие издания, использованные при подготовке текста, сопровождающего оригинальные дневниковые записи.

- Бешанов В.В.* Ленинградская битва. М.; Минск, 2005.
- Битва за Ленинград.* М., 1974.
- Блокада рассекреченная.* СПб., 1995.
- Буров А.В.* Блокада день за днем. Л., 1979.
- Великая Отечественная война: 1941–1945 годы: Военно-исторические очерки.* М., 1997. Кн. 1: Суровые испытания.
- Волгогонов Д.А.* Сталин: Политический портрет. М., 1992.
- Гальдер Ф.* Военный дневник: 1941–1942. М.; СПб., 2003.
- Горшков Н.П.* Силою света в полсвечи. Блокадный дневник, найденный через 50 лет в секретных архивах КГБ. СПб., 1993.
- Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в боевых действиях и военных конфликтах.* М., 1993.
- Жеребов Д.* Мга: Жаркое лето 1943 г. // Новый часовой. СПб., 1998, № 4.
- Жизнь и смерть в заблокированном Ленинграде.* СПб., 2001.
- Карасев А.В.* Ленинградцы в годы блокады: 1941–1944 годы. М., 1959.
- Ковальчук В.М.* Магистралли мужества: Коммуникации блокадного Ленинграда: 1941–1943. СПб., 2001.
- Лебедев Ю.М.* По обе стороны блокадного кольца. СПб., 2005.
- Ленинград в осаде: Сб. документов.* СПб., 1995.
- Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. СПб., 2002.
- Ломагин Н.А.* Ленинград в блокаде. М., 2005.
- Магаева С.В.* Ленинградская блокада: психосоматические аспекты. М., 2001.
- Медики и блокада: Взгляд сквозь годы.* СПб., 1997.
- Микоян А.И.* Так было: Размышления о минувшем. М., 1999.
- Пунин А.Л.* Мы помним бомбы ленинградской блокады // Краеведческие записки: Исследования и материалы. СПб., 2000. Вып. 7. С. 258–291.
- Стахов Х.Г.* Трагедия на Неве: Бои за Ленинград: 1941–1944: Рассказ очевидца. Мюнхен, 2001 / Пер. с нем. Ю. Лебедева (машинописный экз., предоставленный переводчиком).
- Трагедия Мясного Бора.* СПб., 2001.
- Фролов М.И.* Артиллеристы в боях за город Ленина: 1941–1944: Исторический очерк. Л., 1978.

О составителе

Валерий Михайлович Давид родился в 1944 году. Родители познакомились в Ленинграде в годы блокады. Отец служил замполитом авиаэскадрильи, мать работала ответственным секретарем редакции газеты, издаваемой в политотделе ВВС КБФ. Оба прожили в городе все 872 блокадных дня. В 1973 году закончил факультет теории и истории искусств Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина.

Историю битвы за Ленинград и блокадную эпопею изучает со школьных лет, профессионально с 1995 года — после поступления на работу в Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. Исполнял обязанности заместителя директора музея по научной работе, главного хранителя, зав. сектором. Участвовал в создании новой основной экспозиции музея и множества выставок, а также в издательской деятельности музея, изучении архивных документов.

Составитель и издатель этой книги выражают самую искреннюю благодарность за предоставление материалов, использованных в ней, и помощь в их подготовке директору Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда *А.А. Шишкину* и хранителю рукописно-документального фонда музея *Н.С. Семичевой*.

Содержание

<i>К читателю</i>	3
90 дней: Пролог трагедии	5
ВЫЖИТЬ! ВЫСТОЯТЬ! ПОБЕДИТЬ!	11
В ТИСКАХ ГОЛОДА И СТУЖИ	87
ПОД ОГНЕМ	195
Цена Подвига	294
<i>Об авторах дневников и воспоминаний</i>	296
<i>О художниках</i>	299
<i>Топонимический указатель</i>	300
<i>Указатель литературы</i>	301

Массовое издание

БУДНИ ПОДВИГА

*Блокадная жизнь ленинградцев
в дневниках, рисунках, документах*

Составитель Валерий Михайлович Давид

Редактор В.Е. Левтов

Художник М.А. Бычков

Верстка Ю.Б. Нестеровой, Д.В. Соколова

Корректор Л.А. Яшина

Ответственный за выпуск Д.Н. Ганкин

Подписано в печать 27.02.2006. Формат 60 x 90^{1/8}.

Гарнитура Гельветика. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 19,0. Заказ № 3139.

Информационно-издательское агентство «ЛИК».

191023, Санкт-Петербург, Апраксин пер, 4.

www.licpublish.ru e-mail: info@licpublish.ru

Отпечатано с готовых диалозитивов

в ГУП «Типография «Наука».

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12.

ISBN 5-86038-135-2

9 785860 381353

ЛЕНИНГРАДСКАЯ БЛОКАДА — настолько масштабная, глубоко трагическая и героическая часть истории нашего города, часть судьбы нескольких поколений его жителей, что любые достоверные свидетельства о ней — бесценны. Тем более, если это дневниковые записи людей, страдающих от стужи, теряющих от голода последние силы, чьи страшные будни — тяжелая борьба за выживание. Их писали под грохот артиллерийской канонады за окнами, во время воздушной тревоги в бомбоубежище, при свете тусклой коптилки. Это само по себе равноценно подвигу, ибо сам факт такой добровольной работы — доказательство твердости духа, ясности сознания и веры в победу. И эти свидетельства, которые дошли до нас через 65 лет после начала блокадной трагедии, должны помочь нынешним поколениям ленинградцев-петербуржцев и всем, кому дорога история нашей страны, сохранить память об этом беспримерном Подвиге!

